ПИОНЕР

ДЕКАБРЬ 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1963 г

БЕЛГРАД

Там, где встречаются две большие реки, на месте впадения Савы в Дунай, стоит Белград, главный город социалистической Югославии.

На протяжении многих веков на него не раз нападали завоеватели, стремившиеся поработить нашу землю; на протяжении многих веков его не раз жгли и разрушали, и всегда, на протяжении веков, он возрождался и светил, как факел непокорности и свободы

Пионерам Советского Союза

«Что знают, то и любят!»—говорит одна югославская пословица. Чем больше человек знает какой-нибудь народ и страну, тем больше он их любит.

Мы, югославы, много знаем о великой, богатой и прекрасной Советской стране, о ее смелых людях, об их героической борьбе и блестящих трудовых подвигах. Сегодня мы пришли к вам в гости со своим детским литературным журналом «Змай», чтобы рассказать вам о себе и о своей стране, о ее освободительной борьбе, о социалистическом строительстве и о мирной жизни наших детей. А ваш журнал «Пионер» в это время будет гостем у нас на родине и расскажет нашим детям о вашей славной стране и особенно о пионерах, с которыми наши дети так хотят познакомиться.

Когда один из редакторов «Змая» был в Таджикистане, у подножия белых вершин Памира, он слышал старое изречение, что поэзия создает золотой мост от сердца к сердцу, от человека к человеку, от народа к народу.

И это совершенно верно! Поэзия, искусство трогают сердце человека, они говорят языком, понятным всем людям. Поэтому мы и пригласили наших поэтов, писателей и художников, чтобы они рассказали вам о нас, о нашей Югославии, о ее истории, о красоте ее природы, о ее людях.

И мы тоже читаем книги ваших писателей, смотрим картины ваших художников, слушаем вашу музыку. Они открывают нам душу вашего народа, красоту вашей страны и поэзию вашей борьбы и ваших трудовых подвигов.

Наши народы сблизила общая борьба против кровавых фашистских захватчиков и свободолюбивые, глубоко человечные идеи бессмертного Ленина и Великого Октября.

Мы идем за путеводной красной звездой ленинизма. Нас сближает совместная борьба за мир во всем мире, за лучшую жизнь, нас сближает наука и искусство.

Мы радуемся вашему проникновению в космос, радуемся успехам советских людей, и в каждом добром и благородном деле, в борьбе за счастье человека мы ваши союзники.

Будьте здоровы и веселы!

Редакция «Змая».

Всегда готов! Год издания 40-й

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ДЕКАБРЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1963 г. **12**

ЛЕНИН И ВРЕМЯ

Владимир ЧЕРКЕЗ

Рисунок Савы Николича.

ИЗ ПОЭМЫ

Песня взмывает над лесом гордым,
В небе парят орлы-степняки.
Дыханьем свободы высокогорным
Гроза омывает материки.

Дыханье Ленина! Юным лесом
Гвардия смелых равняет шаг,
Для дел, для подвигов и для песен
Встала она под ленинский стяг.

Светом зари мир озарив,
Выше знаменам взмыть!
«Ленин жил,
Ленин жив,
Ленин будет жить!»

Мы стали с тобою непобедимы,
Ты видел даль времен и путей.
Тебе посвящаем поэмы и гимны
И в честь тебя называем детей.

Не мысля о славе и о награде,
Ты жил, забыв про сон и покой.
Всю волю, все помыслы отдал ты ради
Надежды людской, свободы людской.

Народ поднимался из грязи рабской,
Слова становились сталью штыка.
И взят был Зимний атакой красной
По слову первого большевика.

Он звал к коммуне, великий Ленин,
В суровые, в славные времена,
Растил для будущих поколений
Братства всемирного семена.

Слово его — как солнца сиянье!
Лети же, слово, взывай и грей!
Сближай сердца, сближай расстоянья
От северных льдов до южных морей!

За счастье людей! Оно — за нами.
За юность земли! Она — за нас.
За знамя Ленина — наше знамя!
За непобедимый
Рабочий класс!

Светом зари мир озарив,
Выше знаменам взмыть!
«Ленин жил,
Ленин жив,
Ленин будет жить!»

Перевел Д. Самойлов

КРОВАВАЯ СКАЗКА

Десанка **МАКСИМОВИЧ**

В 1941 году в Крагуевце гитлеровцы расстреляли целую школу.

Это случилось в одном государстве
балканском —
в горном, крестьянском.
Горькое там приключилось злосчастье
с группой ребят:
целым классом пали они в одночасье
смертью героев.

Все они были ровесники,
все одногодки.
Вместе учились и вместе играли.
Хором стихи наизусть повторяли.
Вместе ходили к врачам на прививки.
Все у них общее было:
уроки, болезни, привычки.
Вместе они и погибли.

Это случилось в одном государстве
балканском —
в горном, крестьянском.
Горькое там приключилось злосчастье
с группой ребят:
целым классом пали они в одночасье
смертью героев.

Ровно за сорок минут до их смертного часа
вот что умы занимало этого класса:

«Грядки. Их шесть на моем огороде.
Десять арбузов на каждой».
И прочее в этом же роде.
Мысли мальчишек касались домашних
заданий,
по выполненью которых
качество ими усвоенных знаний
будет измерено грудой никчемных пятерок.
Детям казалось,
что долго бродить им по белому свету.
Долго решать им задачи —
сначала вот эту,— кто помешает?
Все, что им задано,— перерешают.

Это случилось в одном государстве
балканском —
в горном, крестьянском.
Горькое там приключилось злосчастье
с группой ребят:
целым классом пали они в одночасье
смертью героев.

За руки взявшись,
пошли они на смерть рядами.
Самые слабые дети — и те не рыдали.
После уроков,
сложив аккуратно тетрадки,
шли на расстрел они поступью твердой,
в полном порядке,
прямо и гордо.
За руки взявшись,
прямо под пули
эти ребята навстречу бессмертью шагнули.

Перевел Б. Слуцкий.

Рисунок Савы Николича.

ПЕСНИ БОРЬБЫ И ПОБЕДЫ

Рисунки Савы Николича.

Ой, друзья мои...

Ой друзья мои, товарищи,
Ой друзья мои, товарищи,
Как до дому вы пойдете,
Моей матери скажите,
Что я пал в бою жестоком.
Что я пал в бою жестоком.
От гранаты той немецкой.
Пусть горюет мать о сыне,
Пусть горюет мать о сыне,
Пока смотрят ее очи.

Проводи меня, мама

Не гляди так, мама, строго,
Дочку снаряди в дорогу!
С карабином за плечами
В бой уйду я без печали.
Эй, подружки, поспешайте,
Партизанов догоняйте!

Милица

Для чего ты рукавицы
Вяжешь, Милица-девица!
— Я пошлю их Милораду
В Черногорскую бригаду —
За долами, за горами
Насмерть бьется он с врагами.

Далматинцы — храбрые солдаты

В Лике говорил товарищ Тито:
— Братья, ваша доблесть не забыта!
Далматинцы, дети гор зеленых,
Далматинцы, дети сел сожженных,
Бьемся мы с жестокими врагами,
Но победа все равно за нами,
Потому что каждый — стар и млад —
На земле Далмации — солдат!

Мы два брата

Мы два брата из-под Ко́зарицы,
Мама, можешь нами ты гордиться,
И не надо слезы лить, родная,
Коль в бою нас пуля повстречает!

Перевели Ю. Вронский и Н. Олеа.

КОЛО, КОЛО ВКРУГ КРУЖИТСЯ

Югославия знаменита своими народными песнями и танцами. В свободные часы на каждой полянке слышится музыка и пляшут коло (хороводы).

Молодая македонка смотрит, с кем она вступит в круг танцующих... Трубачи приглашают на танец... Старик из Стрема заиграл уже на гайде... И девушка из Сербии вот-вот закружится в вихревом танце... А парни из Руговского ущелья под звуки музыки летят как на крыльях.

ИМПЕРАТОР

Я хочу рассказать вам о человеке по фамилии Есенев. О человеке, который носил круглые очки в голубой оправе. Тихо, неторопливо объяснял он новый урок, временами останавливаясь и обращая на нас свой усталый взгляд.

Мы мгновенно затихали. Но ненадолго. Лишь только учитель вновь начинал рассказ о каком-либо странном насекомом, пальцами показывая, как оно передвигается, Буца тут же оборачивался ко мне, сдвигал брови, корчил ужасно забавную рожицу и начинал издавать какие-то утробные звуки, очень похожие на крик совы. Учитель прерывал объяснение и поднимал лысеющую голову, на которой оставалось всего несколько серебристо-белых прядей. «Сидите тихо»,— говорили его глаза.

Я и сам не мог понять, почему я так не любил учителя. Еще не было случая, чтобы я не напроказил на его уроке. Однажды я принес в гимназию сломанную взбивалку для яиц. Как взбивалка она уже отслужила свой век, но ручка у нее была совсем целая и вполне годилась на то, чтобы отбивать на парте дробь. Помню, я с самым серьезным видом слушал рассказ учителя о каком-то жуке. Чтобы быть вне всяких подозрений, я принял подчеркнуто внимательную позу и подпер щеку рукой. Другой же рукой, полагая, что учитель меня не видит, энергично провел взбивалкой по скамье. Ужасно довольный своим подвигом, я невозмутимо смотрел на учителя. На лице его отразились удивление и гнев, затем лицо как-то сморщилось и кровь прилила к вискам, а на лысом затылке, совсем голом, выступили капельки пота. Десятки гневных слов, казалось, готовы были сорваться с его языка, но, мешая друг другу, не могли вырваться на волю.

Мне стало не по себе. Я хотел сунуть взбивалку в карман, но было уже поздно. Учитель схватил меня за руку и, заикаясь, спросил:

— Ты-ты-ты что? Пулемет?!

Затем он сел за стол и открыл журнал. В руках у него была ручка с красными чернилами.

— Сейчас,— сказал он,— сейчас я запишу тебе замечание.

В его голосе мне послышались слезы. На миг во мне шевельнулось раскаяние, но только на миг. «Как бы не так! Никого он не

Рассказ Мирко ПЕТРОВИЧА
Рисунки Живоина КОВАЧЕВИЧА

любит и не жалеет, настоящий Каллигула!»—сказал я себе и вспомнил римского императора: и как он, желая доказать, что он может верхом проскакать через Неаполитанский залив, собрал со всего моря корабли, поставил их в ряд борт к борту и по ним проехал на коне с одного берега на другой, и как он после пышного празднества приказал убить тысячи своих подданных. «Нет, нет, ему никого не жаль, он император!»— думал я, глядя, как дрожит в руке учителя перо, выводящее в классном журнале роковые слова.

— Садись,— сказал он наконец.— Я записал. Классный руководитель накажет тебя.

Я сел, а учитель стал продолжать свой рассказ о жуке. Теперь я сидел неподвижно, словно статуя, и, скрестив на груди руки, смотрел прямо в рот учителю, но слова его не доходили до меня.

...Дни шли за днями. На уроке классного руководителя я дрожал, как осиновый лист, в страхе ожидая того момента, когда он наконец перелистает журнал, прочтет запись учителя Есенева и накажет меня. Через неделю я от ожидания чувствовал себя совсем больным. Однако классный руководитель не спешил с наказанием, и это повергало меня в панический ужас.

Ненависть моя к учителю день ото дня росла. Однажды вечером я подошел к дому, где он жил, притаился за дуплистой липой и выстрелил из рогатки в его окно. Послышался звон стекла. На следующий день я прошелся по другой стороне улицы мимо его дома, с удовлетворением взглянув на разбитое окно, закрытое газетой.

— Чтоб тебе замерзнуть, Император!

Полил дождь, по стенам, покрышам побежали потоки воды, и я заспешил домой. Холодный ветер гнал ржавые тучи. Вдруг он стремительно рванулся к разбитому окну и стал яростно трепать газету, делавшую жалкие попытки не пустить его внутрь.

На том бы и закончить рассказ об учителе, прозванном мною Императором. Однако я должен добавить еще несколько слов.

Это случилось в конце учебного года. Несколько вооруженных людей ворвались к нам в класс и погнали всех во двор. Учителю приказали обыскать нас. Учитель Есенев подходил по очереди к каждому, вывертывал карманы, ощупывал рубашки и заставлял снимать ботинки. Рядом со мной стояла Йованка. Чем ближе подходил к нам учитель, тем больше она тряслась. Наконец пальцы учителя коснулись ее карманов. Первый был пустым. Из второго он извлек небольшой смятый листок.

— Господин учитель, не выдавайте...— еле слышно проговорила Йованка.

Учитель расправил бумагу. Я скосил на нее глаза и увидел большую красную звезду. Учитель был внешне спокоен. Он снова скомкал листок и положил его к себе в карман. Затем он обыскал меня, Буцу Вуяшковича и всех оставшихся. Покончив с нами, он подошел к вооруженным усташам [1].

— У этих,— сказал он, показывая на нас,— ничего нет.

Другие учителя тоже ничего не нашли.

— Как это нет? — заорал офицер.— Должно быть! Кто же тогда принес в гимназию листовки? — На минуту он задумался, а затем злорадно воскликнул: — Ну, а вас, господа учителя, я сам обыщу!

---

[1] **Усташи**—контрреволюционная организация, сотрудничавшая во время оккупации с гитлеровцами.

Я застыл. Йованку била дрожь. «Найдут листовку,— подумал я.— И Император скажет, что нашел ее у Йованки. Усташи уведут ее и расстреляют...».

Послушайте же, что было дальше. В моем рассказе нет ни слова неправды. Офицер обыскал учителя математики, учителя химии и еще нескольких. Дошла очередь и до учителя биологии.

— Выверните карманы! — приказал офицер.

Есенев повиновался. На черном фоне костюма резко выделилось светлое полотно подкладки. По брюкам покатился мячик из смятой бумаги.

Усташ нагнулся и развернул его.

— У кого вы это нашли, учитель? — грубо спросил он, показывая листовку с большой красной звездой.— Я спрашиваю, у кого вы это нашли?

— Ни у кого,— ответил учитель.— Господин усташ, это моя листовка.

Нам велели разойтись по классам. Учителя увели. Мне было непонятно, почему он взял вину на себя. Я понял это лишь через несколько дней, когда учителя уже не было. Да, тогда я понял. А также понял и то, что он очень любил нас.

Теперь я уже не боялся наказания за старые проказы. Наоборот, я жаждал его. Мне казалось, что тем самым я хоть немного очищу свою совесть перед погибшим учителем. На первом же уроке классного руководителя я спросил, когда меня наконец накажут. Классный руководитель взял журнал, просмотрел его и сказал:

— Тебя никто не записал. Не за что наказывать.

Я сразу сник. Я чувствовал, что у меня отнимаются ноги.

Так, значит, Император только делал вид, что пишет, а сам ничего не писал!.. И вдруг весь класс завертелся у меня перед глазами.

Весной я выкопал в саду две гвоздики с набухшими бутонами, в которых таились белые цветы. Как кошка, перелез я через кладбищенскую ограду и посадил на могиле оба цветка.

Потом склонился над ними.

— Император! Скажи хоть слово, Император! — горячо молил я, сам не зная, что хотел бы я услышать от учителя с усталыми, но такими добрыми глазами.

Я сел на землю и заплакал...

Перевела И. Макаровская.

Фрушкогорская баллада

Мира АЛЕЧКОВИЧ

Рисунок Любицы Сокич.

Шумит Фру́шка Го́ра
Над синью дунайской,
Большой и тревожный
Наш лес партизанский.
К дунайским волнам
Приближается вечер.
Шагает мальчишка
С отарой овечьей.
Он смотрит на горы.
Он смотрит на вербы.
Он стать партизаном
Мечтает, наверно...

Хоть ростом и мал он,
Но парень не робкий.
Он знает в лесу
Партизанские тропки.
Там слово «восстанье»
Из букв составляют.
Там рвутся гранаты
И вновь умолкают.
Там немцев штыками
И пулей встречают.
Дунайские волны
Убитых качают.

Вдруг с грохотом танки
Пошли по дороге.
Овец подгоняет
Мальчишка в тревоге.
В село эти танки
Ворвутся, он знает.
Бежит пастушонок,
Овец погоняет.
Но все же нагнали
Мальчишку солдаты.
И крикнул начальник:
— Ни с места! Куда ты!!

На мальчика немец
Глядит из-под каски:
— Ты знаешь, где скрылся
Отряд партизанский!
Наверно, ты сам
Партизанский разведчик...
Но мальчик ответил:
— Пасу я овечек.
— Неправда! Ты здесь
На посту часовой...

Напрасно качает
Пастух головой.
И немец прикрикнул,
Злорадно и едко:
— Нам все донесла
Боевая разведка...
И руку мальчишке
Сжимает он больно:
— Ты видишь стоит,
Как маяк, колокольня!
Вот там ты у нас
Разговорчивей будешь...
И мать пожалеешь,
И клятвы забудешь.

Мальчишку фашисты
Ведут к колокольне.
Начальник доволен,
Солдаты довольны.

И вот к колокольне
Крестьян всех созвали.
И мать пастуха
Привели и связали.
— Чтоб видела сына,
Поставьте поближе...
Усталое солнце
Спускается ниже.

По лестнице узкой
Ведут пастушонка.
Ведут, как солдата,
Мальчишку, ребенка.
На верхней площадке
Кричат ему грубо:
— Наверное, страх
Разожмет тебе зубы,
А если тебе
Не сумеет разжать,
Все тайны откроет
От ужаса мать.

А мать пастушонка
Молчит, как немая.
Стоит неподвижно,
Минуты считая.
И ей говорят:
— Если правду не скажешь
И если нам штаб
Партизан не покажешь,

Тогда твой сынок
Полетит с колокольни.
Скорей отвечай нам.
Мы ждали довольно.

И замер над пропастью
Мальчик упрямый.
Он смотрит на мать,
Он прощается с мамой.
А мать все молчала.
А мать все молчала.
И сердце ее
Так тревожно стучало.
И вскрикнула мать,
И земля закачалась.
И сердце ее
В этот миг разорвалось.

А там, в вышине,
Сын стоял без движенья.
— Скорей отвечай!
Мы теряем терпенье!
Но мальчик — ни слова.
Угроз не боится.
О, если бы крылья имел он,
Как птица!..
Толкает фашист
Его к пропасти грозной.
. . . .
Он падал... Он падал,
Как падают звезды.
Не вскрикнув и слова
Не бросив случайно,
С собой уносил он
Заветную тайну.

И ночь на село
Опустилась устало.
Все звезды зажглись.
Лишь одной не хватало.
Давно укатили
Тяжелые танки...
И знаменем красным
Закрыли останки.

Звезда золотая
На знамени красном.
Звезда не погибла.
Звезда не погасла.
И песня звучит
Над родной Фру́шка Го́рой
О сердце героя,
О славе, о горе.
И ветер несет
Эту песню долинам
И шепчет колосьям
О матери с сыном.

Перевел Юрий Яковлев.

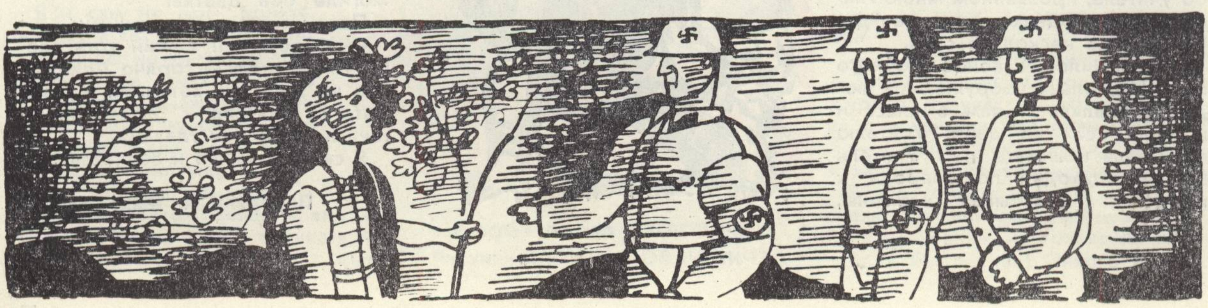

Рисунок Савы Николича.

ЭТО БЫЛО НА КОЗАРЕ

Стеван БУЛАИЧ

Густую козарскую траву, белоснежные маргаритки и примулы топтали ноги немецких солдат. Я видел их мокрые от росы сапоги. Они проходили всего в нескольких метрах от нас, нога к ноге. И не было им конца!..

Я слышал резкие возгласы, бряцание оружия, тяжелые усталые вздохи, позвякивание котелков. Все дальше в горы уходили они, а когда скрылись из виду, я не выдержал и зарыдал так горько, что Чапан вздрогнул и удивленно посмотрел на меня

— Ты видел, Чапан? Фашистские неголяи вошли в нашу Козару. А что, если найдут наших, всех ведь поубивают, а кого в лагеря загонят... Ох, горюшко!

Чапан тихонько зарычал и насторожился. Из лесу донеслись глухие выстрелы.

Я вздрогнул. Сердце мое запрыгало от радости. Чапан пролаял громко, хрипло.

— Нет, не всех партизан уничтожили немцы! Слышишь, Чапан, еще держатся наши, не отдают Козару! Так их! Так! Слышишь наш пулемет, а, Чапан? Берегитесь, фашисты! Это вам не шутка, на Козару сунуться! Не сдается Шоша и его армия! А как ударит по вас Перо Мечава, а как наподдаст вам Ранко Шипка со своим молодежным батальоном, хорошая вам будет трепка. Не сдаются наши, Чапан, не сдаются!— кричал я, прыгая от радости на одной ноге.

Потом я прислушался, понял, где идет бой, и пошел в том направлении.

Одна мысль сверлила мне голову, одно желание было в сердце: как можно скорее найти наших, снова увидеть красные звездочки на шапках козарчан и обнять свою заботливую, тихую маму. Мы тронулись в путь. Бескрайние леса распахнулись перед нами. Козара приняла нас в свою чащу. Мы шли, прислушиваясь к выстрелам, которые становились все громче.

— Эх, Чапан, Чапан, не сулит это ничего хорошего! — прошептал я, осторожно пробираясь от бука к буку. Мы шли низом оврага, избегая открытых мест. Когда мы добрались до поляны, на которой во время наступления немцев стояли лагерем наши крестьяне, путь нам пересекла пулеметная очередь. Мы отпрянули и залегли в кустах.

Я бросил взгляд на поляну. Сразу было видно, что тут совсем недавно шел жестокий бой. А за перевернутыми повозками лежало трое раненых партизан. Вокруг за стволами деревьев притаились немецкие солдаты и усташи.

Фашисты готовились к атаке. Я видел, как они устанавливают тяжелый пулемет и подносят обоймы, чтобы обрушить огонь на раненых, которые решили не сдаваться живыми.

Раздалась резкая немецкая команда. Густой строй фашистов поднялся из-за деревьев и ринулся к перевернутым повозкам. Оттуда не слышалось ни единого выстрела.

«Погибли!» — подумал я, смахивая слезы.

От горя я готов был кричать. Припав лицом к земле, я зарыдал, но в ту же секунду словно кто-то заставил меня вновь посмотреть на поляну.

Фашисты добежали до середины поляны. Они были уверены, что никого уже не осталось в живых. Теперь они бежали во весь рост.

И тут из-за повозок затрещал, застучал, словно увлеченный своей работой дятел, партизанский пулемет «брняц» и будто стальной косой стал косить фашистов. Одни падали навзничь, другие зарывались носами в мягкую козарскую траву.

Из-за повозок послышался смех. Я узнал голос нашего соседа.

— Ха, вперед, немцы! Сейчас я вам выдам горяченького!

Но не успел он договорить, как его сразила немецкая пуля, и он упал у повозки. Фашисты снова поднялись и рванулись вперед. Они были уже в тридцати метрах от повозок, как вдруг в них полетели гранаты. Всю поляну заволокло дымом.

Взрывы участились, и, когда дым развеялся, я увидел фашистов, собравшихся в кучу.

— Конец! — сказал я.

Немцы и усташи разбрелись по поляне. Слышались одиночные выстрелы из винтовок и пистолетов. Это пристреливали раненых, которые уже не могли сопротивляться. Завершив свое кровавое дело, фашисты отправились дальше.

Дождавшись, пока затихнут голоса, я помчался к повозкам. Друг возле друга, немые и неподвижные, лежали мертвые партизаны. Их «брняц» еще дымился. Я снял с убитого немца автомат, обойму к нему и отправился в лес.

Чапан бежал за мной. Печально оглядывал он поляну и тихо взвизгивал всякий раз, когда натыкался на убитого козарчанина.

— Куда девались наши товарищи, где растерялись в горах? — шепотом спрашивал я у Чапана, но пес

не мог мне ответить. Он только смотрел на меня, и в его глазах я читал тот же вопрос. Когда мы около полудня добрались до млечанского ручья, силы оставили меня. Меня мучили голод и жажда.

«Если наши неподалеку, кто-нибудь из них непременно придет к ручью напиться»,— подумал я и решил, что здесь скорее всего смогу узнать, что с нашими, где мама.

Предчувствие не обмануло меня.

На млечанском ручье много маленьких зеленых омуточков, где летом играют стаи рыб, скрываясь под корнями ив и ольшаника. Здесь всегда прохладно. Вербы, сплетая над ручьем свои ветви, образуют что-то вроде крыши, и кажется, что ручей течет по какому-то зеленому туннелю.

К этим омутам я часто пригонял стадо на водопой. Здесь мы с ребятами ставили верши. Правда, вместо рыбы нам часто доставалось по хорошей затрещине от сторожа или от лесника, но это не мешало нам завтра рыбачить на том же месте.

Я легко перебрался через ручей, заглянул в кусты и прислушался. Июльский зной здесь совсем не ощущался. Было очень тихо, даже птицы умолкли. Вдруг Чапан тихонько тявкнул и побежал в кустарник.

Мне послышался чей-то зов. Осторожно обойдя кусты, я поднялся на цыпочки и бросил взгляд вперед через застывшего в неподвижности Чапана. Я не поверил своим глазам: в кустах лежал мой дед Шуне.

Своей худой рукой дед зажимал на груди рану.

— Дед Шуне! — позвал я его.

Он слегка шевельнулся и взглядом попросил меня пить. Я помчался к ручью, набрал воды в свою кожаную шапку и поднес ее к губам деда. Пил он долго и жадно, как пьют раненые, потерявшие много крови. Когда он напился и силы понемногу вернулись к нему, он едва слышно произнес:

— Рочкан, кормилец мой, как ты сюда попал? Разве ты жив?

— Жив, деда, жив! А где мама?

Дед долго собирался с силами, прежде чем ответил мне:

— Поищи ее на Мраковице... Туда все пошли... Все наши...

— Пойдем ты со мной, деда! — сказал я, но дед лишь усмехнулся в ответ на мои слова.

— Я останусь здесь, мой Рочкан. Мне и здесь будет хорошо, пока не затянется рана. Воды хватает, и солнце не печет.

— А что будешь есть?

Дед не ответил. Он смотрел на меня как-то странно, будто бы издалека. Вижу, рука его все крепче сжимает рану на груди, а губы кривятся, будто он сердится на что-то.

— Рочкан, воды...

Я опять помчался к ручью. Набирая воду, я услышал, как дед сильно, глубоко вздохнул. В мгновение ока я вернулся назад. Чапан неподвижно стоял около деда, а дед Шуне лежал на спине, и его добрые голубые глаза смотрели в еще более голубое небо над Козарой.

— Деда...

Дед не отозвался.

Перевела М. Борисова.

Рассказ об упрямом, но умном муле

Тоне СЕЛИШКАР
Рисунок Александра Грбича.

Мул — домашнее животное. У него есть голова, туловище и хвост, ноги и уши — одним словом, все, что необходимо животному. Мулы, как и люди, бывают разные. Одни ни с того ни с сего лягаются, другие кусаются, одни тщеславны, другие норовисты. И все до одного упрямы.

Упрямство нельзя назвать приятной чертой. Но все же у мула оно искупается другими, положительными качествами: они неприхотливы, когда дело касается еды и питья, очень выносливы и сообразительны. Об одном таком муле я и хочу вам рассказать.

Это случилось осенью 1943 года, когда на нас напали немецкие фашисты. Их было, как листьев и травы в лесу. Они навалились на нас с танками, пушками и самолетами. Они хотели уничтожить нас. Но это, дорогие пионеры, только показывало, как глупы они были! Разве кто-нибудь на свете может уничтожить партизан? Никто! Но нам, конечно, нелегко было, особенно когда немцы нас окружали. Случалось, что мы нарывались и на засаду. А засада — это очень неприятная вещь. Идешь, бывало, идешь, спокойно раздумываешь, где бы это ужин сварить, и вдруг — тах-тах-тах! Это строчат автоматы и пулеметы, тут что хочешь, то и делай!

Так было и в тот раз, о котором я вам рассказываю. Нам только и оставалось, что разбежаться в разные стороны. Было нас около сотни, а когда мы снова собрались вместе в лесу, нас оказалось двадцать человек и один мул.

Мула звали Муки. Он был строен, как серна, со светлой блестящей шерстью и, когда мы его хорошо чистили, выглядел очень красивым. От удовольствия он поводил ушами и тайком разглядывал свое отражение в какой-нибудь луже.

В этот день мы совсем пропали бы от голода, если бы не наш мул. На нем были навьючены мешки с сухарями, консервами, рисом, солью и сигаретами. Уже три дня мы почти ничего не ели.

— Здесь мы поужинаем,— решил старший из нас.

— Ни в коем случае,— сказал другой партизан,— дорога слишком близко. Давайте перейдем на другую сторону, там лес погуще и немцы нам не помешают.

Выслали разведку. По-видимому, никакая нам опасность не угрожала. Только где-то вдалеке гудели танки, и мы двинулись. Все мы страшно устали, едва ноги волочили. Подбадривала лишь мысль о тех соблазнительных вещах, которые тащил на своей спине мул. Дорога оказалась пустынной, немцев нигде не было видно. Значит, можно переходить на ту сторону.

Но едва мы вступили на дорогу, как на нашего мула что-то нашло, и он как вкопанный застыл посреди шоссе. Мы тянули его, угрожали, палками доказывали, что он не прав, но все напрасно. Вражеские танки могли показаться в любой момент. Мы умоляем, упрашиваем своего Муки — никакого результата! И вдруг из-за поворота выскочила немецкая машина, затрещали винтовки... Пули свистели над нашими головами. Но враги целились слишком высоко. Мы кинулись в лес.

В этой суматохе мы потеряли своего мула. Остался, видно, бедняга, на дороге. Во всяком случае, с нами его не было. Не досчитались мы и одного из товарищей. И когда, усталые, измученные до изнеможения, снова двинулись в путь, нас охватила тоска. Остались мы, как говорится, с пустыми руками в чаще леса и были уверены, что умрем от голода. Повалились на землю от страшной слабости и бессмысленно смотрели на огромные ели. С веток на нас с любопытством поглядывали синички, а вдали грохали пушки.

Вдруг послышался какой-то шум и топот. Мы вскочили и схватились за винтовки. Будь что будет, но с места мы не двинемся! Топот приближался. И вдруг выскочил... наш мул! Остановился, стрижет ушами, а мы вопим от радости и восторга. Окружили своего любимца и начали его обнимать и гладить, а я так растрогался, что поцеловал его прямо в морду. И, подумайте, все мешки были целы. Мы быстренько его разгрузили, привязали к елке и принесли упрямцу свежей травы. Он, видно, очень проголодался.

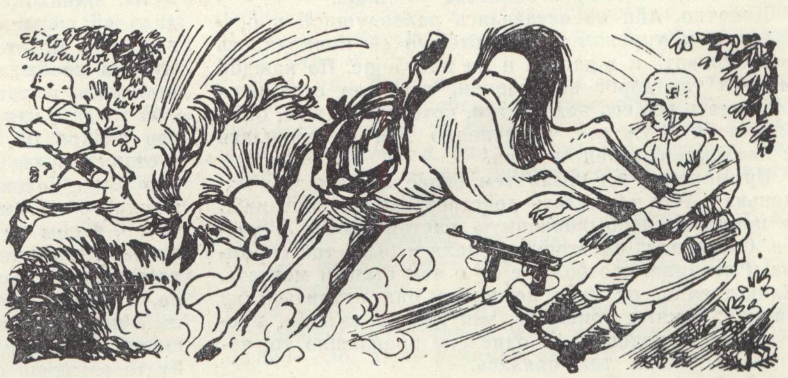
Вскоре появился и наш пропавший товарищ. Пока мы грызли сухари и варили рис, он рассказал нам:

— Немцы дали несколько залпов и поехали дальше. Я споткнулся и упал в кусты. Оттуда мне все хорошо было видно. Два немца подошли к мулу и попытались стащить его с дороги. Но скотина словно взбесилась: одного укусила за щеку до крови, а другого лягнула, да так, что он остался лежать на дороге. А потом как припустится бежать прямо в лес, едва я его догнал.

Мы смотрели, как пасется Муки. А потом каждый из нас угостил его кусочком сухаря.

Вот, дорогие пионеры, какие были наши партизанские мулы. Правда, мы потом своего съели, но это совсем другой рассказ. Не будем класть два рассказа в один мешок.

Перевела Н. Лебедева.

Иво Андрич

АСКА и ВОЛК

Случилось это в овечьем стаде на Стрмих Ливадах.

Айя, крупная овца с длинным руном и круглыми глазами, принесла первого ягненка. Выглядел он, как и все новорожденные, комочком влажной шерсти, издававшим жалобные звуки. Детеныш оказался женского пола. Это была сиротинка: как раз на днях Айя потеряла мужа, которого очень любила. Айя решила назвать свою дочку Аской: по ее мнению, такое имя как нельзя более подходило для будущей красавицы.

В первые дни Аска не отходила от матери, но стоило ей научиться бегать на своих еще неверных, прямых, как столбики, ножках, как она стала выказывать свой нрав. Аска не желала больше держаться за подол матери и не слушалась ни ее зова, ни колокольчика овечьего вожака. Она любила бродить по уединенным тропинкам и пастись в укромных местах.

Мать старалась образумить свое доброе и красивое дитя и осыпала Аску упреками, давала ей бесчисленные советы, предостерегая от опасностей, которыми грозило такое поведение в их крае, где всегда можно встретить старого коварного и кровожадного волка, с которым чабаны не в силах справиться; он постоянно уничтожает заблудившихся овец и ягнят. В беспокойстве Айя часто спрашивала себя: в кого уродилась такая своенравная и непоседливая девчонка?

В день, когда Аска окончила школу, она явилась к матери и объявила о своем намерении поступить в балетное училище. Сначала Айя упорно возражала. Она приводила много доводов, один убедительнее другого. Во-первых, в их семье исстари повелось, что все овцы — просто примерные домашние хозяйки. Во-вторых, искусством сыт не будешь.

Заботливая и добропорядочная мать отговаривала свою дочь, но знала заранее, что долго противостоять упрямству Аски она не в силах. Мать уступила и отдала Аску в балетное училище.

Конечно, Айя не оставалась равнодушной к осуждению и упрекам овец, которые ей приходилось выслушивать и в загоне и на пастбище. Но каждой матери так дорог ее ребенок, что она стремится оправдать все его недостатки, которые в душе, быть может, и осуждает. Постепенно Айя примирилась с желанием своей дочери.

Примирение это было тем более легким, что маленькая Аска оказалась действительно талантливой и проявила необыкновенную настойчивость в учебе. Она делала блестящие успехи и была так скромна и невинна, что больше не о чем было и мечтать. Единственно, от чего не могла она отучиться из своих прежних привычек, так это от дальних прогулок в одиночестве. И однажды произошло то, чего Айя всегда так боялась.

Аска отлично окончила первый класс балетного училища, и теперь уже было твердо решено, что она будет продолжать образование.

Стояла ранняя осень, и солнце, понемногу тускнея, припекало еще сильно. Изредка выпадали теплые короткие дожди, перекидывая сверкающую радугу над влажными, проясненными просторами. В тот день Аска была особенно задумчива. Увлеченная красотой дня и свежестью сочной травы, она мало-помалу дошла до опушки буковой рощи и углубилась в нее. Здесь трава показалась Аске на редкость вкусной и душистой.

В чаще еще не рассеялся молочный туман — следы причудливой игры ночи, затихшей перед восходом солнца. Кругом было бело и спокойно. Тихий лес, наполненный плотным воздухом, казался зачарованным миром, в котором пространство не имеет границ, а время теряет свое значение.

Аска то принималась обнюхивать старые, пригнутые к земле буки, обросшие мхом, который увлекал, как таинственная сказка, то носилась по светлым зеленым полянам, и ей казалось, что этой сказке не будет конца, как не было конца необыкновенным откровениям леса. Она опомнилась, столкнувшись нос к носу со страшным волком. Дерзкий хищник пробрался в те места, куда обычно волки не осмеливаются заходить в это время года. Его облезшая шкура зеленовато-бурого цвета почти сливалась с поблекшей травой.

Легкая обманчивая завеса дивного мира, который опьянял Аску, вдруг упала. Перед ней стоял волк с горящими глазами, поджатым хвостом и оскаленными, как в улыбке, зубами. Настоящий волк оказался гораздо страшнее тех, что фигурировали в рассказах матери. Кровь похолодела в Аскиных жилах, и ноги одеревенели.

Волк сделал полукруг около своей неподвижной жертвы теми медленными, коварными шагами, которые предшествуют прыжку.

Для бедной жертвы это были мучительные минуты. Однако ощущение неизбежного конца придало ей силы: она вышла из оцепенения и пошевелилась. Но это не были движения защиты, к этому она не была способна. Последние ее движения вылились в танец.

С трудом, как в тяжелом сне, сделала овечка первое робкое па, одно из тех, которые разучивают у станка. Вслед за ним она сделала второе и третье. Это были неловкие, страдальческие движения осужденного на смерть тела, но их оказалось достаточно, чтобы на мгновение остановить изумленного волка. Аска нанизывала па одно на другое, заботясь только о том, чтобы не остановиться. Она знала, что если между движениями наступит секундный перерыв, его будет достаточно, чтобы войти смерти. Старательно повторяла она заученные па, будто слышала строгий голос учительницы: «Раз — и два! Раз — и два — и три!»

Аска проделывала подряд все, чему научилась в течение первого года. Движения были резки и быстры и не могли заполнить время — эту неподвижную пустоту, угрожающую смертью. Затем она перешла на фигуры, которые делала на середине зала, без станка. Но запас ее знаний скоро иссяк. Она несколько раз с ожесточением повторила все известные ей фигуры и почувствовала, что силы ее оставляют, а танец теряет свое очарование. Аска лихорадочно старалась вспомнить что-нибудь, что могло бы предотвратить кровавую развязку, которая ждала ее в конце танца. Время шло. Волк продолжал, не отрываясь, смотреть на танцовщицу и постепенно приближался. А перед Аской неумолимо захлопнулись двери зала, где учат классическим танцам, и голос преподавательницы становился все тише, пока не замер.

Итак, все изменило ей — и школа и знания,— но Аске хотелось жить, а чтобы жить, надо было танцевать. И Аска начала танцевать свой последний танец, который раздвинул существующие каноны балета.

Через зеленые лужайки, между серых стволов огромных буков, по багряному ковру осенних листьев, годами копившему свои пласты, летала танцующая Аска, еще не овца, но уже и не ягненок, легкая, как пух вербы, подхваченный ветром.

Холодно расчетливый хищник, которому не страшны ни люди, ни звери, был сначала удивлен. Вскоре к удивлению прибавилось непреодолимое любопытство. Он говорил себе: «Вот чудо-то какое. Сколько, однако, удовольствий может доставить один несчастный ягненок! Прежде чем полакомиться его мясом и кровью, я вдоволь насмотрюсь на этот презабавный танец! Мои волчьи глаза сроду еще такого не видывали! А кровь и мясо никуда от меня не уйдут: я могу загрызть эту чудачку хоть сейчас. Дай только досмотрю представление до конца!»

Рассуждая таким образом, волк крался по пятам за овечкой, замирая на месте, когда она останавливалась, и удлиняя шаг, когда ритм убыстрялся.

И тут произошло новое чудо! Волчье удивление стало переходить в восторг, чувство, совсем незнакомое его породе, потому что, если бы волки были способны восторгаться чем-нибудь на свете, они бы не были волками.

Мелькали одна за другой лесные поляны и сумрачные тропы, продолженные под сводами буков. Маленькая Аска ощущала теперь в себе силы сотен жизней и все их употребляла на то, чтобы продлить одну-единственную — свою обреченную жизнь.

Временами ей казалось, что волк начинает пробуждаться от волшебства и отдавать себе отчет в происходящем. Тогда Аска ускоряла темп танца. Через поваленные стволы деревьев она делала такие головокружительные прыжки, что волк замирал от восхищения. То вдруг она вскакивала на гниющие пни и здесь, на подстилке из мха, поднявшись на задние ноги, превращалась в белый волчок, мелькающий с невероятной быстротой. И снова в стремительном па-де-бурре она пролетала через зеленые лужайки. Вот она замерла на краю стремнины и вихрем несется вниз, напоминая бесстрашную лыжницу, и разрезает воздух: «Фуууу-ит!»,— будто кто-то одним пальцем рассыпал по клавиатуре искрящееся, как бриллиант, глиссандо. Волк мчался за Аской во весь дух, стараясь не пропустить ни одного движения ее тела. Он все еще продолжал уверять себя, что рано или поздно ему достанутся кровь и мясо странного ягненка, но мысли эти уже только мелькали: танец поглотил его целиком.

Время и пространство перестали существовать для Аски и волка. Аска жила, а волк наслаждался.

Услышав жалобное блеяние овцы Айи и увидев волнение, охватившее стадо, чабаны выбрали двух смельчаков и послали их в лес на розыски непослушного ягненка. Один из них был вооружен деревянной дубинкой, а у второго висело ружье, если можно так назвать закоптелую кремневку. Ружье было испытанным другом: история гласила, что отец нашего пастуха убил из него голодного волка, который подобрался к самому загону. Конечно, целиком положиться на этот рассказ нельзя: истинную правду могли знать только непосредственные участники событий. Однако ружье славилось уже тем, что было единственным экземпляром огнестрельного оружия в арсенале Стрмих Ливад.

Чабаны помедлили на опушке леса, совещаясь, в каком направлении двинуться дальше. В лес вели тысячи тропинок, и кто же разглядит на них маленькие следы ягнячьих копыт? Решили пойти по зеленой траве: так легче обнаружить пропавшую, если им посчастливится. Не успели чабаны подняться на маленький пригорок, как им открылась необыкновенная картина. Чабаны остановились, пораженные. Сквозь просвет в густых ветвях они увидели Аску, которая пересекала зеленую поляну, вся отдавшись смелым и четким па. А за ней, на расстоянии нескольких шагов, переваливался облезлый волк, вытянув морду и волоча хвост по земле.

Чабаны спрятались в тот момент, когда Аска приблизилась к деревьям, а волк не успел еще убраться с поляны. Старший пастух скинул ружье с плеча, прицелился и выстрелил. По лесу пронеслось громкое эхо, и несколько вспугнутых птиц вместе с сухими листьями сорвались с деревьев.

Произошло то, чего чабаны не ожидали. Не успев завершить последнего па, как подстреленная на лету птица, упала Аска, а волк зеленой тенью скользнул в лес.

Чабаны выскочили из своего укрытия и бросились к Аске. На ней не было ни царапины, но она лежала в траве, как мертвая. За волком тянулся кровавый след.

Увидев это, чабаны зарядили ружье и, держа его наготове, двинулись по следу. Они шли осторожной поступью. Но долго идти им не пришлось. Раненый волк свалился в сотне шагов от них.

* * *

Аска долго не могла оправиться после этого случая. Но молодость, жажда жизни, нежная забота матери и участие всех обитателей Стрмих Ливад побороли болезнь. Аска выздоровела и стала послушной дочерью, а со временем и прима-балериной Стрмих Ливад.

Весь мир рассказывал, писал и пел о том, как молодая овечка победила страшного волка. Сама же Аска никогда не говорила ни о встрече со зверем, ни о танце в лесу. Потому что о самых светлых и самых тяжелых минутах своей жизни никто не любит говорить.

Прошло много лет, и Аска поставила балет, получивший всеобщую высокую оценку.

Аска жила долго и счастливо. Умерла она в глубокой старости.

Но и после ее смерти на сцене шел этот балет, в котором искусство и воля к победе побеждают всякое зло, даже и самую смерть.

Перевела Т. Вирта.

ЦИЦИБАН

Отон ЖУПАНЧИЧ

Каждый день Цицибан —
Добрый славный мальчуган —
В лес бежит к своим знакомым:
Птицам, зайцам, насекомым.
Лес на солнце веселится,
И поет в кустах синица:
— Вот идет Цицибан.
Здравствуй, здравствуй, мальчуган.

Но сегодня — очень странно —
В лес пришел он утром рано,
У деревьев хмурый вид,
А синичка говорит:
— Что такое! Стыд и срам!
Как ты смел явиться к нам!
Удивился Цицибан:
— Я пришел к своим друзьям!
Почему они сердиты!!
— Глянь-ка в воду, стыд и срам!

Цици-стыд, цици-срам!
— Я же нынче неумытый! —
Догадался мальчуган.
Он скорей в ручье умылся.
Сразу лес развеселился —
Птичий щебет, перезвон.
И звучит со всех сторон:
— Вот идет Цицибан.
Здравствуй, здравствуй, мальчуган!

Перевел Г. Сапгир.

ТРИ ПАРЫ ОБУВИ

Гвидо ТАРТАЛЬЯ

Старый чистильщик сидит
Около базара.
Принесли ему с утра
Обуви три пары.

Чистильщик сначала взял
Папины ботинки
И почистил — раз и два,—
Стали, как картинки.

Туфли мамины берет,
Чистит черной щеткой,
Не прошло и трех минут,
Лоск навел бархоткой.

А башмаки Алешины
Не то чтобы изношены,
Просто на подметках грязь,
Трещины на коже.
Чистит, чистит целый час,
Вычистить не может.

Перевел Г. Сапгир.

ПРОИСШЕСТВИЕ НА УЛИЦЕ

Милован ДАНОЙЛИЧ

Троллейбус мчался вольно, плавно, быстро
И вдруг подпрыгнул как-то вверх и вбок,
Из-под усов его рванулись искры,
И пассажир на пассажира лег.

Все разом завопили, закричали:
— Что за езда!
— Шофер, знать, напился!
Того ж не знали, не подозревали,
Что спас он пса.

Водитель любит труд свой и машину,
И честь свою (всегда ее берег).
Не потому ль доверчивого псину
Он переехать не хотел, не мог,
Хоть за собак и кошек не подсуден...
Расстался б Жуча бедный с головой!
Но настоящий человек тем чуден,
Что дорожит он жизнию живой.

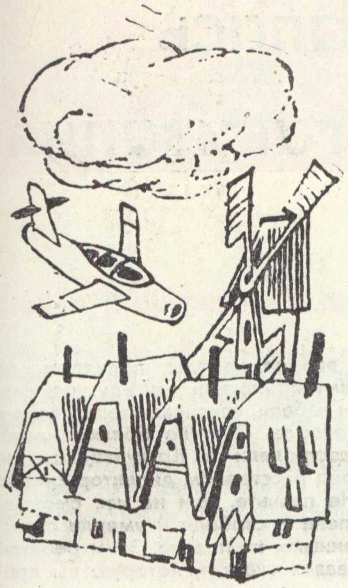
Троллейбус мчится... Хорошо им править!
И солнышку над ним отрадно цвесть.
А Жуча жив!..
Позвольте ж вас поздравить,
Водитель, с тем,
Что вы такой,
Как есть.

Вольный перевод
Ел. Благининой.

Рисунки Джорджа Милановича.

Над миром

Александр ВУЧО

(Отрывок из книги «Приключения храброго Кочи»)

Жил-был мальчик Коча. У него была богатая фантазия, и он переживал все, о чем мечтал так, как будто это происходило на самом деле.

В этом отрывке Коча — летчик. Если хотите, он возьмет вас с собою в свой самолет «Мечту», и вы отправитесь в далекий путь...

Всю Европу
Храбрый Коча
Облетел сегодня ночью.

Если бы в былую пору
Попытался кто-нибудь
Совершить подобный путь,
Сел бы он на поезд скорый
И не менее недели
Добирался бы до цели.

Если б всадников отряд
Мчался, не щадя коней,
Он Европу, говорят,
Проскакал бы в тридцать дней.

Тот же путь для пешехода
Полтора продлится года.
Что ж касается ежа...
Скажем, правдой дорожа,
Нет у нас научных данных...
Все ж в одной из диссертаций
(Диссертаций много странных!)
Подсчитал ученый некий:
Если будет еж стараться,
То Европу, может статься,
Обежит он...
за полвека.

Но, скорее, это — шутка
Иль писак досужих утка.

Хватит!.. Ставлю многоточье,
Прерывая наспех фразу,
Возвращаемся к рассказу...
Где сейчас наш храбрый Коча?

Коча рвется в высоту.
Самолет его, «Мечту»,
Где повыше, где пониже,
В виде яркой белой точки
Или птицы-одиночки
Люди видели в Париже,
В Лондоне и в Лисабоне,
В Бухаресте,
в Вене,
в Бонне!

Любопытен людям очень
Перелет отважный Кочин.
Многим ноги отдавили,
Наступили на мозоли,
Но они не чуют боли...
Никому себя не жалко,
Только б шляпой, только б палкой,
Только бы перчаткой или
Шарфом...
Словом, тем, что есть,
Помахать вослед пилоту...
У людей одна забота,
Чтобы так или иначе
Пожелать ему удачи!..

Он летит от Амстердама
И до порта Роттердама.
Приводя в смятенье бабок,
Ребятишек веселя,
Самолет ложится набок,
Чертит в небе вензеля...

Самолет летит над Прагой...
Здесь пилот блеснул отвагой:
Вверх взвился, исчез из глаз,
Став почти неуследимым...
А когда летел над Римом,
Показал высокий класс
Сказочного пилотажа:
Из кабины вылез даже,
Презирая всякий страх,
Раскачался на руках!

Ночь бледнеет понемногу,
И небесная дорога
Все спокойней и светлей.
Приготовился по ней
Коча в путь лететь обратный...
Вдруг он видит:
под крылом
Край какой-то непонятный.
Всюду камни, бурелом...
Слышен клекот птичьей драки.
И огромны и страшны
Птицы этой стороны,
В черных перьях, как во фраке!

Вдруг одна — громадней прочих!—
Подлетает тяжело
И давай клевать крыло
У «Мечты»... Но храбрый Коча
Как задаст злодейке жару!..
От могучего удара
Птица, точно черный ком,
Вниз упала кувырком.

Поручиться не могу вам,
Чем закончилось бы дело,
Если б птица длинным клювом
При паденьи не задела
Самой важной тонкой нити
И не сделала в магните
Что-то вроде замыканья...

Самолет кружит в тумане,
Направленье потеряв...
Коча падает стремглав.
Вниз летит все круче, круче...
Разобьется Коча в прах!..
Но, по счастью, этот случай
Коча выдумал в мечтах.

Перевела Ю. Нейман.

Так рождалась пионерская организация

ВМЕСТЕ С НАРОДОМ

Когда фашисты напали на Югославию, все ее народы поднялись на борьбу. И дети Югославии помогали борцам: приносили им еду, оружие, поджигали фашистские грузовики, перерезали кабели, спиливали телеграфные столбы. Повсюду звучали боевые песни пионеров. Они не боялись даже смерти. В 1941 году немецкие фашисты расстреляли в Крагуевце целую школу. Детей увели на расстрел с урока. Перед расстрелом директор сказал: «Дети, это наш последний урок истории... Не плачьте, они на нас смотрят. Надо умереть как люди». Дети запели, они пели о свободе и умерли с песней, а их портфели и книги остались рассыпанными на поляне. Этим ребятам посвящены стихи Десанки Максимович «Кровавая сказка», которую вы прочли на странице 3.

ДЕСЯТЬ СВЯЗНЫХ

Гремела партизанская артиллерия, целясь в крепость Кастел в Банья Луке. В городе, занятом немцами, находился детдом. В нем дети умирали с голоду. Когда ребята услышали стрельбу партизанских орудий, их охватила радость. Один из мальчиков, по имени Идриз, предложил товарищам бежать к партизанам. В тот же вечер к старому командиру пришли десять ребят.

— Хотим остаться в войске.

Командир был решительно против.

— Поместим вас в партизанский детдом. Маленькие еще. Вам расти нужно. Еще пригодитесь Тито в будущих боях!

Ребята ушли, но через два дня вернулись, победоносно неся винтовку и шестнадцать гранат.

— Это мы у немцев раздобыли. Теперь ты нас должен взять, товарищ командир!

Так десять мальчиков стали связными партизанского штаба.

ЗАСАХАРЕННЫЕ ГРУЗОВИКИ

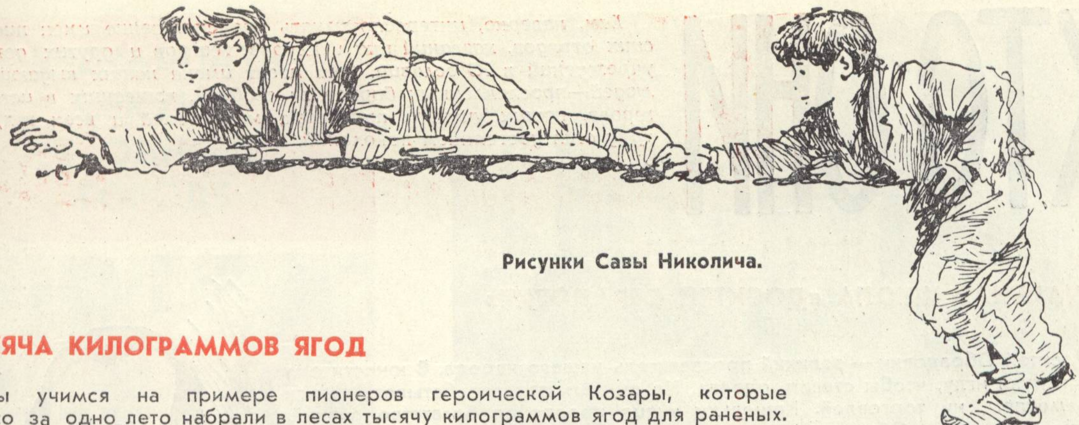
Далеко идет слава о подвиге детей из селения Железная Капля в Каринтии. Каринтия была еще раньше отнята у нашего народа. Там дети не смели говорить на родном языке, не смели посещать народные школы. Вместе с родителями их заключали в концентрационные лагеря. Ребята из Железной Капли узнали, что близ этого села у гитлеровцев хранится бензин, и решили уничтожить его. Они насыпали в бочку с горючим сахару. Немецкие грузовики, заправленные таким бензином, вышли из строя.

ЭТОГО И В СКАЗКАХ НЕ БЫВАЛО

В Черногории известен пионер Илия Ябучанин. Прорвавшись на велосипеде сквозь вражескую охрану на территорию больницы, он отыскал в палате партизана, лишенного ног, помог ему спуститься по лестнице, посадил на велосипед, проехал мимо охраны и вывез из города. Так Илия спас партизана от расстрела.

Мы знаем о подвиге маленького Петра из Подгремечья. Он спрятал от врага пулемет и боеприпасы и передал все это партизанам, как только те пришли.

Нельзя не вспомнить и ребят из села Яворовица. Когда враг направился в это село, все жители поднялись, чтобы не допустить вторжения фашистов. Дети «заминировали» дорогу гвоздями и шипами. Так им удалось хоть ненадолго задержать колонну мотоциклистов и этим помочь старшим.

Рисунки Савы Николича.

ТЫСЯЧА КИЛОГРАММОВ ЯГОД

Мы учимся на примере пионеров героической Козары, которые только за одно лето набрали в лесах тысячу килограммов ягод для раненых. Их хорошо помнят наши бойцы, они помнят ребячьи голоса, внезапно звучавшие ночью во время долгих переходов:

— Товарищ, не найдется ли у тебя листочка бумаги?

— Дай мне хоть на минутку карандаш.

И дети с радостью брали из рук бойцов кусочек бумаги или огрызок карандаша: видно, очень соскучились по школе.

НА ГОРНЫХ ТРОПАХ

Храбрыми и стойкими были пионеры-проводники. Они указывали партизанам потаенные тропы. Об этом немало мог бы рассказать маленький связист с далматского острова Пага. Он не спал несколько ночей подряд, сопровождая далматскую бригаду.

Тринадцатилетняя Млада Жигич тоже была связным. Босая, по глубокому снегу она прошла с партизанской почтой через местности, занятые врагом. А Стефан и Ягица из-под Загреба перенесли за пазухой и в ботинках четыреста партизанских писем. Мальчишка из села Петрово в Лике Никола Влаисавлевич разносил секретную почту. Увидев, что попадает в руки врага, он порвал и проглотил письмо. Немцам не удалось ничего узнать.

СОБАКА С НАДПИСЬЮ

Ребята из села Святые Недели поймали собаку немецкого офицера и густой черной краской написали на ней: «Смерть фашизму». Как же взбесился фашистский офицер, когда собака вернулась к нему с грозным партизанским лозунгом на спине!

ЧЕРЕЗ ВСЕ СЕМЬ НАСТУПЛЕНИЙ

Кроме примеров коллективного героизма югославских детей, мы можем назвать отдельных ребят, которые год, два, три, четыре воевали вместе со взрослыми. Мы расскажем вам о пионере Мишко Эрчевиче, награжденном памятной медалью 1941 года и орденом «За храбрость». После пятого наступления врага — а Мишко был участником обороны во время всех пяти наступлений — немцы предприняли шестое. Мишко был ранен в третий раз. Еле-еле передвигаясь, Мишко с трудом выбрался из кустарника. Он остался жив. Его лучший друг Симо Йовичич тоже носит орден «За храбрость» и памятную медаль 1941 года. Их жизнь — жизнь старых бойцов.

КАК СТАНИША НЕ СНЯЛ ЗВЕЗДЫ

И Мишко, и Симо, и Лука живы, но не все пионеры дождались свободы. Один из них — Станиша Влашич. Однажды шел Станиша в школу. В руках у него была сумка с книгами, на голове — шапка с пятиконечной звездой. К нему подошли солдаты из XII немецкой эсэсовской дивизии.

— Глупый мальчишка,— сказал один из них,— брось звезду и приколи кокарду. А то какой же ты серб!

— Да, я серб,— гордо ответил пионер,— но серб-партизан.

Выстрел прервал слова мальчика. Кровь его залила землю. Мертвый Станиша остался лежать в зарослях папоротника. Но слава о нем и сейчас ходит по всей земле югославской.

Из югославского «Пионера» за 1944 год.

КТО ОНИ

Вам, наверно, интересно узнать происхождение имен пионерских отрядов, названий школ, клубов, театров и других детских учреждений в Югославии. Они носят имена наших выдающихся людей—прославленных борцов за свободу, вошедших в историю героев, наших ученых, писателей, мыслителей и всех тех, чей труд стал достоянием поколений.

НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА «ДОСИТЕЙ ОБРАДОВИЧ»

Доситей Обрадович — великий просветитель нашего народа. В юности ему дали в руки иглу, чтобы стегать одеяла. Но он не хотел зарабатывать деньги ни ремеслом, ни торговлей. Кошельку купца предпочел богатство знаний.

Всю свою жизнь Обрадович провел в путешествиях. Он побывал в Греции, Италии, Малой Азии, Румынии, Белоруссии, Австрии, Германии, Англии. Изучил много иностранных языков. Это был самый образованный серб 18-го века.

Доситей Обрадович первый стал писать книги на народном языке, на языке простых людей. Он нес грамоту и знания в наш тогда порабощенный и темный народ.

Важнейшее его дело — основание Белградского университета.

В 1788 году Обрадович издал свои переводы басен Эзопа. Эта книга не только в ту пору, но и многие десятилетия спустя была одной из любимейших книг нашей молодежи. Вслед за ней снискали любовь читателей и другие произведения Доситея Обрадовича.

ДЕТСКИЙ ТЕАТР «БОШКО БУХА»

Этот театр носит имя прославленного партизана-гранатометчика, который совсем еще мальчишкой (ему было тогда шестнадцать лет) вступил в партизанский отряд, а ровно через год пал смертью героя в неравной схватке с четниками — предателями нашего народа.

Бошко вырос в бедной крестьянской семье. Смелость его вошла в легенду. Он подбирался к вражеским блиндажам и бросал в амбразуры гранаты, залезал на крыши домов и через дымоходные трубы засыпал врага смертоносными стальными грушами, наполненными взрывчаткой.

За беспримерную храбрость его избрали делегатом на Первый конгресс антифашистской молодежи, состоявшийся в декабре 1942 года. Свою речь на конгрессе он начал словами: «Я расскажу вам, друзья, как мы, гранатометчики, уничтожаем немецкие огневые точки...»

20 декабря 1951 года Бошко Буха получил звание народного героя.

НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА «ВОЖДЬ КАРАГЕОРГИЙ»

Джордже (Георгий) Петрович (1766—1817 гг.) уже в раннем детстве видел, как турецкие паши грабят и мучат народ, сжигают села, убивают людей. И первая песня, которую он научился петь, была о том, как турки привязали к хвостам своих лошадей тридцать сербских юнаков и помчались по дороге.

Юношей он переехал в Срем. Сербы, жившие в австрийских областях, готовились в то время к войне с турками, и Карагеоргий вступил в их ряды. Он отличался удивительной находчивостью и смелостью. Быстро овладев военным искусством, он вернулся в Сербию. В сражениях с турками во время австро-турецкой войны (1788—1791) он снискал себе славу неустрашимого и отважного бойца, а также искусного военачальника. Поэтому, когда вспыхнуло первое сербское восстание 1804 года, повстанцы сделали его своим вождем.

Во время первого восстания Карагеоргий вел народных борцов от победы к победе. Успех восстания потряс весь мир.

Карагеоргием (Черным Георгием) его прозвали турки, которым он наносил поражение за поражением.

Великий Пушкин воспел его подвиги в одном из своих стихотворений.

ДВЕНАДЦАТЬ СЕКУНД В ОДНОМ ГОРОДЕ

До 26 июля 1963 года город Скопле — столица социалистической республики Македонии — был таким, каким вы видите его на верхнем снимке. Стрелки на часах показывали 5 часов 17 минут, когда разразилась катастрофа. А через двенадцать секунд Скопле превратился в развалины. Чудовищной силы землетрясение смело с лица земли красивый город на реке Вардар. Нет больше его живописных улиц, зеленых бульваров и просторных площадей. Развалины, развалины, развалины, груды камней на каждом шагу...

Весь земной шар облетела весть о черной беде. Скорбью и ужасом сжались сердца людей. Как тревожный набат, как крик о помощи, звучало над планетой:

— СКОПЛЕ!

И люди всей земли откликнулись на призыв.

Эта беда стала их бедой. Все солидарны в желании возродить погибший город. Все ему оказывают бескорыстную помощь. Скопле снова будет большим и красивым городом. Возрожденный силою бескорыстной дружбы, он станет городом всех народов.

В нем будут чувствовать себя как дома неведомые друзья из Австралии и из Европы, из Америки Южной и Северной, с необъятного азиатского материка и из сердца Африки.

Ваша страна одной из первых оказала братскую помощь пострадавшему Скопле. Мы благодарны советским людям!

77 часов под развалинами

В связи с катастрофическим землетрясением, разрушившим 26 июля Скопле, стало известным имя одной девочки. Это 13-летняя Ленче Наумова, которая только через 77 часов после землетрясения спасена живой и здоровой из развалин своей квартиры.

Зажатая между шкафом и бетонной стеной, Ленче трое суток боролась за жизнь. В полной темноте, засыпанная кирпичом и бетоном, без капли воды и куска хлеба, она звала на помощь лишь время от времени, боясь израсходовать силы.

Ее услышали. Разбирая по кирпичу разрушенное здание на улице Орце Николова, 79, бойцы Югославской Народной Армии расчищали дорогу к месту, откуда доносились едва слышные призывы о помощи. Через несколько часов работы поручик Миодраг Йованович крикнул в темноту:

— Есть здесь кто-нибудь!

— Я... Я Ленче, здесь я, здесь! — долетел детский голос из темноты.

— Как чувствуешь себя, маленькая!

— Есть хочется.

Ленче сразу же была передана вода, немного съестного и карманный фонарь. Им она освещала бетонные балки и подсказывала солдатам, какую балку следует распилить и убрать, чтобы легче было добраться до нее.

Когда же было разобрано последнее препятствие, черноглазая девочка оказалась в объятиях спасших ее саперов.

— Да здравствует Ленче! Да здравствует армия! — этими возгласами человек сто, собравшихся около руин, приветствовали счастливое завершение одной из многих человеческих драм.

Йован Йованович Змай

Сто двадцать три года тому назад пошел учиться в школу один мальчик. Имя этого мальчика знают теперь все дети в Югославии. Это Йован Йованович Змай.

В молодости Змай изучал медицину. Стал врачом. Но всегда он глубоко интересовался литературой. А когда в его личной жизни произошло огромное несчастье, когда смерть отняла у него горячо любимых детей и жену, он отдал свое сердце всем детям и стал писать для них.

Всех детей Йован Змай полюбил, как своих собственных, и этой любовью пронизаны все его произведения. В 1880 году в городе Новый Сад Змай начал издавать детский журнал «Невен» («Ноготки»).

Не найти в Югославии такого ребенка, который не знал бы стихов Змая. Не проходит ни одного школьного концерта, ни одного театрального представления для детей, ни одной радио- или телепередачи, в которых не исполнялось бы хоть одно его произведение. И они всегда пользуются самым большим успехом.

Змай Йован Йованович создал нашу детскую литературу. Открыл для нее новые пути, прочные и надежные, и по ним двинулись наши лучшие детские писатели, по ним они идут и сейчас.

Журнал, который вы держите в руках, носит имя основателя югославской литературы для малышей, имя ЗМАЯ.

Кот едет на мышиную свадьбу

У мышей веселая
Свадьба шла в подвале.
В гости звали всех подряд,
Лишь Кота не звали.

Кот сказал: «Нагрянет к вам
Нынче гость незваный!»
Он косых запряг — и в путь
По дороге санной.

Мчались с гиком, с посвистом
Санки расписные.
В них сидел нарядный Кот
И его родные.

Вдруг пришла в подвал к мышам
Телеграмма с крыши:
«Появился Кот с семьей.
Разбегайтесь, мыши!»

И остался Кот ни с чем.
Он шипел от злости,
А в норе хихикали
Свадебные гости.

До рассвета слышалась
Полька «Хлебной корки»
Из надежной крепости —
Из мышиной норки.

Перевел Ю. ВРОНСКИЙ.

Рисунки Марка Крсмановича.

Талантливый изобретатель Никола Тесла — сын Югославии. Этот отрывок из книги «Легенды о Николе Тесле» коротко расскажет вам о его судьбе.

Рисунок Александра Грбича.

Никола Тесла ступил на американскую землю с несколькими центами в кармане и с огромным желанием работать. Он тут же поспешил разыскать Эдисона.

Удивительной была первая встреча Теслы с Эдисоном, который был старше его на десять лет. Молодой инженер из Европы с восхищением смотрел на знаменитого изобретателя-самоучку. Он передал Эдисону рекомендательное письмо Бачерола. В письме было написано: «Я знаком с двумя великими людьми. Один — это вы, а второй — молодой человек, которого я вам рекомендую». Эдисону понравился Тесла, и он принял его в свою лабораторию.

Как раз в ту пору Эдисон оборудовал электрическими устройствами самый быстроходный по тому времени американский корабль «Орегон». Однажды в моторах обнаружилась какая-то неисправность, и Эдисон послал Теслу на корабль выяснить, в чем там дело. Это было под вечер, а на следующий день спозаранок Эдисону встретился Тесла, возвращающийся с корабля. Узнав, что оба мотора уже приведены в порядок, Эдисон воскликнул:

— Необычайно способный человек!

С тех пор он стал поручать Тесле все более ответственные задания.

Однажды Тесла пришел к Эдисону и предложил изменить конструкцию некоторых деталей в его динамо-машинах. Эдисон тотчас понял ценность этого предложения и сказал:

— Если вам удастся это осуществить, я дам вам пятьдесят тысяч долларов.

Тесла с жаром взялся за работу и через несколько месяцев добился успеха. Но когда он пришел к Эдисону за обещанной наградой, тот сказал:

— Тесла, Тесла! Не понимаете вы американского юмора!

Оскорбленный обманом, Тесла навсегда ушел от Эдисона.

Снова молодой инженер оказался один. Но теперь он пользовался хорошей репутацией, поэтому смог основать «Компанию электрического освещения Теслы». Вскоре новые электрические лампы, изобретенные Теслой, освещали большую часть Нью-Йорка.

Но и на этот раз Тесле не повезло: его жульнически обманули компаньоны, и он был разорен. Наступил самый трудный год в его жизни. А тут в довершение беды Америку охватил экономический кризис, безработица. Тесла с трудом находил заработок.

Но вот закончился этот тяжелый период. Тесла смог наконец построить лабораторию и осуществить свои технические замыслы. Осенью 1887 года он создал новые моторы, а в апреле следующего года зарегистрировал патент на самое важное свое открытие: он нашел способ передачи электроэнергии на большие расстояния.

Тесла проводил опыты по передаче сообщений без проводов. В 1897 году он зарегистрировал патент на газоразрядные лампы: в стеклянных трубках и шарах под ударами пролетающих электронов ярким светом сияли разреженные газы.

Много замечательных изобретений сделал Никола Тесла. Нет такой области техники, которой бы он не занимался, и в каждой его творческая мысль оставила глубокий след. Как щедрый сеятель, он не уставал разбрасывать семена новых технических идей. Но всю жизнь был одинок: современники не оценили и не приняли его.

Умер он в Нью-Йорке 7 января 1943 года, когда его родная Югославия вела героическую борьбу против фашистских оккупантов за свою свободу и независимость.

Переполох в лесу

Миодраг **БОРИСАВЛЕВИЧ**

Рисунок Любицы Сокич.

По своему характеру и по большому количеству разнообразной дичи, которая в них водится, болотистые леса Бараньи, а особенно на извилинах рек при впадении Дравы в Дунай, сохраняют в себе что-то от нетронутой, дикой красоты, к которой всегда тянется человеческая душа. Обширные тростниковые заросли, среди которых таятся сочные зеленые луговины, огромные причудливые стволы старых ив и тополей, одинокие старые дубы на заросших травой полянах, принесенные половодьем пни, корни, остатки мертвых растений, густые заросли ежевики... Пересеченное целой сетью речных рукавов и озер, богатых рыбой, это место служит пристанищем оленям, сернам, диким кабанам, выдрам, диким кошкам и многочисленным представителям пестрого пернатого мира.

Наблюдать жизнь диких животных в этих лесах, изучать их склонности и привычки, спрятавшись в ветвях дерева, быть свидетелем их ссор, наслаждаться озорной игрой молодых оленят и ланей, видеть, как самка оленя языком вылизывает загрязненную ранку, быть свидетелем грозных поединков между оленями-соперниками — это одно из самых волнующих удовольствий, которые нам может дать природа.

Среди многих приключений, которые случались со мной в этих лесах, я часто вспоминаю одно, которое заставило меня еще больше полюбить лес и его диких обитателей.

Однажды летом проезжал я вместе со знаменитым охотником на благородную дичь Каломаном Шалером по самым диким местам этих лесов. Шалер намеревался поймать олененка, которого хотел вскормить молоком, а когда он немного окрепнет, отдать в зоосад. Но заказ от зоосада он получил с опозданием: к этому времени все самки уже отелились, а олененка можно поймать лишь сразу после того, как он появился на свет: уже на второй день его и сам черт не поймает. Опытный охотник, Шалер знал, что некоторые молодые самки телятся поздно, вот почему он внимательно осматривал все укромные места, мимо которых мы проезжали.

Солнце уже встало, и животные притаились в чащобе. Только темные перекрещивающиеся следы на высокой росистой траве выдавали их близкое присутствие. Когда мы поравнялись с одной ложбинкой, Шалер рукой коснулся плеча возницы, и повозка моментально остановилась.

— Здесь! — прошептал Шалер и показал в сторону ближайшей заросли.

Я внимательно посмотрел в том направлении и тут же увидел молодую самку оленя на маленькой полянке, заросшей побегами ракиты. С запавшими боками, потемневшими от пота, она стояла, словно окаменев, и встревоженно смотрела на нас. Возле нее на измятой траве лежал еще влажный маленький пестрый олененок и беспомощно тянул головку к матери.

Шалер легко соскочил с повозки и потихоньку приблизился к оленям. Когда осталось всего лишь несколько шагов, самка испуганно отпрянула в сторону, не спуская с охотника своих больших темных глаз, в которых отражался ужас. Не обращая на нее внимания, Шалер взял олененка на руки и понес к повозке.

Мать смотрела на охотника, часто дыша. А когда он опустил олененка на солому у наших ног, нерешительно двинулась к нам, как-то странно вытягивая перед-

ние ноги. Садясь в повозку, Шалер махнул ей рукой и, смеясь, сказал:

— Ему у нас будет хорошо.

И тогда случилось неожиданное. Оленуха остановилась в нескольких шагах от повозки, издала глухой стон и сильно затопала передними ногами. В тот же момент лес ожил. Из окружающей нас чащи стали выходить самки оленей. С высоко поднятыми головами они шли прямо на нас, а за ними подпрыгивали длинноногие оленята. Приблизившись шагов на пятьдесят, они остановились полукругом и встревоженно смотрели на нас.

Зная пугливость оленей, мы не предполагали, что нам может грозить какая-либо опасность, и на их странное поведение смотрели как на забавное охотничье приключение. Да и как могли мы тревожиться, если эти животные убегают, едва почуяв человека? Сколько раз во время отела лесники ловили оленят! Все кончалось тем, что мать только жалобно звала детеныша. Но вот нашлась одна, чья материнская любовь была сильнее страха и чья тревога за малыша встретила такой отклик в сердцах этих обычно пугливых животных.

Из окружавших нас тростниковых зарослей подходили все новые и новые самки, и угрожающий полукруг начал сужаться. Время от времени то одна, то другая оленуха топала передними ногами, и сейчас же начинали топать остальные. Было ясно, что они собираются на нас напасть. Казалось, только небольшая доля страха перед человеком удерживает их от того, чтобы наброситься на нас.

Кони первыми почуяли опасность, забеспокоились и стали испуганно фыркать. Опытный возница Пишта едва сдерживал их.

Мы с Шалером в недоумении переглянулись. Шалер мне улыбнулся.

— Что делать! — сказал он. Сильными руками взял олененка за шиворот и положил на траву около повозки.

В тот же момент кони, встав на дыбы, рванулись в сторону и галопом понеслись по полям.

Перевела И. Петрова.

Какого цвета ручей

Григор ВИТЕЗ

Через лесок ручей стремится,
В него глядится олененок,
Он прибежал сюда напиться
И видит, что ручей зеленый!

Течет ручей все дале, дале,
Он вьется лентой по долине...
И ласточки защебетали:
— Синь! Синь! Ручей, как небо,
синий!

На мириады брызг дробимый,
Ручей меж скал летит куда-то...
И заяц, пробегавший мимо,
Сказал: — Из серебра вода-то!

Белеют облака в зените...
Ручей звенит, не умолкая,
И бабочка, над ним мелькая,
Шепнула: — Белый он, взгляните!

Ручей течет под звездной сенью
Весь в блестках золотых...
И серна,
Скользя непуганою тенью,
Решила: он из звезд, наверно!

Перевела Ел. Благинина.

Звезда

Душан РАДОВИЧ

Что если вдруг ночной звезде
вздремнется!
А золотых дел мастер встанет,
Руку протянет,
Звезду достанет
И звездных пуговиц детишкам
начеканит —
Таких блестящих!

Звезд не бывает спящих,
Достать их трудно...
Все ж, если пуговиц из них
наделать,
Вот будет чудно!
Правда, чудно!

Перевела Ел. Благинина.

Рисунки Любицы Сокич.

Свирель

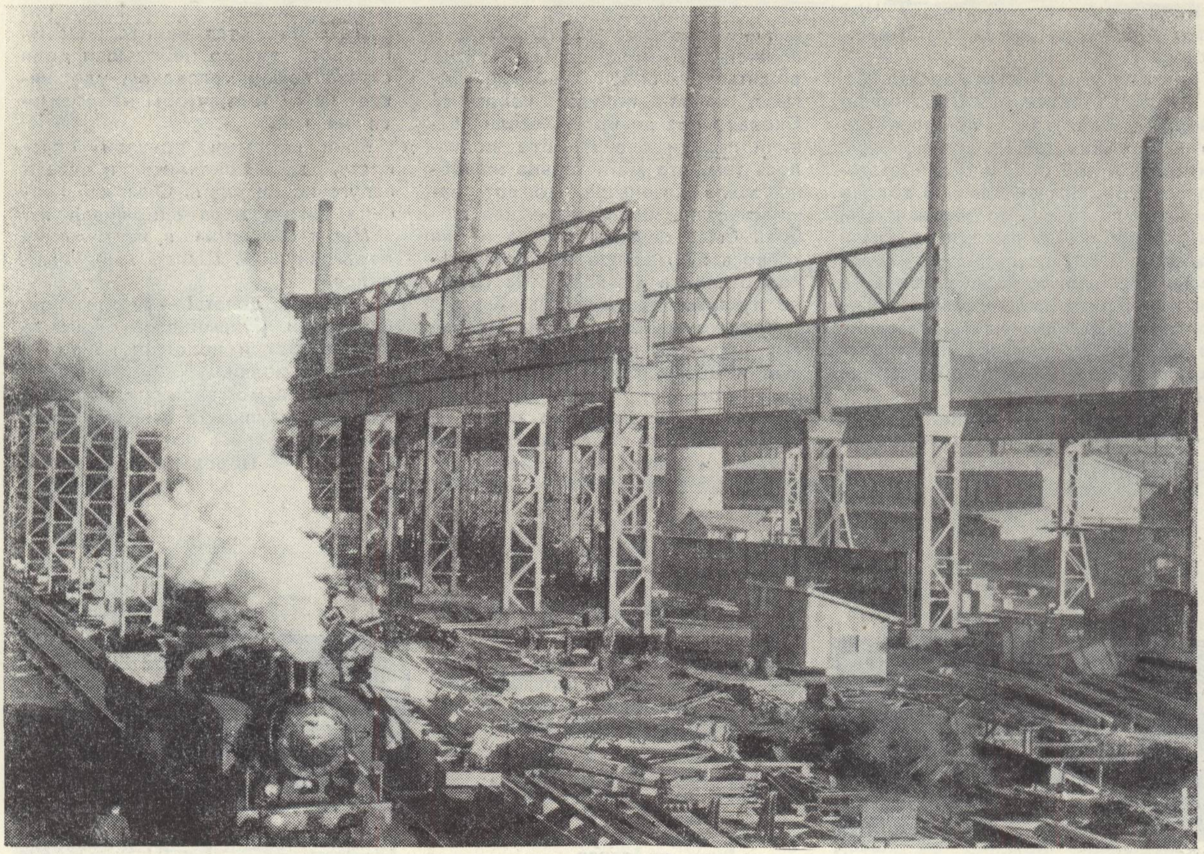
Войя ЦАРИЧ

Растут свирели у речной излуки,
Клонясь, глядятся в воду
голубую.
Захочешь музыки — сорви
любую
И слушай звуки, отклики и звуки.

Но тщетно смотрит в глубь
ветвей ребенок:
Свирели верба спрятала
надежно,
В листве дрожащей скрыла
осторожно,
Стоит, с воды не сводит глаз
зеленых...

И все ж печаль сквозь крону
вербы брезжит:
Легко ль молчать, так много
звуков пряча!!
И бабушка найдет свирель
и срежет,
И запоет свирель в руке
ребячьей.
Чудная сила у свирели этой:
Чуть поиграешь — глядь! —
и детства нету!

Перевела Ю. Нейман.

ЮГОСЛАВИЯ СТРОИТСЯ

Югославия — одна из стран, расположенных на Балканском полуострове. На юго-западе сильно изрезанное побережье омывают голубые воды Адриатического моря. Внутри страны горные хребты чередуются с неоглядными равнинами.

До войны Югославия была бедной страной, хотя в недрах ее таились огромные богатства. Промышленности не существовало, сельское хозяйство было крайне отсталым, электрическое освещение было редкостью. Немногие рудники и фабрики, которые имелись в стране, были собственностью иностранных капиталистов. Теперь Югославия превратилась в промышленную страну. Наряду с промышленностью развивались и другие области хозяйства и культуры.

С небольшой частью того, что сделано за восемнадцать лет социалистического строительства, прошедших после революции, мы и познакомим вас с помощью этих фотографий.

Есть такое выражение: «Береги как зеницу ока». Но если в Югославии кто-нибудь скажет

зеница, то его собеседник подумает не о глазе, а о городе Зенице. Это гигант черной металлургии.

В строительстве Зеницы участвовала молодежь Югославии. Молодежь построила и знаменитые железные дороги: Первую и Вторую молодежную. Многие из молодых строителей Зеницы сегодня стали мастерами на этом огромном металлургическом комбинате.

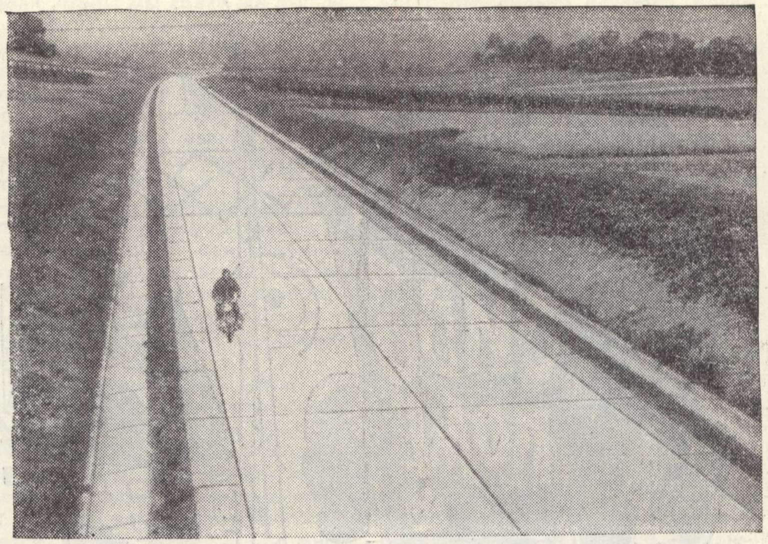
...Во время войны, в буре революции, когда враги пытались поссорить между собой народы Югославии, родился лозунг:

Братство — единство!

Этот лозунг живет и сейчас. В нем отражаются труд, мысли и чувства народов Югославии. Золотой нитью проходит этот лозунг через все, что стало их общим завоеванием. Созданная из бетона и асфальта, протянулась от Любляны до Джевджели самая длинная автострада в Югославии. Называется она:

Автострада братство — единство!

Ее построили юноши и девушки нашей страны. Каждый год молодежные бригады добровольцев одерживают новые трудовые победы.

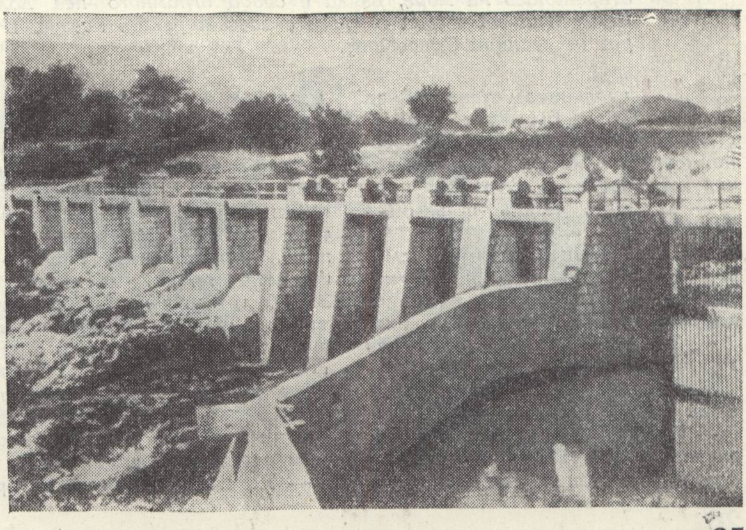

До войны Веленье было маленьким шахтерским поселком в Словении. После войны рудник сильно вырос, и прежнее Веленье уже не могло вместить под крышами своих маленьких домиков всех новых шахтеров. И было принято решение: построить новый город Веленье.

Строительство этого шахтерского городка полностью закончено, его украшают прекрасные здания, парки, цветники.

На снимке вы видите новый городок Веленье, почетным шахтером которого был избран товарищ Хрущев во время его недавнего визита в Югославию.

За неполных двадцать лет социалистического строительства в Югославии построено много гидроэлектростанций.

6 мая 1962 года дала первый ток гидростанция «Сплит», крупнейшая в Югославии и в этой части Европы. Проект и оборудование для этого «чемпиона» создали югославские предприятия.

Врунишки на вокзале

(Отрывок из романа «Голубая акула»)

Арсен ДИКЛИЧ

Рисунки Новицы Дюклича.

Перевела И. Петрова.

Трое друзей выиграли деньги по спортивной лотерее. И отправились на море. Взяли с собой огромного пса Волчка. Из-за этой собаки их ссадили с пассажирского поезда. И как раз на станции Сиво Поле.

...Начальником станции Сиво Поле был тот самый строгий железнодорожник в красной фуражке, который первым обнаружил ребят на путях.

— Что мне делать с вами?— спросил он.

Они стояли перед ним и смущенно молчали. Смущенным казался и высокий усатый железнодорожник, стоявший позади них.

— Знаете,— сказал Боба,— мы ведь не одни едем.

Жаркò удивленно посмотрел на него.

— Вот как было дело: тетя написала мне, чтоб я как можно скорее приехал к ней на море, а папа и мама так просто едва дождались этого. Они проводили меня на станцию. И папа, и мама, и мой старший брат. Они обо всем как следует расспросили, нашли поезд, посадили меня, а тете послали телеграмму. И теперь, представьте себе, тетя встретит поезд, а меня нет! Это будет ужасно. Она начнет звонить папе с мамой, а они испугаются, и тогда... Даже страшно подумать!..

Жарко удивленно моргал, глядя на Бобу. Строгий железнодорожник внимательно слушал. Высокий усач озабоченно вздохнул.

— Ух, чтоб вас! Вот так история!

Тут заговорил Младен:

— Вы знаете, а мой папа уже на море. Он в командировке и написал, что останется там и на отпуск. Он просил, чтоб меня к нему отправили. Завтра он ждет меня. Он такой беспокойный, нервный. Вы знаете, стоит только поезду опоздать на несколько минут, и он уже будет спрашивать, не было ли крушения. Правда, это если я еду. А вообще-то он не такой. Все это потому, что я его единственный сын.

— Что?— спросил в недоумении брат Младена, Жарко.

— А потом мы все встретились в поезде,— продолжал Боба,— и решили вместе ехать. И все наши знают, что мы едем вместе. Только представьте себе, как они будут беспокоиться!

Теперь, казалось, больше всех был озабочен усатый железнодорожник. Он качал головой и тяжело пыхтел. «Какая неприятность!»— говорило все его лицо.

Строгий же железнодорожник, наоборот, улыбался.

— Интересно вы рассказываете,— сказал он с улыбкой.— Значит, вы в первый раз увиделись в поезде? И этого, третьего, маленького, вы тоже встретили в поезде? Прекрасно!.. А собака? Откуда взялась собака?

— Собака моя,— решительно сказал Жарко.

— Твоя?— удивился строгий железнодорожник.— Так... Ну, а тебя кто ждет на море?

— Никто.

— Так. Значит, ты едешь один? А их ты случайно встретил?

— Нет. Я ехал с братом,— начал Жарко, но Младен его прервал:

— Глупости. Нам поручили за ним присмотреть. Он...

Напрасно Боба толкал Жарко в спину. Жарко сделал шаг вперед, чтобы Боба не мог дотянуться до него, и продолжал рассказывать:

— Я еду с братом. Мы с братом любим море. Мы решили купить лодку.

Боба и Младен удивленно и испуганно переглянулись.

— Лодку мы купим, как только будем на море. Мой брат держит деньги при себе, деньги на лодку.

Младен попятился к выходу, крепко сжав сумку обеими руками. В сумке были деньги.

А Жарко и не думал молчать.

— Мы с братом взяли с собой собаку. Один дядя, проводник, нам ничего не сказал. А потом, к вечеру, проводник сменился. А мой брат ушел в другой вагон. А я не знал, в какой именно; брат мне сказал, что там встретил товарища, с которым служил в армии, понимаете?

Младен остановился у дверей. Он продолжал крепко стискивать в руках сумку, но никак не мог заставить себя уйти: ему так хотелось узнать, каким же образом Жарко в конце концов выпутается из своего странного рассказа. Вот теперь Жарко — и кто его знает почему — выдумал какого-то брата, демобилизованного из армии, а от него, от настоящего своего брата, Младена, отрекается.

— Пришел этот новый проводник, увидел собаку и сказал: «Нельзя с собакой ехать, вы должны сойти». Я сказал ему, что эта собака моя и моего брата, и что вот эти ребята — Младен и Боба — никакого отношения к собаке не имеют. А он сказал, что это его не касается и что мы все трое виноваты, потому что прятали собаку в купе, и за это мы должны сойти с поезда. И еще он нам сказал, что сразу же за нами идет собачий поезд и что нам не придется долго ждать на этой станции. Я ему сказал, что не могу выйти из поезда, пока не скажу об этом брату, ведь мы же едем вместе и он за мной смотрит, и за Младеном, и за Бобой тоже. А он сказал, чтобы мы сразу же вышли из поезда и вынесли все свои вещи, а он пойдет и скажет моему брату, чтобы он тоже сошел с поезда. Мы сошли, а он не искал моего брата, а все орал: «Сивооо Пооолеее!» — так ваша станция называется. И наш поезд ушел. Вот как это было.

— Это действительно странно, — улыбнулся железнодорожник. — А я-то думал, что вы одни путешествуете. Потому что все три билета были у Бобы. Как же это получилось, что билеты не остались у твоего брата, который демобилизовался из армии?

— Потому что мой брат не знал, как долго он останется в другом вагоне со своими однополчанами. Он нам оставил билеты на всякий случай, если пойдет контролер. А сейчас мой брат ищет нас по всем вагонам и очень волнуется. Знаете, у нас с собой много багажа, и мой брат может подумать, что меня увели воры или что я попал под поезд. Он такой. Он очень заботливый.

— Но ведь проводник сказал же ему, где вы сошли, — заметил строгий железнодорожник. — Проводник-то знает! Брат сойдет на следующей станции и вернется за вами. И вместе с братом вы дождетесь поезда, который приходит в 12.05. Не так ли?

Жарко проглотил слюну. Он почувствовал, что запутался в своем рассказе о заботливом брате, служившем в армии. А виноваты во всем, разумеется, Младен и Боба. Почему они ему вовремя ничего не сказали о своем плане? Сначала они запутались с собакой, а он пытался их спасти... а теперь... что теперь будет?

— Тот проводник ему ничего не сказал. Вот увидите. Вы не знаете, какой он. Вы видели его только, когда он вышел из вагона на вашей станции и сразу же вернулся в вагон. А я его лучше разглядел. Он очень сильно качается, когда идет по коридору. Все за стены держится. Честное слово! Вы только слышали, как он выкрикивает название вашей станции «Сивооо», растягивает это «ооо» и не может остановиться, точно поет. А я слышал, как он в поезде пел.

— Так что же это с ним? — с любопытством спросил строгий железнодорожник.

— Пьяный он. Говорю же вам!

Строгий железнодорожник откинулся на спинку стула и начал хохотать от души.

— Вот так раз! — произносил он сквозь смех. — Пьяный, говоришь? Ох, и силен же ты, парень!

А когда кончил смеяться, он встал, погладил Жарко по кудрявой голове и сказал ему:

— Твой рассказ лучше всех. Я тебе верю. И ты, Раде, и ты ему веришь, не так ли? — лукаво спросил он высокого железнодорожника.

Усатый качнул головой и засмеялся.

— Ах, чтоб вас!

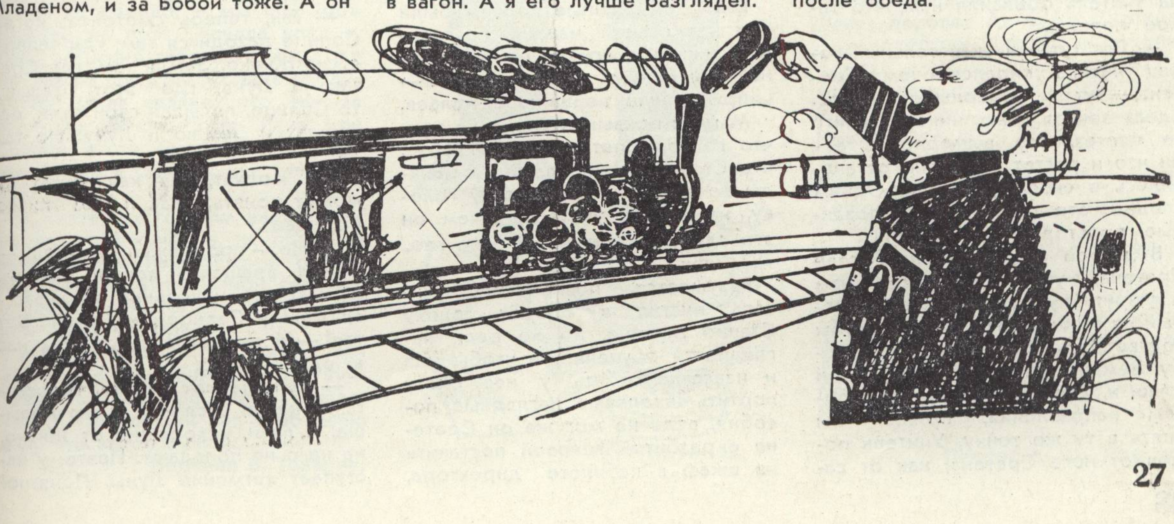
— А теперь, что же будем делать теперь? — спросил старший железнодорожник, обращаясь ко всем сразу.

Боба умоляюще проговорил:

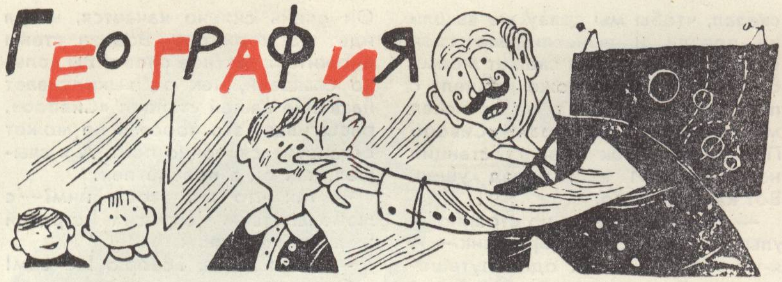
— Знаете, а мы могли бы и на товарном. И за Волчка бы заплатили.

Строгий железнодорожник вообще не был строгим. Он только казался таким на первый взгляд, когда в фуражке отправлял поезд. Тогда он и должен был быть строгим. А сейчас он все время смеялся. И стал серьезным только тогда, когда сказал:

— Ребята, отпускаю вас на свою ответственность. Это не по правилу. Пассажирам в товарный поезд нельзя. Но мне придется вас пустить. Что же мне еще делать с вами? Ведь следующий пассажирский поезд идет завтра после обеда.

География

Из автобиографических воспоминаний о старой гимназии

Бранислав НУШИЧ

Рисунки Марка Крсмановича.

В нашей гимназии был глобус, годами стоявший на книжном шкафу в кабинете директора. Этот глобус имел такой плачевный вид, что на него было невозможно смотреть без сострадания. Ось у него была так изогнута, что во время опытов он всегда вращался в сторону, противоположную той, в которую, если верить учителю, вращается Земля.

За неимением приличного глобуса учитель использовал голову нашего товарища Сретена Иовича, у которого была такая большая голова, что он и в самом деле был похож на ходячий глобус.

— Сретен, иди сюда! — этими словами начинался урок. На этот раз учитель намеревался объяснить нам причины чередования дня и ночи.— Иди и встань возле окна так, чтобы на тебя падал солнечный свет.

«Глобус» выходит из-за парты и становится возле окна.

— Если ты повернешь к Солнцу правую щеку, вся правая половина головы будет освещена, а левая — в тени. Так ведь? Хорошо, теперь поверни левую щеку к Солнцу. Видишь, вся левая сторона освещена, а правая — в тени.

Точно так же на голове Сретена учитель объяснял нам, что такое полюса.

— Вот тут,— и указательный палец учителя упирался в темя Сретена,— тут Северный полюс. Здесь вечная зима, никогда ничто не цветет, все вымерло, а если что и растет, то давно остановилось в своем развитии. Одним словом, это еще не исследованные просторы.

В другой раз, опять на голове Сретена, учитель показал нам маршрут путешественника, который из любви к географии, чтобы подтвердить шарообразную форму Земли, пошел бы из одной точки и, двигаясь все время в одном направлении, пришел бы опять в ту же точку. Учитель пошел от носа Сретена, как от самой заметной точки. Его объяснение выглядело примерно так:

— Возьмем нос как исходную точку,— и он повел указательным пальцем от носа к левому уху,— и отправимся на восток, то есть в ту сторону света, где восходит Солнце. Затем мы... Сретен, когда же ты наконец вымоешь уши? В них столько грязи, словно ты только что вылез из свинарника!.. Затем обогнем земной шар и выйдем на противоположную сторону. Я ведь тебе, Сретен, еще на прошлом уроке велел подстричься. И хотя на противоположной стороне Земли живут дикари, я не хочу пачкать свой палец о такие грязные космы. Когда у нас день, на той стороне ночь, и наоборот: когда у нас ночь, на той стороне день. Затем мы пойдем все дальше и дальше, перейдем через правое ухо и опять все дальше, дальше и дальше, и вот мы опять на носу, откуда мы и пошли.

Сретен нам всем очень нравился, нам казалось, что он настоящее школьное пособие, и мы так привыкли к этому, что голова его действительно казалась нам глобусом, представляющим земной шар.

Его растрепанные волосы были для нас лесной чащей, населенной дикими зверями, лоб напоминал египетские равнины, нос — неприступную вершину Гималаев.

Мы так привыкли думать о том, что голова Сретена — это глобус, что Станко Милич, разбив однажды во время игры Сретену голову, на вопрос учителя, зачем он это сделал, ответил: «Я учил географию».

Разумеется, после этого учитель пустил в оборот голову Станко Милича, но не ради наглядности обучения, а чтобы раз и навсегда отбить у нас охоту портить школьные наглядные пособия, ведь не мог же он Сретена с разбитой головой поставить на шкаф в кабинете директора, рядом с уже упомянутым бывшим глобусом!..

Нужно сказать, что у нашего учителя географии была довольно тяжелая рука и он очень часто прибегал к ее помощи. Пока он рассказывал о Земле, о реках, о горах, озерах, морях, все было более или менее спокойно, но когда он добрался до неба и планет, то стал так размахивать руками и так бить нас по щекам, что нам начало казаться, будто на небе происходят катастрофические столкновения небесных тел.

Однажды, когда он объяснял нам затмение, он вызвал к доске сразу троих. Сначала вышел самый старший из нас, Живко, над верхней губой которого уже пробивались усики и которому все учителя советовали жениться. Учитель поставил его так, чтобы мы все его видели.

— Хотя ты, Живко, самый настоящий осел, но сейчас ты будешь представлять Солнце.

Затем, повернувшись к остальным, сказал:

— Следите внимательно! Голова Живко — это Солнце. Оно освещает и Землю и Луну. Землей, как всегда, будет голова Сретена, а вместо Луны возьмем вот этого малыша со второй парты.

Этим малышом со второй парты был я.

— Так, теперь смотрите: когда Солнце находится там, где теперь стоит Живко, Земля там, где Сретен, а Луна, где этот малыш, то Солнце, посылая свои лучи, освещает и Землю и Луну. Не так ли?

Все молчат, так как никто не может понять, как и чем Живко освещает.

— Но,— продолжал учитель,— Земля, вращаясь вокруг Солнца, на какое-то мгновение оказывается между Солнцем и Луной... Вот так! — И он выстраивает всех нас в одну линию.

— Теперь, как видите, головастый Сретен заслонил этого малыша, и лучи, исходящие от Живко, на него не попадают. Поэтому наступает затмение Луны. Понятно?

— Я не понял,— пробурчал Живко.

И то, что Живко, который должен был излучать свет, не понял этого, так разозлило учителя, что он отвесил ему пощечину, вызвавшую у несчастного Живко, по всей вероятности, самое наглядное представление о затмении Луны, и он, хлопая глазами, поспешил сказать:

— Теперь понятно.

И не только Живко, но и всем нам сразу стало ясно, почему эта часть географии называется «физической».

Еще хуже было, когда учитель объяснял нам строение солнечной системы.

— Пусть выйдут к доске те планеты, что были на прошлом уроке,— сказал он.

Этими планетами были Живко, Сретен и я.

— Ты, Живко, как известно, Солнце. Стань вот сюда и тихо и спокойно вращайся вокруг себя. Ты, Сретен, также должен вращаться вокруг себя и в то же время вращаться вокруг Живко, который, как ты знаешь, представляет Солнце.

Затем он поставил и меня.

— Ты Луна. Ты будешь вращаться вокруг себя и в то же время вокруг Сретена, а вместе с ним кружись вокруг Солнца, то есть вокруг Живко.

Разъяснив нам все, он взял палку и стал в стороне, как укротитель, готовый в любую минуту стукнуть по голове того из нас, кто ошибется. И вот по его команде началось... вращение. Живко вращался вокруг себя, бедный Сретен — вокруг себя и вокруг Живко, а я — вокруг себя и вокруг Сретена, вместе с ним кружась вокруг Живко.

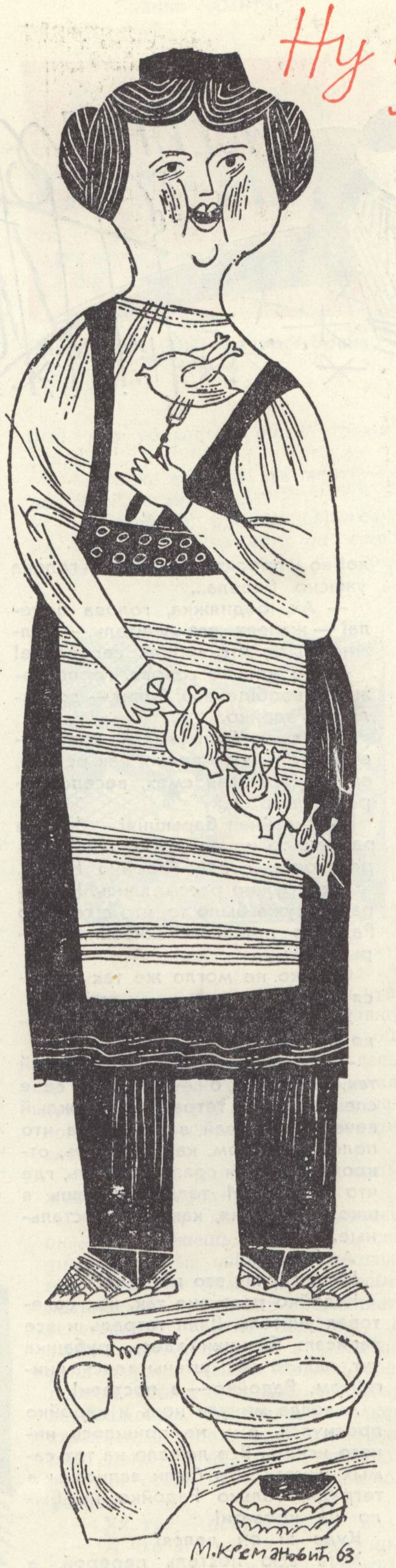
Но не успели мы сделать и одного полного круга, как в глазах у нас потемнело, и мы все трое рухнули на пол. Сначала упал я, Луна, на меня свалилась Земля, а на Землю рухнуло Солнце. Получилась такая свалка, что нельзя было разобрать, где Луна, где Солнце, а где Земля. Видны были только нога Солнца, нос Земли и зад Луны.

А учитель с гордым видом стоит над этой кучей и, не обращая внимания на наши стоны, объясняет строение планетной системы и движение небесных тел в мировом пространстве.

Можете себе представить, какая поднялась паника, когда учитель, покидая наш класс, сказал:

— В следующий раз я объясню вам, что такое вулкан.

Перевел В. Токарев.

Ну и молодушка!..

Ну и молодушка нам досталась!
Кушает малость,
Самую малость:
Съест втихомолку одну перепелку,
Барскую птицу,
Нежную птицу.

Ну и молодушка нам досталась!
Кушает малость,
Самую малость:
Съест для порядка две куропатки
Да втихомолку одну перепелку,
Барскую птицу,
Нежную птицу.

Ну и молодушка нам досталась!
Кушает малость,
Самую малость:
Трех голубков, четырех петушков,
Да для порядка две куропатки,
Да втихомолку одну перепелку,
Барскую птицу,
Нежную птицу.

Ну и молодушка нам досталась!
Кушает малость,
Самую малость:
Шесть поросят да пяток гусаков,
Трех голубков, четырех петушков,
Да для порядка две куропатки,
Да втихомолку одну перепелку,
Барскую птицу,
Нежную птицу.

Ну и молодушка нам досталась!
Кушает малость,
Самую малость:
Восемь баранов да семь коров,
Шесть поросят да пяток гусаков,
Трех голубков, четырех петушков,
Да для порядка две куропатки,
Да втихомолку одну перепелку,
Барскую птицу,
Нежную птицу.

Ну и молодушка нам досталась!
Кушает малость,
Самую малость:
Девять хлебов да десяток сыров,
Восемь баранов да семь коров,
Шесть поросят да пяток гусаков,
Трех голубков, четырех петушков
Да для порядка две куропатки,
Да втихомолку одну перепелку,
Барскую птицу,
Нежную птицу.

Перевела Ю. Нейман.

Кисейная барышня

Жак КОНФИНО

Рисунки Новицы Дюкича.

Это был мальчик по имени Радойко, а вовсе не какая-нибудь там девчонка.

Вы, наверное, знаете моего Радойко? Да? Нет? Ну, тогда я вам о нем расскажу.

Итак, когда Радойко встает, дома уже никого нет...

Ну и печальная это история!

Не думайте, пожалуйста, что Радойко совсем один на белом свете. У него есть и папа и мама; просто они рано уходят на работу, а Радойко хлебом не корми — только дай понежиться в постели. Мама с папой встают, одеваются, завтракают и уходят, а Радойко все лежит себе да потягивается.

А когда он наконец встает и начинает собираться в школу...

Ну и печальная это история!

Потому что Радойко — ужасный неряха... Ложась спать, он никогда не складывает свою одежду в одном месте, а разбрасывает ее по всему дому. Настоящий хаос! Один башмак летит под кровать, другой — под диван; носки оказываются то под столом, то за печкой, а порой даже попадают на шкаф. Рубашку он кидает на кухне, штаны — там, пальто — сям, а книги и тетради... просто исчезают с лица земли. Попробуй тут утром что-нибудь отыскать. Весь дом перевернет Радойко, пока оденется и соберет портфель.

Наконец Радойко в школе, но урок уже давно идет.

А учитель?..

Ну и печальная это история!

Учитель ставит Радойко в угол лицом к стене и начинает над ним подшучивать:

— А ведь вовсе ни к чему было так спешить!

— Извините, пожалуйста,— жалобно просит Радойко,— голова ужасно болела...

— Ах, бедняжка, голова болела? — жалеет его учитель.— Должно быть, что-нибудь серьезное!

— Не только голова, горло тоже, и вообще все болит,— добавляет Радойко.

— Ах, ах, бедняжка! — повторяет учитель, в то время как ребята, едва сдерживая смех, весело перемигиваются.

— Кисейная барышня! — бросил раз кто-то из ребят, по всей вероятности, сосед Радойко Ивица.

Все дружно рассмеялись. Но гораздо хуже было то, что с тех пор Радойко прозвали «кисейной барышней».

Однако не могло же так длиться вечно.

Учитель решил приучить Радойко к порядку.

— Радойко, отныне делай так,— сказал он.— Заведи себе специальную тетрадь и каждый вечер записывай в нее, куда что положил. Утром, как встанешь, открой тетрадь и сразу увидишь, где что искать. И тогда придешь в школу вовремя, как и все остальные.

А Радойко...

Ну и глупая это история!

Радойко поступил так, как советовал учитель. Взял тетрадь и все записал: ботинки здесь, рубашка тут, пальто там, штаны здесь, книги там, Радойко — в постели!

А когда минула ночь и Радойко проснулся, ему не пришлось ничего искать. Все лежало на тех самых местах, что были записаны в тетради, только Радойко не было на кровати!

Куда ж он делся?

Хоть всю постель перерой, а Радойко нигде не найдешь: ни под одеялом, ни под подушкой, ни под простыней!

Однако время идет. Радойко опять опаздывает. Он вдруг погрустнел, прекратил свои поиски и побежал в школу. Но урок уже давно начался!

— В угол! — приказывает учитель.

И бедному Радойко ничего больше не остается, как встать в угол спиной к товарищам, которые, весело подмигивая друг другу, дразнят его:

— Кисейная барышня! Кисейная барышня!

— А теперь повернись сюда,— обратился к нему учитель,— и расскажи нам, почему ты сегодня опоздал.

А Радойко...

Ну, и смеху же было!

Радойко стал рассказывать, что было утром и как он тщетно искал в постели Радойко!

— Э, милый мой,— заметил учитель,— прежде всего человек должен найти самого себя. С этого надо начинать день и этим же его кончать. Куда б ты ни пошел, за какое бы дело ни взялся, сначала найди себя. Будешь так делать, никогда никуда не опоздаешь.

— Скажите, пожалуйста, а как это найти себя? — спросил Радойко, немного поразмыслив.

— Подумай хорошенько, и сам поймешь,— ответил учитель.

Мы не знаем, понял это Радойко или нет, но с тех пор он всегда приходит на уроки вовремя.

А прозвище «кисейная барышня» стали давать всякому, кто опаздывал.

Перевела И. Макаровская.

Бранко ЧОПИЧ

РАССКАЗ ХАРЛАМПИЯ ЛЕЖЕБОКИ

(Врал Харлампий, подвирал Бранко Чопич)

Мой друг Харлампий Лежебока, продавец зевков, лошадиных рогов и лягушиной шерсти, так описывал мне свой родной край:

— Это, знаешь, в конце муравьиной дорожки, как пройдешь кротовый тоннель да обойдешь цыплячью школу. Там кошка лунный свет прядет, заяц ружье носит, а селезень флотом командует.

— Смотри-ка,— удивляюсь я.

— Там туман пни корчует, гром лентяев будит, старики от молнии трубки прикуривают, а из облаков подушки делают,— продолжает хвалиться мой друг.

— Да это прямо какой-то необыкновенный край,— серьезно говорю я.

— А как же! — согласился Харлампий.—Другого такого края на целом свете нет и не будет, пока коза хвостом подпоясывается, свиньи на гуслях играют, а петух с порога спрыгнуть может.

— Да что ты говоришь!—изумляюсь я.

— В моем родном крае блох из штанов дубинками гоняют, из пистолетов лампы гасят, молотом разум в голову заколачивают, а если кому что в голову стукнет, на голове сразу выскакивает шишка с куриное яйцо.

— А вы бы тогда думали только о мягких вещах,— предложил ему я.

— Мы пробовали,— признался Харлампий,— да вот, знаешь, беда, как стукнет нам в голову повидло, мед, сметана или какая-нибудь каша, мы все так перемажемся, что с нами хватает дела котятам, щенятам, пчелам, мухам, а о медведях я уже и не говорю.

— Да это просто убиться можно! — ужаснулся я.

— А вот с этим у нас особенных хлопот не бывает,— радуется Харлампий.— В наших местах есть специальная поляна, чтобы убиваться, вот туда и ходит каждый, кто убивается да с тоски сохнет.

— А как же она выглядит? — полюбопытствовал я.

— Интересно, братец! Один себя заживо поедом ест, да еще и без ножа, без вилки и без соли, другой до того доубивался, что всего половина осталась, словно ножом отрезали, третий головой о камень бьется, четвертый весь от тоски иссох, только маленькая лужица осталась, а в ней лягушенок сидит, весь позеленел от тоски.

— Трудно, должно быть, вам живется,— вздохнул я.

— Да нет, ничего,— отвечает он.— Мы, знаешь, все больше сидим да разные истории рассказываем, лисица нам почту носит, письма в курятнике оставляет, телеграммы улитке передает, а деньги мы получаем в восьмой день недели. Дымом крыши подпираем, чтобы они нам на голову не свалились, из пальца волков стреляем, на солнышке лето жарим, пока не получится румяная золотая осень, а из мух слонов делаем.

— Ух ты! — испугался я.

— А что это ты сразу пугаешься? — удивился он.— Я, знаешь, например, такой храбрый, что один раз сам себя в засаде подстерег, закричал: «Руки вверх!» — ограбил сам себя до нитки и еще под конец снял с себя пальто и сунул его в карман того же самого пальто.

— Да как же ты мог сам себя ограбить? — разинул я рот.

— Ну, это как раз простое дело. Неужели ты не понимаешь! Я вывернул свои карманы и наполнил свои же карманы, вот тебе и все. Это так же просто, как стоять перед зеркалом и строить самому себе рожи.

— Да, пожалуй... это еще можно понять,— пробормотал я,— только, знаешь, я другого понять не могу: как ты мог засунуть пальто в его собственный карман?

— Этого и я не знаю,— смутился Лежебока.— Должно быть, карман у пальто был больше, чем пальто.

— Ну, это уже называется прыгнуть самому себе в рот! — закричал я.

— А у нас это часто делают,— признался Лежебока.— Поэтому у всех у нас зубы выбиты.

— А вы прыгайте босиком и рот пошире разевайте.

— Вот это мудрый совет,— согласился он.— Мы и без того много зеваем, без этого ведь зевков не продашь.

— Ха-ха-ха! — взорвался я от смеха, как бомба, так что весь дом взлетел на воздух, а мой друг Лежебока весь вспыхнул от стыда и поджег соседнее село. Тут примчались пожарные, а, чтобы они не загасили заодно и мой пыл рассказчика, я побежал куда глаза несут и куда ноги глядят.

Иначе кто сочинил бы для вас такую прибаутку? Если я вам соврал, то я поцелую свою собственную макушку, укушу себя за локоть и сам себе на ухо буду рассказывать сказки.

Перевела Н. Лебедева.

Мать. Иван Meштрович.

МАЛЬЧИК ИЗ ДЕРЕВНИ

Один из крупнейших скульпторов нашей страны Иван Мештрович (1883—1961) родился в деревне. Отец научил его читать и писать. Самым любимым его занятием было лепить из глины или вырезать из мягкого камня головы и фигурки животных.

Скоро окружающие обратили внимание на большие способности мальчика. Позднее из Сплита приехал один каменотес и взял Ивана работать в свою мастерскую. Из Сплита Иван уехал в Вену, где был принят в Венскую Академию художеств. Потом он два года учился в Париже.

Среди многочисленных скульптур Мештровича выделяется портрет матери художника. Одна из его лучших работ — бюст В. И. Ленина.

В истории этой скульптуры, словно в капле воды, отражается история преследования передовой мысли и искусства в старой, королевской Югославии. Бюст Ленина прятали от полиции в Загребе, в Белграде, потом перевезли в Париж, и тут след его теряется. Началась война, и гитлеровцы вступили в Париж. Вероятно, бюст погиб во время фашистской оккупации.

СОЗДАТЕЛЬ ПАМЯТНИКА СОВЕТСКИМ ВОИНАМ

О югославском скульпторе Антуне Августинчиче знают все народы мира. И в этом нет ничего удивительного: ведь ему было поручено создать символическую фигуру всадника, которая украшает здание Организации Объединенных Наций.

В период народной революции Августинчич был ее активным участником. В это время он создает скульптурный портрет маршала Тито. Весной 1944 года Августинчич уезжает в Москву, где живет почти целый год. За это время создает скульптурную группу «Несут раненого партизана», которую он дарит Всеславянскому комитету в Москве.

В начале 1945 года он возвращается в Югославию, чтобы работать над своим знаменитым памятником воинам Советской Армии. Этот памятник, установленный на берегу Дуная, высечен из далматинского камня. Он имеет в высоту 35 метров и величаво высится над широкой придунайской равниной.

Памятник воинам Советской Армии.

Антун Августинчич.

СТАРЫЙ ВУЯДИН

Свои очи дева проклинала:
«Очи, очи, чтоб вы не глядели!
Все видали — только не видали,
Как промчались ливненские турки,
Провели с собою с гор гайдуков,
Вуядина с двумя сыновьями.
. . . .
Молвил Вуядин такое слово:
«Соколы, сыны мои родные!
Видите проклятый этот Ливно,
Вон вдали белеет его башня?
Здесь нас турки будут бить и мучить:
Перебьют нам руки все и ноги,
Наши очи выколют ножами.
Соколы, сыны мои родные!
Пусть не будет ваше сердце вдовьим,
Пусть не вдовьим будет, а сокольим,
Вы друзей своих не выдавайте,
Про помощников вы не болтайте,
У кого вы зимы зимовали,
Зимовали, деньги оставляли;
Про корчмарок молодых молчите,
У кого вином мы угощались,
Угощались, верно укрывались!»
Привели их турки в белый Ливно,
Бросили гайдуков всех в темницу,
Три денечка белых отсидели,
Пока турки свой совет держали,
Как их бить и как больнее мучить.
Как денечка белых три минуло,
Старика выводят Вуядина,
Руки-ноги все переломали,
А когда за очи принялися,
Закричали ливненские турки:
«Укажи нам, Вуядин, собака,
Укажи дружину остальную
И друзей, к которым заходили,
Заходили, зиму зимовали,
Зимовали, деньги оставляли!
Укажи корчмарок нам, собака,
У кого вином вы угощались,
Угощались, верно укрывались!»
Отвечал им Вуядин бесстрашно:
«Не глупите, ливненские турки!
Ради ног не говорил я быстрых,
Что быстрей коня меня носили;
Ради рук не говорил юнацких,
Что ломали ваши копья смело,
Что ломали кованые сабли;
Так скажу ли ради глаз тех лживых,
Что меня на зло все наводили,
Глядя из лесу с вершины горной,
Глядя вниз, в долину, на дорогу,
Где проходят турки и торговцы!»

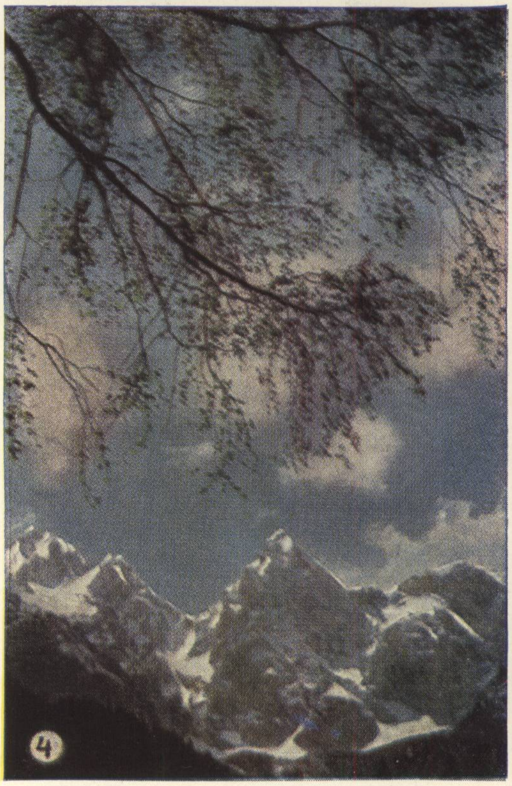
Перевод П. Ирасова.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЮГОСЛАВИИ

Каждый, кто путешествовал по Югославии, скажет, что это страна, где как будто встречаются все меридианы и параллели. И в самом деле, вы увидите у нас альпийские горные вершины, где царствуют снега и холод, а южное приморье встретит вас такой жарой, как на экваторе, в равнинной части страны вы найдете волнистые пески пустынь, далматинские скалы напомнят вам отроги скалистых Андов. Из джунглей Перучицы вы попадете к величественным водопадам и, наверно, не сможете сдержать возгласа восхищения.

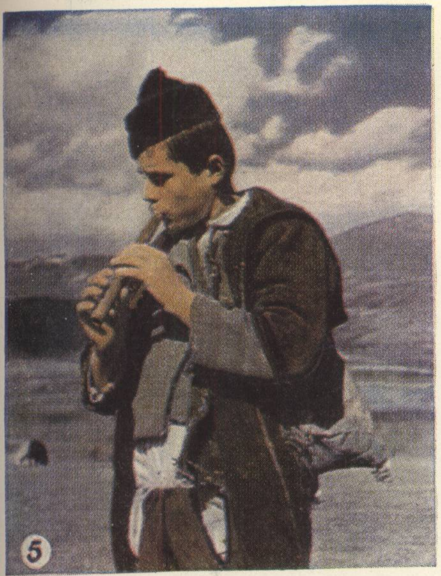
Мы приглашаем вас сейчас отправиться с нами в небольшое путешествие, чтобы увидеть несколько уголков Югославии.

1. Город Мостар. Босния-Герцеговина.

2. На полях Македонии. Сборщица хлопка.

3. «Святой Стефан», древний остров у берегов Черногории, теперь представляет собой огромную гостиницу.

4. Весна в Юлийских Альпах.

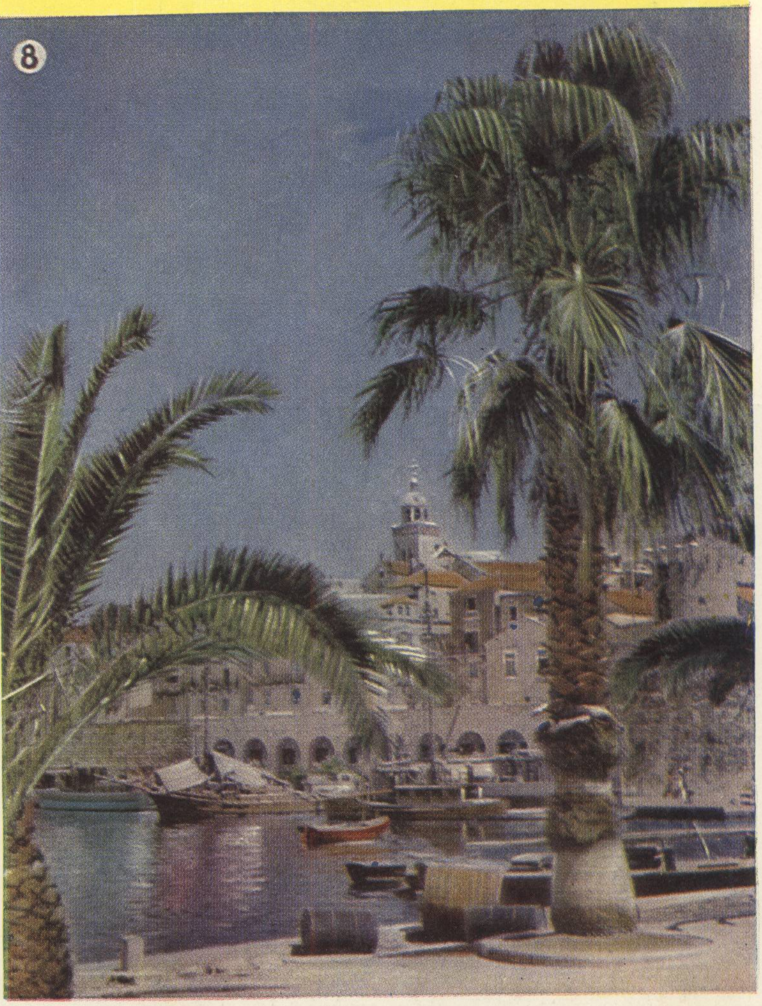
5. Мальчик из Сербии со свирелью.

6. Золотая осень в Воеводине.

7. «Дурмитор, Дурмитор, гора высокая!..»

8. Пальмы, море, солнце... Корчула — одна из жемчужин Адриатического побережья.

ДЕТСКИЕ РИСУНКИ

Рисунок Сони Рашеты, ученицы 2-го класса. г. Банья Лука.

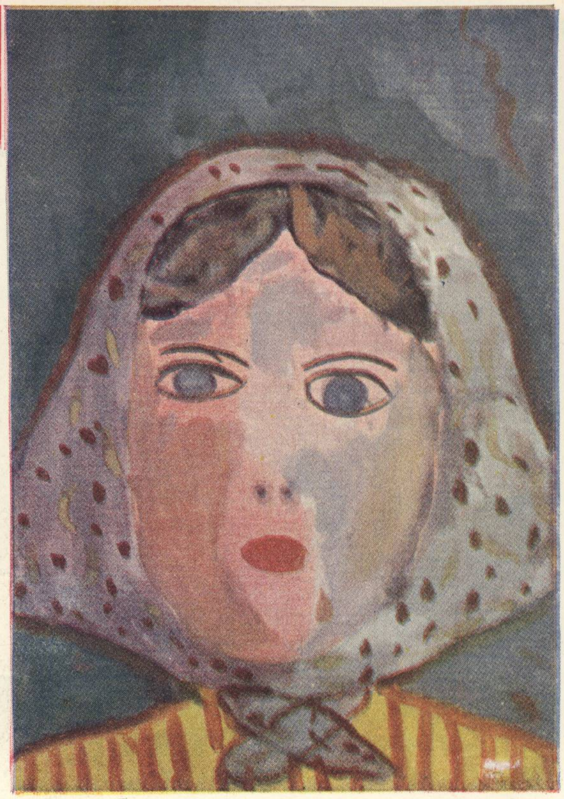

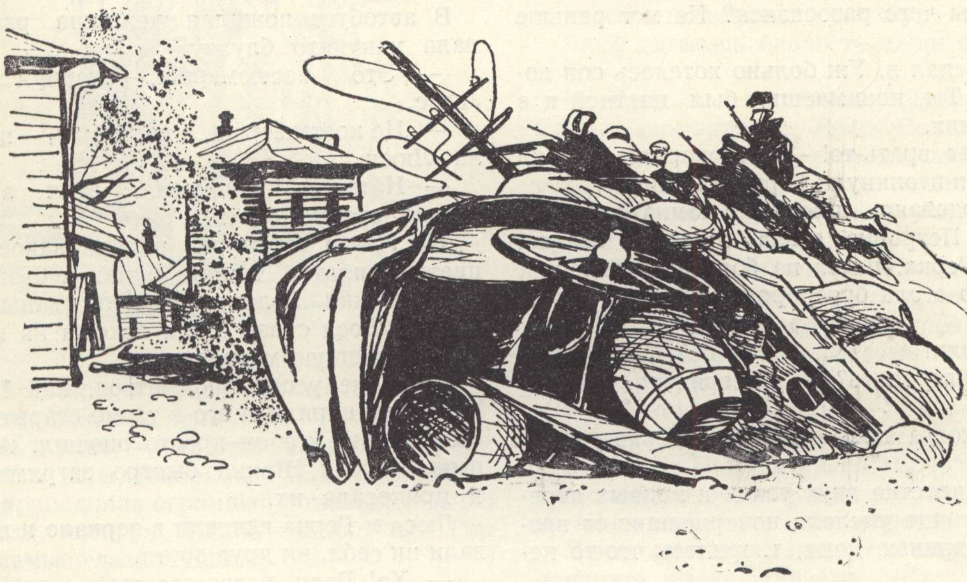
Рисунок Марины Танчик, ученицы 4-го класса. Белград.

ПОСМОТРИТЕ НЕСКОЛЬКО ЮГОСЛАВСКИХ МАРОК

Ну, вот мы и закончили, дорогие ребята, путешествие по Югославии. Не правда ли, оно было очень интересным? И страна друзей стала нам еще ближе. Большое спасибо за это путешествие редакции журнала «Змай», писателям, художникам, фоторепортерам — всем, кто пришел сегодня в гости в наш журнал и так хорошо рассказал нам о своей прекрасной Родине.

А теперь, ребята, продолжайте читать «Пионер».

Анатолий **СОЛОДОВ**

ДУБЛЬ ДЕСЯТЫЙ

Рисунки Е. Медведева.

В тот день Люся проснулась очень рано. Она одевалась совсем бесшумно, но бабушка все-таки услышала.

— Далеко ль собралась? Подскочила ни свет ни заря, — недовольно спросила она.

— Дело есть, бабусь. Мы с Геркой решили сходить... Тут недалеко. Спи, бабусь. Не волнуйся.

— А завтракать будешь?

— Нет, я только чаю выпью.

Люся ушла на кухню, поставила на газовую плиту чайник, а затем принесла от колонки в ведрах воды. Она торопливо умылась, наскоро выпила чуть теплый чай и выбежала на улицу.

Еще спали тополя в молодом весеннем уборе, и двор был притихший и пустой.

Люся вбежала на второй этаж соседнего дома и позвонила. Щелкнул замок — из-за двери выглянуло удивленное и сонное лицо женщины.

— Люся? Чего тебе? — спросила Геркина мама.

— Герку мне, Мария Петровна.

— Спит он еще.

— Разбудите, пожалуйста. Дело у нас с ним неотложное.

— Ну, коль дело, тогда проходи и буди сама. Не стучи каблуками: соседей разбудишь.

Люся на цыпочках прошла через длинный полутемный коридор. Но около самой Геркиной двери она задела плечом висящее на стене корыто, которое, свалившись, загрохотало на всю квартиру.

— Да тише ты, непутевая! — прошептала мать Герки.

Где-то за стеной заворчал разбуженный сосед. Из крайней двери выглянул Герка. Он был в майке и трусах.

— Ты чего разгремелась?

— А ты чего разоспался? Не мог раньше встать?

— Проспал я. Уж больно хотелось сон досмотреть. Ты понимаешь, был цветной и в двух сериях.

— Будет врать-то! — проговорила Мария Петровна и втолкнула Герку в комнату.

Герка, одеваясь, прыгал по комнате.

Мария Петровна стала собирать все на стол, но Герка, надев на босу ногу тапочки, схватил со стола бутерброд и хлопнул Люсю по плечу.

— Пошли!

— А завтракать? — растерялась Мария Петровна.

— Некогда нам! — крикнул Герка уже из дверей.

На перекрестке двух узких и кривых переулков, где еще уцелели почерневшие от времени деревянные дома, творилось что-то непонятное.

Все было загорожено всевозможным хламом. Ржавая чугунная ограда с двуглавым орлом валялась на груде пустых пивных бочек, чуть поодаль — опрокинутая вверх колесами двуколка, на ней — булыжники и телеграфные столбы с перепутанными проводами, рядом — оконные рамы, двери, стол. Поверх всего этого были уложены тугие мешки с песком. На них разместились люди, и в руке у каждого — винтовка или наган. Перед баррикадами бушевало пламя. У самого огня распласталось чучело убитого казака в шароварах с красными лампасами. Сбоку от баррикад, около тротуара были проложены рельсы. По ним двое парней в комбинезонах катали взад и вперед тележку с установленной на ней кинокамерой, около которой хлопотали оператор и режиссер — низенький подвижной мужчина в берете.

Люся и Герка успели вовремя: съемка фильма еще не началась. Шли последние приготовления.

Герка первым подскочил к режиссеру.

— Яков Семенович, мы не опоздали...

— Отлично! Одну минуточку. Моргунов, голубчик, попроси ко мне Жанну.

Через некоторое время к режиссеру подошла высокая, стройная девушка с темными длинными ресницами. По ее плечам разметались оранжево-рыжие волосы.

— Жанна, голубушка, оденьте этих ребят похудожественней. И только чуть троньте лицо гримом. Да поскорее, пожалуйста, — обратился режиссер к девушке.

Жанна увела ребят в автобус, стоящий за баррикадами. На нем была надпись: «Киносъемочная».

В автобусе пожилая женщина разглаживала какую-то блузку.

— Это костюмерша, — шепнул Герка Люсе.

— Не костюмерша, а костюмер, — поправила Люся.

— Наталья Ивановна, этих артистов нужно срочно одеть.

На Люсю торопливо надели какое-то выцветшее платье, темные чулки и стоптанные полусапожки. Голову повязали рваным платком, и Люся сразу стала похожа на неуклюжую, смешную матрешку.

Герка не успел опомниться, как Наталья Ивановна нарядила его в такие старые и рваные брюки, что он просто опешил. А потом рыжеволосая Жанна быстро загримировала и причесала их.

Люся и Герка глядели в зеркало и не узнавали ни себя, ни друг друга.

— Ха! Герк, разве это ты? — засмеялась Люся.

— Не знаю. Вроде как бы я... и не я. А ты?

— Вот внутри чувствую, что я, а снаружи — ну, никак не пойму.

— И я тоже, — ответил Герка.

— Ты, Герк, теперь на Гавроша похож. — Люся приподняла огромный ломаный козырек фуражки, которую Жанна нахлобучила Герке на самые глаза и уши.

— Не смей приподнимать! Весь колорит испортишь! Тоже мне... художники нашлись! — закричала Жанна. — А ну, отправляйтесь к Якову Семеновичу! Живо!

Ребята выпрыгнули из автобуса.

— А эта Жанна — художественная особа! — на бегу выкрикнул Герка.

— Слишком красивая, — ответила Люся недовольно.

— Понимаешь ты! — отозвался Герка, поддерживая у пояса широкие и длинные штаны. Он боялся, что они вот-вот свалятся.

— Яков Семенович, нас одели! — выпалил Герка.

— Отлично.

Режиссер отошел от кинокамеры, через которую смотрел на баррикады, и оглядел ребят с ног до головы.

— Одну минуточку. — Он подошел к Герке и еще больше рванул висящий клок на штанах. — Теперь идеально. Слушайте меня внимательно... Вы будете поочередно становиться вон у того поваленного столба и по команде помрежа, — Яков Семенович указал на Моргунова, — должны будете бежать по улице к баррикадам, а около огня, не добежав, кричать испуганно и во всю мочь: «Дядя Ваня! Казаки!» Затем нужно перепрыгнуть через огонь, вот там взобраться на баррикады и лечь рядом вон с той папахой. Поняли?

— Все поняли!

— Ну вот и отлично! У кого получится лучше, того и будем снимать. Начнем с тебя. — Яков Семенович кивнул Герке.

— Значит, мне бежать туда? — радостно переспросил Герка.

— Дуй! — ответил режиссер.

Путаясь в штанах, чуть не падая, Герка кинулся к поваленному столбу.

Люся осталась около тележки с кинокамерой.

— Начали, Моргунов. Дубль первый! Свет! — скомандовал Яков Семенович.

Моргунов резко свистнул в какой-то свисток, и почти одновременно защелкали включенные юпитеры, замигали ослепительным, ярким светом.

Потом кто-то поднял перед киноаппаратом небольшую черную дощечку и щелкнул планкой. На дощечке Люся едва успела прочитать от руки написанное мелом: «Восстание». Дубль первый».

— Внимание! Съемка! — отрывисто и резко скомандовал Яков Семенович.

Моргунов махнул рукой Герке; тот сорвался со своего места и, как угорелый, побежал на киноаппарат, то и дело спотыкаясь.

Люся слышала, как внутри киносъемочного аппарата что-то журчало.

Перед самым объективом поспешно прошел рабочий с забинтованной головой, на баррикадах защелкали затворами винтовок. Рабочий с забинтованной головой взобрался на баррикады, скомандовал:

— Не стрелять!

Камера отсняла общий вид баррикад, темное строение с огромной вывеской «Трактир» и нацелилась на улицу, по которой бежал Герка. Все, казалось, шло как по маслу, но, когда Герка подбежал ближе к кинокамере, он вдруг остановился перед самым объективом, картинно, как петух, выставил вперед грудь и не своим голосом прокричал: «Дядя Ваня! Казаки!» Затем Герка перепрыгнул через огонь, стал карабкаться на баррикады, но зацепился за провода и забарахтался на одном месте.

— Камера! Стоп! — скомандовал Яков Семенович.

Опять прозвучал свисток, и опять защелкали юпитеры, вздрагивающий свет их стал гаснуть.

Смущенный Герка слез с баррикад

— Не то, голубчик!.. Абсолютнейшее не то!.. Ну, зачем ты лезешь в объектив?! Зачем? Надо бежать к баррикадам и сообщить восставшим о казаках. И все. Это же очень просто. Неужели не понятно?

— Понятно, — виновато сказал Герка. — Я хотел, чтобы мое лицо большим вышло.

— Большим вышло! Мне твоя бравая грудь в кадре не нужна. Слышишь? И нечего фантазировать.

— Ага... — буркнул Герка.

— Ну ладно. Иди опять к столбу.

Следующие дубли тоже не были удачными. Герка хотя и не лез больше в объектив, но режиссер все оставался недовольным.

— Всяк спляшет, да не как скоморох! Видно, из тебя, голубчик, не выйдет настоящего артиста, — сказал он Герке после пяти пробных съемок. — Попробуем теперь с Люсей. Может, у нее лучше получится.

Но лучше и у Люси не получилось: четыре раза включали и выключали юпитеры, четыре раза пришлось Люсе бегать по улице и прыгать через огонь, и все четыре раза режиссер, сердясь и хватаясь за голову, прерывал съемку.

— Не то! Нет! Абсолютнейшее не то!.. Ну, никуда не годится. С этими ребятами только пленку портить.

Яков Семенович то и дело курил, злой ходил взад и вперед около киноаппарата, сосредоточенно о чем-то думал. Люся и Герка стояли молча, не смея поднять глаз. Они готовы были сделать все что угодно, лишь бы получилось так, как хотел режиссер.

Но вот Яков Семенович прекратил курить, подошел к оператору и, подозвав Моргунова, стал что-то говорить, указывая руками в даль улицы. Помощник режиссера понимающе закивал головой.

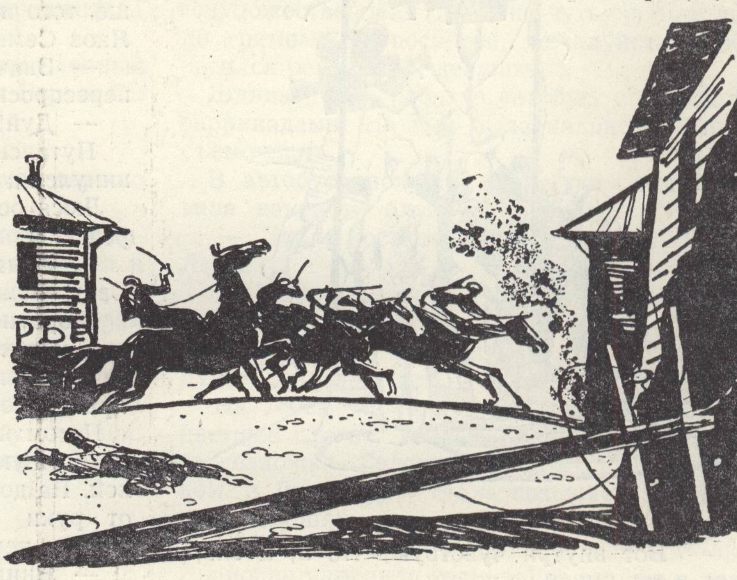
— После трех метров статики, поняли? Да побольше огня. Слышите? Не жалейте огня! — уже на ходу крикнул режиссер Моргунову.

— Ну как, голубчики, вспотели от такой работы? — Яков Семенович подошел к ребятам. — Да вы уже носы повесили. Нехорошо. Никуда не годится. Самое главное — не унывать. У меня тоже когда-то не получалось. А сейчас... Только слушайте меня внимательно, и все будет хорошо. Проведем генеральную репетицию. Вместе. Я буду находиться от вас немного в стороне, но когда побежите, не смотрите на меня. Поняли?

— Ага...

— Ну вот и отлично.

Яков Семенович сначала тихо, потом все быстрее и быстрее побежал вдоль тротуара,

увлекая за собой Люсю и Герку. Он пробежал мимо поваленного столба, завернул на другую улицу, где выстроился эскадрон казаков. Ребята, не отставая, бежали по улице. Так они миновали несколько кварталов, все время куда-то сворачивая, и наконец выскочили в тот самый переулок, где были баррикады.

Перекресток вдали был залит светом. Люся и Герка стрелой пролетели мимо поваленного столба. В это мгновение Яков Семенович подал сигнал: «Съемка!».

Люся и Герка что есть силы мчались вперед, стараясь обогнать друг друга. Откуда-то со стороны до них донесся голос Моргунова:

— Мотор! Камера! Дубль десятый!

Запыхавшиеся Люся и Герка бежали прямо на огонь. Они ничего не видели перед собой, кроме бушующего пламени и яркого электрического света.

И вдруг Люся почувствовала, что на бегу у нее отстегнулся и сваливается чулок.

«Одна нога голая будет, а другая в чулке», — подумала она испуганно. И остановилась поправить чулок, а потом опять побежала за Геркой.

Он уже был у самого огня и громким голосом выкрикнул:

— Дядя Ваня! Казаки!

Затем он бойко перепрыгнул через огонь и вмиг очутился на самом верху баррикад.

Тут Люся услышала приближающийся цокот копыт. Она обернулась — за ней следом мчались казаки. Они стремительно неслись по переулку и беспорядочно стреляли из карабинов. На баррикаде упал старый рабочий. Он попробовал приподняться, опираясь на перевернутую тачку, но не смог.

Люся на миг растерялась, но вдруг повернула назад и побежала навстречу казакам, отчаянно крича:

— Стойте! Что же вы? Не стреляйте!! Это же люди... рабочие... Не стреляйте!

Как все это с ней произошло, Люся сама не понимала. Она вдруг на самом деле почувствовала себя в том далеком страшном времени.

— Падай! Скорее падай! — раздался вдруг сбоку голос режиссера.

Люся вздрогнула, словно что-то вдруг вспомнив, и рухнула на мостовую, как на самом деле подстреленная. Она лежала, не шевелясь, а казаки пролетали рядом, чуть не задевая ее.

— Отлично, Люся! — крикнул ей Яков Семенович. — Замечательно!

С баррикад захлопали дружные выстрелы, замелькали бойкие огоньки на стволах винтовок, запахло порохом.

Лежа на мостовой, Люся видела, как на фоне огня и дыма падали с лошадей казаки.

— Камера, стоп! — откуда-то уже издали вдруг скомандовал Яков Семенович.

Съемка окончилась.

Премьеру фильма Люся и Герка ожидали с нетерпением. В этот день они с утра бродили по городу от кинотеатра к кинотеатру, изучали афиши, вели подсчеты, где идет фильм с их участием.

А в два часа они уже сидели в зрительном зале, ерзая на стульях и без конца поглядывая на экран. До начала сеанса оставалось пятнадцать минут, а зал был еще почти пустым.

Публика собиралась слишком медленно. Чтобы не таким долгим было это мучительное ожидание, Герка решил сходить за конфетами. Как взрослый, он стал угощать Люсю конфетами из пакетика.

Наконец свет в зрительном зале погас, и на экране из пламени выросли слова «Восстание». Потом перед глазами пошли мелькать фамилии.

Герка еле успевал читать их и вдруг совершенно неожиданно в самом конце увидел свою фамилию и Люсину.

— Смотри, — чуть не во весь голос крикнул Герка, — наши фамилии! Скажи как здорово! А?

Люся и Герка смотрели на экран, но от волнения почти не понимали того, что там происходило. Одни кадры сменялись другими, а эпизода с их участием все еще не было.

Герка стал нервничать и все чаще толкать локтем Люсю.

— Ну, когда же, Люськ? А? — спрашивал он.

— Да посиди ты спокойно. Помолчи.

И вдруг они увидели на экране те самые баррикады, знакомых актеров и ту самую улицу, по которой им пришлось столько бегать. Затем вдалеке показались две маленькие фигуры. На какой-то миг Герка и Люся опять почувствовали себя бегущими по той улице. У них сильно заколотилось сердце. Вот на экране появилось Геркино лицо. Он громко крикнул: «Дядя Ваня! Казаки!» — перепрыгнул через огонь и тотчас взобрался на баррикады. А вот и Люся. Она поправила чулок, повернулась лицом к казакам и вдруг побежала прямо на лошадей, крича: «Стойте! Не стреляйте! Это же люди... рабочие...». — И тут Люсю убили. Она лежала мертвая на булыжной мостовой, а мимо проносились разгоряченные лошади, и даже казалось, что они чуть не давят недвижно лежащую девочку.

— Люськ, скажи как здорово! А? — громко зашептал Герка и захлопал в ладоши.

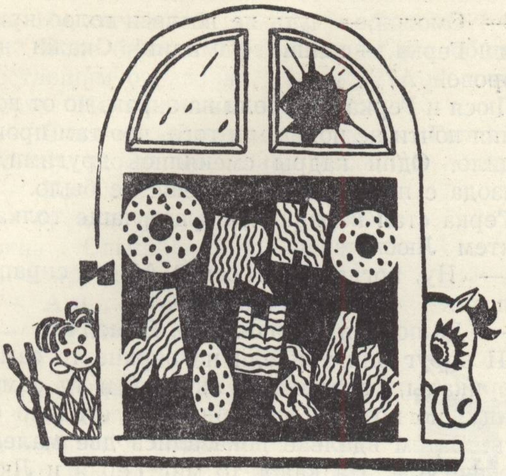
Люся вдруг почему-то заплакала. Наверное, ей стало жаль себя. Заплакала и старушка, сидевшая рядом с Люсей.

Фильм кончился. В зале вспыхнул свет. Публика неторопливо стала выходить, только старушка, которая сидела рядом с Люсей, все еще вытирала платком глаза.

Люся осторожно дотронулась до нее и тихо сказала:

— Не плачьте, бабушка. Мы ведь живые! Вот они мы... Вот.

Илона **МОЛЬНАР**

Пьеса для кукольного театра по книге Шандора Торока

Авторизованный перевод с венгерского А. Федотова.

Рисунки А. Максимова.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Дядюшка Чиличала **(живой актер)**

Куклы:

Балог Дюси
Бюкк Иошка
Братишка
Папа
Мама
Бабушка
Господин учитель Фекете
Лошадь Раро

Перед началом спектакля на сцене стоит ширма с черным задником, но совершенно без декораций. В зрительном зале в первом ряду на одном из стульев установлена надпись: «Это место просим не занимать. Здесь будет сидеть дядюшка Чиличала». Когда зрители усядутся на свои места, дверь из фойе в зрительный зал откроется, и войдет дядюшка Чиличала с большой сумкой в руках.

ЧИЛИЧАЛА **(идет по зрительному залу).** Чудеса, чудеса, кому нужны чудеса? Я великий волшебник Чиличала. Имеются чудеса всех сортов. Исчезающие шары и появляющиеся комары. Один маленький воробей превращается в стаю голубей. Имеются танцующие раки и летающие собаки, лошади, говорящие и поющие, и даже мальчики, никогда ни одного не слова не врущие. **(Поднимается на сцену. Становится рядом с ширмой и ставит сумку на ширму.)** Вот они, чудеса. Все здесь. Сейчас буду по одному доставать и показывать. **(Сумка падает за ширму. Писк, визг, музыка. Над ширмой подскакивают какие-то предметы—то фрагменты декорации, то куклы.)** Кошмар. Ужас. Все чудеса рассыпал. Стоп! Смирно! **(Все сразу замолкает.)** То-то! Чудеса будут показываться по очереди. Не все сразу. Музыка! **(Слышится звук ксилофона и барабана.)** Очень хорошо: это будет наша музыка. А теперь прошу подняться двух главных героев нашего чудесного спектакля. **(Хлопает два раза в ладоши, и на ширме появляются Дюси и Иошка.)** Вот, познакомьтесь. Это Балог Дюси и Бюкк Иошка, ученики четвертого класса 55-й Будапештской школы. Ну **(к Дюси и Иошке),** марш на место! **(Куклы проваливаются.)** Декорация первой картины, прошу! **(Справа появляется наружная стена школьного здания.)** А я пойду сяду на свое место и тоже буду смотреть спектакль. И ни во что больше не вмешаюсь, что бы у них там ни получилось. **(Садится на свое место.)** Итак, представление начинается.

Дюси.

На ширме появляется Балог Дюси. Он слегка хвастливый и чуть-чуть хулиган. Он идет спиной на публику, играя на губной гармошке, причем врет совершенно беспощадно. Поворачивается к зрителям, пристально на них смотрит и вызывающе свистит. Затем снова начинает играть на губной гармошке — уже для зрителей. Перестает.

ДЮСИ. Ну как?

ИОШКА **(подкрадывается сзади и сильно бьет Дюси по голове).** Фальшиво!

ДЮСИ **(молниеносно поворачивается и бьет Иошку по носу).** Ты ничего не понимаешь в искусстве!

ИОШКА. Я не понимаю?

ДЮСИ. Конечно, нет.

ИОШКА. А вот смотри сюда. **(Подбрасывает вверх яблоко, подпрыгивает и подхватывает его на голову.)** Что? Говоришь, не понимаю в искусстве?

Дядюшка Чиличала.

ДЮСИ. Вот это да!

ИОШКА **(балансирует яблоком).** Пожалуйста!

ДЮСИ. Стой, я его сейчас сшибу. **(Вытаскивает огромную рогатку.)**

ИОШКА **(сбрасывает с головы яблоко).** Нет, уж лучше я его сам сброшу.

ДЮСИ. Уж испугался за свое гнилое яблоко. Я тебе завтра два таких принесу.

ИОШКА. А другой глаз ты мне сможешь принести? Или другой зуб? Или другой нос, например? Да еще чтобы был такого же размера, как мой. Знаешь, что? Ставь на голову яблоко ты, а я его сшибу.

ДЮСИ. Из моей рогатки? Ишь что выдумал! Мужчина никогда не выпускает из рук своего оружия. **(Став в героическую позу, надменно цедит сквозь зубы.)** Ну ты, трус!.. Брось его в воздух, а я подшибу.

ИОШКА. В воздух?
ДЮСИ. А почему бы и нет?
ИОШКА. Ну посмотрим. Раз... два... три... **(Делает несколько обманных движений и наконец бросает яблоко. Дюси быстро стреляет из рогатки.)**
ДЮСИ. Есть!

Удар в тарелку. Звон разбитого стекла. Затем полная тишина. Мальчики обалдело смотрят друг на друга. Внезапно Иошка поворачивается и убегает. Ксилофон на высоких нотах подчеркивает ритм его бега. Затем слышатся басовые медленные звуки ксилофона. Это учитель подходит к окну. Он осматривается, потом строго и зловеще говорит: «Балог». Глухой удар в барабан.

Дюси необычайно внимательно смотрит направо, смотрит налево, но только не в сторону окна.

ФЕКЕТЕ. Я здесь, мой мальчик. Меня не нужно искать ни в гимнастическом зале, ни на заборе. Я здесь, в учительской.
ДЮСИ **(с деланым изумлением поворачивается к Фекете).** Ах вот вы где, господин учитель Фекете! Добрый день! **(Приветливо и наивно.)** Что изволите делать?
ФЕКЕТЕ. Да вот смотрю, кто разбил окно.
ДЮСИ **(скороговоркой).** Разбилось окно? Ну вот! Словно я предчувствовал! Изволите знать... я был там... снаружи... на улице. Я потому сразу не пошел домой, потому что надо было перевести на ту сторону одну старушку и одного слепого гражданина. И, знаете, не обоих сразу, а по одному... по одному... Сначала старушку, а потом слепого...
ФЕКЕТЕ. Ну...
ДЮСИ. Ну так вот. Переводил сначала старичка, потом слепую женщину. И вдруг слышу какой-то треск... звон... Тут у меня просто мороз по спине пробежал. Ой, думаю, только бы не произошло какого-нибудь несчастья в школе! Бросился со всех ног, вбегаю во двор и... **(Запинается.)** Скажите, правда разбилось окно?
ФЕКЕТЕ. Ты его разбил?
ДЮСИ. Я? Ну как вы это могли подумать?
ФЕКЕТЕ. А что ты тут ищешь с рогаткой в руках?
ДЮСИ **(внимательно рассматривает рогатку.)** О-о-о!! А я и не заметил. Но прошу вас поверить — это не настоящая рогатка... это вроде того... ну, вроде этого...
ФЕКЕТЕ. Одним словом, нечто рогаткообразное. А на самом деле это совершенно другое — вешалка для пиджака или аппарат для натирки полов. Но уж больно он похож на самую обыкновенную рогатку! **(Меняя тон.)** А теперь прошу вас проследовать в класс, посидеть и подумать, кто же все-таки разбил окно в учительской.

Иошка.

Декорации школы медленно опускаются вниз. Дюси задумчиво стоит на одном месте. Затем поворачивается и понуро, очень медленно отправляется в противоположный угол ширмы. Тихий удар в барабан. Снизу поднимаются классная доска, большая карта и одна парта. Дюси молча садится за парту, задумчиво склонив голову на руки. Слышатся тихие звуки ксилофона. Дюси вынимает губную гармошку и начинает играть на ней — медленно, заунывно и фальшиво. Внезапно появляется Иошка.

ИОШКА. Что ты тут делаешь?
ДЮСИ. Не видишь — развлекаюсь.
ИОШКА. Учитель видел?
ДЮСИ. Угу.
ИОШКА. Пожалуй, вызовут родителей.
ДЮСИ. Да нет... скорей всего дадут какую-нибудь награду... Почему обязательно вызовут родителей?
ИОШКА. Вот если бы кто-нибудь вставил стекло! Так, как будто бы его никто и не разбивал.

Сцена возле школы.

ДЮСИ. Оставь меня, не зли. **(Играет на гармошке.)**
ИОШКА. А ведь у меня папа как раз стекольщик. Я бы взял его инструменты, стекло и за полчаса так бы все сделал, если бы...
ДЮСИ. Ну что «если бы»?
ИОШКА. Если бы ты мне дал свою губную гармошку.
ДЮСИ. На часок?
ИОШКА. Не строй дурака. Совсем.
ДЮСИ. Ну уж нет! Я лучше тебе подарю свою коллекцию бумажных салфеток. А то есть у меня еще...
ИОШКА. Ну я пошел...
ДЮСИ. Стой... подожди... Я отдам тебе...
ИОШКА. Что?
ДЮСИ. Я отдам тебе... мою лошадь!
ИОШКА. Лошадь? А где она?
ДЮСИ. Где, где!.. Дома. А что будет с окном?
ИОШКА. Об этом ты не беспокойся. Мы пойдем

к тебе, ты отдашь мне лошадь, я принесу инструменты и все сделаю.

ДЮСИ. А нельзя ли сначала окно?

ИОШКА. Нет! Придем сюда с лошадью.

Обе куклы поворачиваются, декорации исчезают. Куклы изображают ходьбу. Навстречу им движутся автомобили, дома, трамваи. Под конец навстречу мальчикам выходят бабушка и братишка.

БАБУШКА. А, Дюсичка! Что ты так поздно идешь домой? У тебя ничего не случилось?

ДЮСИ. Ну что ты, бабушка, вообразила? Что такое могло со мной случиться?

БАБУШКА. Ну вот и хорошо! На вот тебе ключ, а мне надо кое-что еще купить. Кстати, отведи домой братишку. Иди с ним, малыш.

Братишка отпускает бабушкину руку и берет за руку Дюси. Мальчики прощаются и идут дальше. Вдруг они останавливаются, и перед ними тоже останавливается многоэтажный дом.

ДЮСИ. Ну вот и пришли.

ИОШКА **(с подозрением).** Вы живете в таком высоком доме? А как же туда лошадь попала?

ДЮСИ **(успокоительно).** Всего только на четвертом этаже. А ведь эта лошадь... знаешь, какая лошадь?

БРАТИШКА **(с подозрительной уверенностью начинает поддакивать).** Да... да... его лошадь — это такая лошадь!

ДЮСИ. Знаешь, братишка, у нас в школе разбилось окно, очень важное окно. Иошка починит окно, а я за это отдам ему лошадь.

БРАТИШКА. И он ее заберет?

ИОШКА. Тут же.

БРАТИШКА **(с полной готовностью).** Тогда пошли.

Братишка.

Дом начинает погружаться вниз, за ширму. Вместе с ним погружается наружная лестница. Мальчики поднимаются наверх. Их шаги подчеркиваются звуками ксилофона — от самых нижних нот к верхним. На каждом повороте лестницы эта гамма повторяется сначала. На четвертом этаже они останавливаются.

ДЮСИ. Ну вот и пришли! Только подождите минуточку. Я войду первый, поговорю с ней, успокою. Она ужасно боязлива. Не правда ли, братишка?

БРАТИШКА **(откликается с полной убежденностью).** Да-да. Ужасно боязливая.

ИОШКА **(тихо и подозрительно).** Что же она, значит, умеет и говорить?

ДЮСИ. А почему бы и нет?

БРАТИШКА. Почему бы и нет?

ДЮСИ. Ну подождите. **(Входит в дверь. Звук тарелки, и стена дома опускается вниз. Почти всю ширму занимает одна из комнат той квартиры, где живет Дюси. Снаружи, на лестнице, дожидаются братишка и Иошка. Тихий, приглушенный звук барабана — это у Дюси заговорила совесть. Потом он махнул рукой и начал разговаривать так, будто бы говорит с лошадью.)** Милая, дорогая моя лошадка, красивая, маленькая коняшка...

Бабушка.

БРАТИШКА. Тсс! Слышишь? Разговаривает...

ИОШКА. Кто? Лошадь?

БРАТИШКА. Нет, Дюси.

ИОШКА. А как звать?

БРАТИШКА. Кого? Дюси?

ИОШКА. Нет, лошадь.

БРАТИШКА. Тсс... ты только слушай...

ДЮСИ. А вот и хозяин. Твой добрый маленький хозяин пришел из школы. **(Прислушивается у двери, потом начинает сильно прыгать и ржать.)** Ну-ну, успокойся, а то ты меня опрокинешь от радости!

ИОШКА **(хочет оттолкнуть братишку).** Пусти!

БРАТИШКА **(вцепляется и не пускает Иошку, хотя тот значительно выше ростом).** Тихо, тихо. Нельзя еще. Лошадка очень боязливая. Подожди, пока она совсем успокоится.

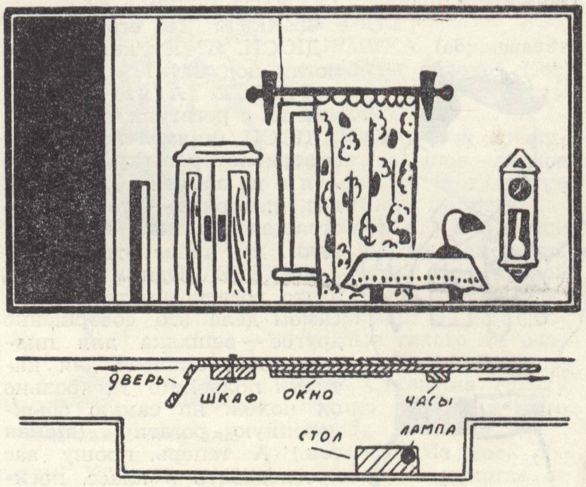
ДЮСИ **(снова прыгает и ржет, потом в отчаянии останавливается).** Ну где я добуду лошадь, и как я ее помещу в такой маленькой квартире? Тут без колдовства не обойтись! **(Протягивает руки в зрительный зал и хнычет.)** Дядюшка Чиличала, будьте добры, подойдите сюда скорей!

Тихая музыка, потом в полной тишине из зрительного зала как ни в чем не бывало поднимается дядюшка Чиличала, подходит к ширме и дружелюбно обращается к Дюси.

ЧИЛИЧАЛА. Ну вот и я.

ДЮСИ. Мне конец! Дорогой дядюшка Чиличала, выручите меня. Ну как вам сказать... это — очень важное окно, которое... ну...

ЧИЛИЧАЛА. Я все знаю, я там был.

Комната Дюси. На схеме показано расположение декораций.

ДЮСИ. Ну вот и хорошо! Я вас прошу... Лошадь...

ЧИЛИЧАЛА. Я очень на тебя сердит.

ДЮСИ. Ну что вы! Ведь всего-навсего одно окно, а это уже не такое большое дело. А, кроме того, я ведь не хотел...

ЧИЛИЧАЛА. Это еще небольшая беда. А самое скверное — это то, что ты не сознался. От этого все и получилось. Вот ты тут теперь и стоишь...

ДЮСИ. Лошадь, умоляю, лошадь!..

ЧИЛИЧАЛА. И тогда, ты думаешь, все будет в порядке?

ДЮСИ. Если это придет в порядок, то остальное я все улажу.

ЧИЛИЧАЛА. Ну ладно, лошадь ты получишь. Но любопытно мне знать: как ты выедешь на ней из всех своих бед?

ДЮСИ. Правда? Сейчас она будет?

ЧИЛИЧАЛА. Да, будет. **(Достает палочку и очерчивает ею в воздухе магический круг, произнося заклинания.)** Чили-чили, чала-чала, много шума, толку мало. Скажу волшебное слово «хип-хоп» — и готово!

Поворачивается и идет спокойно на свое место в зрительном зале. Одновременно слышится удар в барабан, звон тарелки и звуки ксилофона. Вдруг перед Дюси появляется красивая каурая лошадь со звездой во лбу. Тишина. Лошадь и Дюси молча смотрят друг на друга. Лошадь заржала. Тут Дюси в избытке счастья кидается лошади на шею.

ДЮСИ. Лошадка, моя милая лошадка!

Иошка отталкивает братишку и вбегает в комнату. Следом за ним братишка.

ДЮСИ **(надменно)**. Пожалуйста, вот и лошадь!

ИОШКА. Моя лошадь! **(Хочет ее схватить.)**

ДЮСИ **(отталкивает его)**. Моя лошадь, не трогай ее!

БРАТИШКА. Дюсина лошадь — не трогай.

ИОШКА. Твое окно — моя лошадь.

ДЮСИ. Нет!

ИОШКА. Она моя!

ДЮСИ. Нет, моя.

Оба мальчика кричат вместе. К ним присоединяется и братишка. Лошадь тоже ржет. Наконец лошади надоедает этот крик, и она начинает развлекаться — бегать по квартире, производя полный беспорядок. Стол, вращаясь, летит в угол, комод поднимается в воздух. Потом лошадь становится между мальчиками и с любопытством наблюдает за ними.

ДЮСИ. Другой такой лошади в мире нет. Она так бежит, что обгоняет скорый поезд. Так прыгает, как резиновый мячик. Да если ты хочешь знать, она и разговаривать умеет.

ИОШКА **(удивленно смотрит)**. Разговаривать?

ДЮСИ. Вот тебе и братишка скажет.

БРАТИШКА. Ну еще бы!..

ИОШКА. Ищи другого, кто тебе поверит. Болтаешь ты без толку, как всегда.

ДЮСИ. Спроси у нее что-нибудь.

ИОШКА **(сперва заколебался, потом быстро подошел к лошади)**. Как тебя зовут? **(Лошадь махнула хвостом, потом дружелюбно посмотрела на Иошку.)** Может быть, она плохо слышит? **(Громко кричит.)** Как тебя зовут? **(Полная тишина. Все ждут с напряженным вниманием. Лошадь снова машет хвостом.)**

БРАТИШКА **(после большой паузы)**. Вообще-то она умеет говорить, но только она не очень разговорчивая.

Лошадь Раро.

ДЮСИ. По правде говоря, она вот так, с первого раза с незнакомыми не очень любит разговаривать... Немножко застенчива. Я вот сейчас с ней поговорю... Вы только отойдите, выйдите отсюда. **(Братишка и Иошка выходят, становятся за дверью и напряженно ждут. Дюси обнимает лошадь за шею.)** Ну поговори хоть немножко! **(Уговаривает лошадь, хнычет.)** Свежей травы тебе дам, сахару тебе принесу, в мраморную конюшню поставлю. Ну поговори же! **(Лошадь будто пожимает плечами. Дюси отпускает ее и в отчаянии кричит.)** Дядюшка Чиличала, дядюшка Чиличала, пожалуйста, сюда!

ЧИЛИЧАЛА **(под волшебную музыку подходит к ширме)**. Ну здесь я, что тебе?

ДЮСИ. Дядюшка Чиличала, а ведь эта лошадка совсем не умеет говорить.

ЧИЛИЧАЛА. А не кажется ли тебе, Дюси, что ты немножечко нахал? Что я тебе, плохую лошадь, что ли, наколдовал?

ДЮСИ **(слегка испугавшись)**. Прошу прощения... Но она все-таки не умеет говорить...

ЧИЛИЧАЛА. Это не беда, что она не умеет говорить, а вот беда, что ты наврал, что умеет.

ДЮСИ. Я думал, что раз она волшебная, то она обязательно должна и говорить. Но, должно быть, дядюшка Чиличала не может этого сделать.

ЧИЛИЧАЛА. Ты что же, меня проверяешь?

ДЮСИ. Не-е-ет... Я только думал, что раз вы уже здесь, то я бы вас очень попросил заставить ее говорить.

ЧИЛИЧАЛА. Это для меня пара пустяков. Но какая каша из этого может завариться,— это ты уже расхлебывай сам.

ДЮСИ. Можете быть совершенно спокойны.

ЧИЛИЧАЛА. Ну, пусть будет так. Пусть лошадь заговорит. **(Обводит палочкой магический круг.)** Чили-чили, чала-чала, много шума, толку мало. Скажу волшебное слово «хип-хоп» — и готово!

Уходит и спокойно садится на свое место. Как и раньше,— барабан, тарелка и ксилофон. Лошадь и Дюси поворачиваются друг к другу. Дюси несколько раз пробует заговорить и не может.

ДЮСИ. Лошадь... лошадь... прошу вас...

ЛОШАДЬ. Что прикажете?

ДЮСИ. Дорогая лошадь. **(Похлопывает ее дрожащей рукой.)** Так, значит, правда... значит, правда... о, ты волшебный конь!..

ЛОШАДЬ **(холодно)**. Не надо раздувать из этого события.

ДЮСИ **(бежит к двери и распахивает ее)**. Иошка, братишка, идите скорей! Говорит! Говорит!!

ЛОШАДЬ **(скромно отступает на второй план, машет хвостом и сбивает стенные часы).** А, и маленький братишка здесь!

БРАТИШКА **(низко кланяясь).** Разве дядюшка лошадь меня знает?

ЛОШАДЬ. Еще бы! А это вот наш друг Иошка. А меня зовут Раро.

ИОШКА. Невероятно!

ЛОШАДЬ. Неужели же это — такое чудо, что лошадь умеет разговаривать?

ИОШКА. Нет, совсем не то: чудо, что Дюси сказал правду.

ДЮСИ **(разгневанный, подходит к Иошке).** Ну, знаешь ли, это уж чересчур!

ИОШКА. Ну, чересчур ли там это или не чересчур, а я забираю лошадь. **(Хватает лошадь за уздечку, но Дюси отнимает. Драка.)**

ДЮСИ **(задыхаясь).** Сначала окно. Окно! До этого не отдам. Эту чудесную говорящую лошадь — и отдать за одно окно? **(Стоят друг против друга и смотрят в упор.)**

ИОШКА. Нет? Так-то можно верить твоему слову? Тогда вставляй сам стекло. **(Круто поворачивается и уходит, сильно хлопнув дверью.)**

БРАТИШКА. Стекла нет, лошадь есть.

ДЮСИ. И лошадь, которая умеет разговаривать.

ЛОШАДЬ **(довольно нагло ржет).** И, заметьте, разговаривать со смыслом, что не так часто встречается среди людей.

БРАТИШКА. Что теперь будем делать?

ДЮСИ **(радостно).** А теперь будем играть.

ЛОШАДЬ. Правильно. Очень люблю играть. Но где же свежая трава? Ты ведь обещал мне свежей травы.

ДЮСИ. Подожди немного. **(Бежит на кухню и приносит тарелку с вафлями.)** Вот, угощайся!

ЛОШАДЬ **(брезгливо нюхает).** Терпеть не могу вафли. Я хочу травы... свежей травы... Ты же обещал!

ДЮСИ **(тащит банку).** Персиковое повидло...

ЛОШАДЬ. А я хочу овса, хрустящего овса. Я есть хочу в конце концов!

ДЮСИ **(в отчаянии тащит миску).** Вот шпинат остался от завтрака... А вот сахар, вот кекс...

ЛОШАДЬ. Этого мне и на ползуба не хватит.

ДЮСИ. Сначала на один ползуба, потом на другой ползуба, потом на третий ползуба...

БРАТИШКА. А завтра получишь и овес.

ЛОШАДЬ. Но я сейчас есть хочу! **(Топает ногами.)**

ДЮСИ **(хочет схватить ее, но лошадь отскакивает от него. Снова мебель летит во все углы).** Ну, успокойся, здесь нельзя прыгать.

ЛОШАДЬ. Ну, конечно. Но ты ведь обещал мне мраморную конюшню. **(Продолжает скакать. Оба мальчика бегают за ней.)**

ДЮСИ. Ай, что же ты делаешь? Шкаф свалился! Ну стой же, подожди! **(Беготня не прекращается.)** Ну вот, упала лампа.

Шум становится немного тише. Слышится тихий звук барабана, Это у Дюси опять заговорила совесть. Затем раздается сильный стук в стену.

Папа.

ГОЛОС. Что у вас там делается?

ЛОШАДЬ. Это что? В стену стучат?

ДЮСИ. Это дядюшка Штиглиц. Он сердится, что мы тут шумим.

БРАТИШКА. Тише, Раро. Это дядюшка Штиглиц. Умоляю, Раро, тише!

ЛОШАДЬ. А я не боюсь вашего дядюшки Штиглица! **(Скачет.)**

ДЮСИ. Но ведь он пожалуется управдому.

Лошадь опять скачет.

ГОЛОС. Если вы не прекратите шум, я пойду к управдому. Самый настоящий лошадиный топот.

ЛОШАДЬ. Конечно, настоящий. Что же мне прикажете, на резиновых подковах, что ли, бегать?

БРАТИШКА **(героически становится перед лошадью).** Я очень, очень прошу... Я вам что-то хочу сказать...

ЛОШАДЬ **(останавливается перед братишкой).** Что прикажете?

БРАТИШКА. Послушала бы ты только, как Дюси красиво умеет играть на губной гармошке.

ДЮСИ **(ухватился за идею).** Ну присядь, присядь на минуточку.

БРАТИШКА. Если ты будешь бегать, то в конце концов вспотеешь и получишь насморк.

Лошадь покорно садится. Дюси укрывает ее одеялом. Братишка садится рядом с ней и гладит ее по носу. Дюси становится перед лошадью и начинает играть на губной гармошке. Дюси играет, как всегда, нудно и фальшиво. На особо безобразных звуках лошадь порывается вскочить, но братишка мягко, но решительно усаживает ее обратно. Дюси продолжает играть.

БРАТИШКА. Ну, лошадка, ну, моя милая лошадка. Сиди спокойно. Закрой глазки и поспи немного.

ДЮСИ. Милая лошадка, хорошая лошадка закрыла глазки и спит. Она больше не прыгает, не скачет, а тихо-тихо дремлет. **(Снова играет на**

Улица города.

гармошке. На каком-то исключительно душераздирающем звуке лошадь внезапно вскакивает.)

ЛОШАДЬ. Хватит, надоело! Такой музыки даже лошадь не может выдержать. Хочу прыгать и ржать. **(Бегает и весело ржет.)**

ГОЛОС. Ну, подождите! Я так этого не оставлю! **(Кричит.)** Я вам покажу, как тут конюшню устраивать!

Мальчики хнычут, кричат и бегают за лошадью. Но лошадь продолжает носиться так, что вся мебель кружится и вихрем летает по комнате. Слышится вновь раздраженный голос за стеной и стук в стену. На лестнице появляется бабушка. Она входит в комнату. Лошадь приветливо ржет, останавливается и кланяется бабушке.

БАБУШКА **(весело и без особого удивления).** Смотрите-ка, лошадь! Но что на это скажет папа? Он ведь не переносит в квартире никаких животных, даже блох.

ДЮСИ. Но, дорогая бабушка, ведь лошадь — это совершенно другое!

БРАТИШКА. И, кроме того, это не какая-нибудь там лошадь...

БАБУШКА. Ну, конечно, раз это лошадь моего внука,— это очень даже красивая лошадь.

ЛОШАДЬ **(очень любезно и в то же время взволнованно).** О, дорогая бабушка!

БАБУШКА **(весело).** Смотрите-ка, она даже разговаривает! Вот что значит культура, вот что значит прогресс! Но, дорогая лошадь, я вас очень прошу, не надо меня называть бабушкой.

ЛОШАДЬ. Я прошу прощения, но мне показалось... Одним словом, я здесь себя чувствую совершенно как дома. Я даже вспомнила свою дорогую бабушку. Вы на нее слегка похожи. **(Всхлипнула и смахнула слезу копытом.)**

БРАТИШКА. Она очень голодна, бабушка.

БАБУШКА. Ну, это ничего. Я пойду и куплю овса на базаре. А вы много не прыгайте, а то вспотеете и простудитесь. **(Машет рукой и уходит.)**

ЛОШАДЬ **(немножечко нахально).** Ну, а теперь что будет?

ДЮСИ. С кем что будет?

ЛОШАДЬ. Ну, ясно, со мной что будет? Мне нужна трава, мне нужен луг, и вообще мне нужно место. Мраморную конюшню мне обещал? Ну, иди показывай, где я буду жить.

ДЮСИ. Где... где... ну, пока что на кухне...

ЛОШАДЬ. На кухне? Как кошечка возле печки? Оставьте ваши неумные шутки!

БРАТИШКА **(прислушивается).** Тихо... Идут папа с мамой!

ДЮСИ. Прячься скорей! Идут!

ЛОШАДЬ. Прошу прощения, но почему это я должна прятаться?

ДЮСИ **(торопливо таскает лошадь взад и вперед по сцене).** Ну прячься же, а там посмотрим. Потом все это уладится.

ЛОШАДЬ. Ну куда же я спрячусь? **(Пробует залезть под стол, но поднимает его.)** Чтобы спрятаться, мне нужен стол по крайней мере вдвое выше.

Пока родители под звуки ксилофона поднимаются по лестнице, Дюси, братишка и лошадь мечутся по сцене. В конце концов лошадь прячут за занавес. В ту же минуту открывается дверь и входят родители.

ДЮСИ **(с совершенно невинным видом).** Здравствуй, папочка.

БРАТИШКА **(так же).** Здравствуй, мамочка.

Мама подозрительно оглядывается.

ПАПА. Что это у вас тут опять был за топот и грохот? Весь дом дрожал, как будто бы здесь лошади скакали.

БРАТИШКА. Какой же ты, папа, догадливый. Ты просто сразу угадал.

ПАПА. Что, что?

МАМА **(испуганно оглядывается).** Что ты сказал?

ДЮСИ. Но все-таки не лошади, а всего-навсего одна лошадь. Однаединственная лошадка... Очень милая коняшка.

Мама.

ПАПА. Ло-ошадь?

МАМА **(всплескивает руками).** Ло-ошадь!!!

ДЮСИ. А что? Вы не верите? Раро!

ЛОШАДЬ **(высовывает голову из-за занавески).** Ку-ку!

Папа издает нечленораздельные звуки и производит беспорядочные жесты, выражающие крайнюю степень изумления. Мама молча воздевает руки к небу. Полная тишина. Мальчики поворачивают головы в разные стороны.

ЛОШАДЬ **(очень игриво).** Ку-ку!

ДЮСИ **(шепчет родителям).** Скажите ей «куку», а то она обидится.

ПАПА **(наконец шевельнулся).** Нет, этого не может быть!

ДЮСИ. Что же это, я, значит, вру?

ЛОШАДЬ **(кокетливо выходит из-за занавески).** Ну, кто я? **(Делает реверанс.)** Я Раро.

МАМА. Дюси! Мало того, что ты притащил сюда лошадь, ты еще морочишь нас чревовещанием.

ЛОШАДЬ **(обиженно).** Прошу прощения, это вовсе не чревовещание.

Папа и мама что-то одновременно вскрикивают, но в это время входит бабушка.

БАБУШКА. Не было овса на базаре. Ну да ничего, завтра достанем. Из-за этого не стоит волноваться. Когда я была молодой...

ЛОШАДЬ. А, дорогая бабушка! Так какие были лошади, когда вы были молодой?

ПАПА. Смотрите-ка на эту нахальную лошадь! Перебивает, когда говорят старшие.

МАМА. Очень прошу тебя, не волнуйся. Все придет в порядок. Но вот действительно: что мы дадим ей есть?

ДЮСИ. Ну, мама, там, где пятеро садятся за стол, шестой уже в счет не идет.

ЛОШАДЬ **(добродушно и снисходительно).** Ну что мне нужно? Две-три охапки сена. Три-четыре кило овса. Ну, и там несколько кусочков сахару. А впрочем, я неприхотлива, могу есть и сахарный песок.

МАМА. Но вообще куда мы можем поместить лошадь?

ЛОШАДЬ. Умненькой лошадке надо очень маленькое местечко. Но, если прямо говорить, конюшня у вас тесновата.

МАМА (в ужасе). Наша чудесная квартира — и вдруг конюшня!..

ПАПА. Только ради всего святого не волнуйся, дорогая!

ЛОШАДЬ **(ходит туда-сюда. Взрослые от нее отскакивают)**. Да-да, тесновата... Это все надо расширить. Здесь невозможно шагу сделать. **(Отбрасывает ногой какую-то вещь. Мама взвизгивает.)**

ДЮСИ. Ну, это все можно устроить. **(Выбегает на лестницу.)** Дядюшка Чили, дядюшка Чили...

ЧИЛИЧАЛА **(подходит к ширме)**. Ты что здесь прячешься?

ДЮСИ. Я, знаете ли, не хотел, чтобы вас увидели, дядюшка Чили...

ЧИЛИЧАЛА. Нельзя ли повежливее? Не Чили, а Чиличала.

ДЮСИ. Ну, конечно, конечно... Простите, пожалуйста, я так спешу. У меня опять несчастье.

ЧИЛИЧАЛА. Опять?

ДЮСИ **(говорит очень быстро)**. Но это последнее. Даю слово. Ну, как бы вам сказать... надо немножечко расширить квартиру... она, знаете ли, тесновата... Вы это могли бы сделать, дядюшка Чили? Простите, дядюшка Чиличала...

ЧИЛИЧАЛА. Сделать-то я могу, но подумал ли ты, Дюси, что из этого может получиться?

ДЮСИ. Ну сделайте, только сделайте! Скорей!

ЧИЛИЧАЛА. Ну ладно, пусть будет по-твоему. **(Колдует.)** Чили-чили, чала-чала, много шума, толку мало. Скажу волшебное слово «хип-хоп» — и готово.

Декорация «раздвигающегося» города.

ДЮСИ вбегает обратно в комнату. Слышится страшный треск. Стены начинают двигаться. Вместе с ними двигается, пританцовывая, мебель. Расходятся в стороны и действующие лица.

БРАТИШКА. Расширяется жилплощадь.

ЛОШАДЬ. Ну, теперь места вполне достаточно.

Лошадь весело прыгает. Вдруг из-за стены слышится громкий сердитый голос.

ГОЛОС. Что тут происходит?

ДЮСИ. Это дядюшка Штиглиц. Ему все кажется не так...

ГОЛОС. Куда девалась моя кухня? Пропала передняя! Сжимают! Что за чертовщина? Это все Дюсины проделки! Изобью я этого мальчишку!

БАБУШКА **(внезапно вскипает)**. Бей своих внуков! И как посмел такое сказать?!

ДЮСИ. Только спокойно. **(Кричит.)** Дядюшка Чиличала, расширьте, пожалуйста, весь дом! Пусть расползается по всем направлениям.

Стук и треск еще больше, чем прежде. Все действующие лица подпрыгивают, падают и снова встают.

ГОЛОС. Ого! Стены расширились. Места теперь много.

Издалека слышатся другие голоса: «Где мой балкон?», «Ай, улетела вся квартира!», «Управдом!», «Скорая помощь»!», «Дом закрыл всю улицу!», «Вода заливает!», «Кто это наделал?», «На помощь!.. На помощь!..»

ДЮСИ. Чиличала, дорогой дядюшка Чиличала! Спасите! Расширьте улицу!.. Нет, весь город!..

ЧИЛИЧАЛА. Да будет так!

Невероятный грохот. Над ширмой пролетают дома, вокзалы и мосты. Дома лезут на горы. Паника. Парламент с грохотом сталкивается с оперным театром. Голоса: «Весь город сошел с ума!», «Кто это сделал?», «Выпороть его!», «Избить его!» Голоса приближаются. Из-за стен показывается множество рук — живых, настоящих. Все они протягиваются по направлению к Дюси. «Здесь началось!», «Это он виноват!»

ДЮСИ **(мечется в ужасе, выпрыгивает из-за ширмы и попадает прямо в руки дядюшке Чиличале)**. Дядюшка Чиличала, конец мне! Помогите!

ЧИЛИЧАЛА. Расширить весь мир?

ДЮСИ. Что вы, из-за одной лошади?

ЧИЛИЧАЛА. Ну вот видишь, сколько безобразия получилось из-за одной твоей лжи!

ДЮСИ **(в отчаянии)**. Да-да... Из-за одного какого-то стеклышка! Ну и пусть его окно!.. Сделайте все по-старому!.. Умоляю! **(Плачет.)**

ЧИЛИЧАЛА. А тебя куда поставить, Дюси?

ДЮСИ. Перед учителем Фекете...

ЧИЛИЧАЛА. Ладно, пусть будет так. **(Колдует.)** Чили-чили, чала-чала, много шума, толку мало. Скажу волшебное слово «хип-хоп» — и готово.

Сильный удар в барабан. Сцена освещается. За столом сидит учитель Фекете, перед ним Дюси.

ДЮСИ. Господин учитель, прошу прощения, это я разбил окно.

Дюси и Фекете застывают в своих позах.

ЧИЛИЧАЛА. Итак, дорогие зрители, самое большое чудо наконец свершилось. Дюси все-таки сказал правду. Потом постепенно, день за днем он к этому привыкнет, и это совсем не будет чудом.

А так как никакого более сильного чуда я пока что вам показать не могу, то на этом представление кончается. **(Музыка. Дядюшка Чиличала уходит, прощаясь со зрителями.)** До свидания, дорогие зрители, до свидания, до новых встреч, до новых чудес!

Конец.

ГРОЗОВАЯ СТЕПЬ

Повесть **А. СОБОЛЕВА**

Рисунки **Г. Епишина.**

(Окончание.)

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Как-то под вечер мы с отцом пошли на кладбище, к маме.

Затравевшая мамина могилка в теплой тени от высокого тополя. Небольшой дощатый памятник, окрашенный в красный цвет, и деревянная звезда. Желтая сурепка на холмике, полынь. Все это пахнет удушливо и терпко.

Лежит здесь самый дорогой наш человек. Милая, добрая мама! Пышки вкусные пекла и всегда подсовывала самый сладкий кусок. И конфеты у нее были про запас.

— Эх,— вздохнул отец,— без присмотра могилка-то. Заросла.

Мы вырвали бурьян, сурепку, и на могилке вдруг ярко вспыхнул жарок — любимый цветок мамы.

Долго сидим молча. Отец курит одну папироску за другой, поглядывает на меня, что-то сказать хочет.

— Жизнь, она, Леонид, такая. Не все бывает, как хочешь. Вот видишь, мамки нету у нас, и в доме плохо.

Без мамы, правда, в доме у нас стало как-то неуютно, все не хватает чего-то, тепла какого-то.

— Могилку подровнять надо, осела. И некогда все. Время сейчас такое: кто кого. Дорогу протаптываем. В других странах откроют потом книжечку, прочтут, как в России делали, и сами по этому пути пойдут. А тут все передом да передом... Переднему завсегда ветер в лицо.

Отец снова закурил. А я думал совсем о другом и вдруг неожиданно ляпнул:

— Я знаю, на ком жениться хочешь, на Надежде Федоровне.

— Ну-ну,— машинально отозвался отец, пристально вглядываясь в облупленную часовенку.— Вот ты какой!

Что хотел он этим сказать, не знаю. Знал я одно: прощай, свобода! Теперь чистые рубашки, чистые утирки, по полу грязными ногами не пройти. Правда, Надежда Федоровна ласковая, но все же можно было и без нее обойтись.

В этот же вечер события куда более поразительные отвлекли меня от невеселых мыслей.

Мы ужинали, когда раздался телефонный звонок. Прожевывая на ходу кусок хлеба, отец взял трубку. И сразу же синеватая бледность выбелила лицо.

— Что?! — крикнул он.— Алё! Алё!

Дунул в трубку.

— Алё!!

Телефон молчал.

— Станция, станция, дайте Быстрый Исток! Что? Не отвечает? Та-ак, ясно! — Скрипнул зубами.— Перерезали связь. Станция, дайте милицию! Поняков? Берестов говорит. Сади милицию на коней! Быстрый Исток звонил, успели передать, что восстание кулаков и райком окружен. Звони в ГПУ, подымай всех!

Отец сильно крутил телефонную ручку.

— Восстали, гады! Ну-у! Алё, дайте РИК! Председатель? Берестов говорит. Собирай коммунистов на подмогу Быстрому Истоку! Восстание. Звони в райфо, в райзо, я Васе Проскурину позвоню, пусть комсомолию подымает. Живей действуй, райком там окружили, гады!

Отец быстро поднял на ноги всех партийных работников. Рассовал по карманам запасные коробочки с патронами, четким, привычным движением по-

крутил барабан нагана, проверяя, полностью ли он заряжен, и наказал деду:

— Дома не ночуйте. Наше кулачье может подняться. Ну, бывайте!

Меня трясло. Восстание! В воображении я видел горящие дома и кулаков, бегущих с косами и вилами к дому с колоннами. Такая картина есть в учебнике по истории, и под ней написано: «Восстание».

Дед набивал трубку. Желтые от махорки пальцы его вздрагивали.

Из окна было видно, как перед милицией собирались конные. Тут были и начмил, и начальник ГПУ, и комсомольцы.

Конный отряд выстроился и во главе с отцом с места взял галопом. Только пыль взвилась.

* * *

Всю ночь где-то за горизонтом глухо и тревожно погромыхивала гроза. Багровые отсветы тускло озаряли черную пустошь неба. Всю ночь я пролежал в бурьяне за баней, не смыкая глаз. Одуряюще пахло сухой полынью. Настороженная тишина железным обручем сдавила село.

Дед осторожно ходил по двору, прислушиваясь к сонному бреху собак.

Всем своим существом я чувствовал, что коммунисты нашего села ускакали туда, где нужно отстоять Советскую власть. И что отец мой идет в первых рядах тех, кто, не задумываясь, отдаст жизнь за эту власть.

Впервые в жизни ясно ощутил я силу и правду этих людей, понял, что идет борьба между классами не на жизнь, а на смерть. И сердцем я был с моим отцом.

Под утро в серой, хмурой пелене рассвета бацнул выстрел. Хрипло и дружно взлаяли цепные кобели. Неподалеку хряснул плетень, и кто-то испуганно-тонко закричал: «Стой! Сто-о-й!» Еще выстрел. По улице проскакал верховой, и все стихло.

Меня била знобкая дрожь.

Закрапал дождик, запахло отсыревшей пылью и укропом.

* * *

Утром из Бийска прошел отряд красноармейцев. Сзади, на подводе, стояло два пулемета. А еще позади лошади тащили зеленую пушку. Замыкала отряд орава мальчишек. Среди них — Степка и Федька. Я присоединился к ним.

— В Быстрый Исток идут,— выдохнул Федька и поглядел испуганно-радостными глазами.

За околицей мы долго стоим, покуда отряд не скрывается из виду. Потом весь день прислушиваемся: не бабахнет ли пушка, не шьет ли тонкую строчку пулемет. Ходили мы в этот день как в воду опущенные, потеряв ко всему интерес. Федька допытывался, когда у нас будет восстание. Я обозвал его дураком, а Степка дал ему по шее.

В сумерки вернулся отряд наших коммунистов и комсомольцев.

Отец пришел домой осунувшийся и почерневший. Долго и с наслаждением умывался.

— Пап, стреляли там? — не вытерпел я.

— Пришлось. Уф-ф, как хорошо!

— А из пушки стреляли?

— Из пушки? Нет. Ах, хорошо! Ничего, и без пушки разогнали воевод.— Отец подмигнул.— Ну, дайте поесть! Сутки не ел.

— У нас тоже стреляли.

— Знаю.

После ужина отец прочистил наган от кислой пороховой гари и снова зарядил его.

— Отдыхать не будешь? — спросил дед.

— Не время,— ответил отец, уходя.— В райкоме буду.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

На следующий день через наше село двигался страшный обоз.

Несколько десятков подвод следовало друг за другом под охраной красноармейцев. На подводах сидели и лежали мужики, парни, старухи и ребятишки.

Восставшие! Вот они какие!

С замиранием сердца и жгучим любопытством глядели мы на них. Особенно запомнился молодой парень, черный, как цыган, и кучерявый. Повязка на голове его была в крови. Сам он не то пьяный, не то еще что, но все время он орал и страшно ругался.

Проезжая мимо нашего дома, на крыльце которого стоял отец, парень глянул с лютой ненавистью и крикнул:

— Всех комиссаров изведем!

Отцовское лицо испятнил скупой румянец, побелевшие ноздри бешено трепыхнулись, но он сдержался и только выдавил презрительно, разжав на время сурово спаянные губы:

— Вырвали жало — шипеть осталось.

Федька, Степка и я молча, с ужасом глядели на обоз.

Потом мы пошли на Ключарку.

К речке примыкал огород Сусековых. У самого берега, за плетнем дружно росли молодые березки.

Мы уже разделись купаться, когда одна из березок дрогнула и стала запрокидываться. И тут мы увидели, как за плетнем мечется старик Сусеков и с прикряком опускает топор на белые тонконогие стволы. Березки судорожно вздрагивали, замирали от боли и с немым криком рушились наземь.

— Свихнулся! — испуганно зашептал Федька.

— Круши-и! Все едино! — хрипло кричал старик и, пригибаясь, перебегал от одного деревца к другому.

На помощь к нему подоспели Сенька и Пронька. Они быстро опустошали березовую семейку. Сенька рубил молча, сплеча, окаменело спаяв челюсти. Пронька ловко подрубал маленьким охотничьим топориком березки помельче и помоложе.

Вскоре все березки полегли — будто покойники в белых саванах.

Старик Сусеков и Сенька убежали во двор, к амбарам, и что-то крушили там.

Только у плетня осталось одно-единственное кудрявое деревцо. К нему по-кошачьи мягко подкрадывался Пронька, удивительно похожий сейчас на своего отца. Березка вздрагивала всеми листьями, будто лепетала что-то в предсмертной тоске.

Пронька занес топорик, и... тут случилось непредвиденное. Федька птицей перемахнул через плетень и встал, загородив березку. Пронька чуть не выронил топорик. Но растерянность сменилась наглостью, как только он разобрал, кто перед ним.

— Тебе чего тут? — ощерился Пронька.

— Не трожь!

— Тю-ю! А ну пошел отседова, а то по сопатке!

— Не трожь! — еще тише сказал Федька и поднял увесистую гальку.

Пронька в нерешительности топтался на месте, воровато шныряя глазами по сторонам. А маленький и совсем голый Федька стоял перед ним, и мы чувствовали, что сейчас нет силы, которая сдвинула бы его с места.

— Попомнишь! — пригрозил Пронька, отступая.

— Запомню уж,— выдавил из белых губ Федька.

Уходя, Пронька все же трусливо кинул земляным комом. Федька даже не обратил внимания на этот ком.

Когда он перепрыгнул обратно, мы с уважением, молча, пошли с ним рядом.

— Это тоже классовая? — спросил Федька и как-то по-новому, серьезно глянул на меня.

* * *

Поздно вечером под окнами фыркнул мотор, хлопнула сенная дверь и вошел Эйхе. Он быстро прошел к отцу в комнату, мельком и неулыбчиво взглянув на меня.

Дядя Роберт и отец долго сидели в комнате, а на кухне мы с дедом собирались на покос. Завтра на зорьке выезжать. Готовим буханки хлеба, лук, картошку, проверяем косы и прочее снаряжение.

Наконец все готово, и я ложусь спать. Но не спится. Из соседней комнаты прорывается разговор.

— Ослабили они революционную бдительность,— говорит дядя Роберт.— Это сейчас — самое опасное. Есть сведения, что и в вашем селе существует кулацкая дружина.

— Да,— отвечает отец.— Сегодня ночью обезглавим ее. Арестуем верхушку: Сусековых, Жилиных, Мезенцевых... Но в степи скрывается Воронок, племяш Сусековых. Продавец вот исчез. Из их компании. Каратель, оказывается, при Колчаке был. Его старик Черемуха признал. Есть тут у нас такой. И молчал, старый хрен. Спрашиваем: «Чего молчал? Взяли бы мы его». Отвечает: «Взяли бы — не взяли, а мне бы каюк. Пристращал он меня». Чего с него возьмешь, старик трухлявый, рассыпается. А Воронка в Быстром Истоке видели. Ушел от погони. Конь у него добрый.

— Держите партактив начеку. Дежурство установите. Милицию на казарменное положение.

— Сделано уже, Роберт Индрикович. Сами-то почему без охраны ездите?

Эйхе отвечает не сразу:

— Скоро буду. Указание из Москвы есть. Признаться, не нравится мне эта затея с телохранителями. Идет секретарь крайкома или даже райкома, а за ним взвод телохранителей, как за Наполеоном. Щупают всех подозрительными глазами. Этим народ отталкивают от себя. Глядишь, простой смертный подойти побоится. Вспомни, как прост был Владимир Ильич. Меньше всего думал он о своей безопасности и своем величии, а разве такое было время, да и сам он разве такой, как мы!..

Я засыпаю. Голос Эйхе становится глуше, невнятнее, удаляется.

Последнее, что ясно разбираю,— слова:

— Прочешите местность.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Каждое лето мы с дедом уезжаем на покос. Живем в шалаше, на опушке молодой березовой рощицы. Отсюда хорошо видна степь: ровная-ровная, докуда глаз хватает. А на горизонте маячат синие горы, будто нарисованные прозрачной акварелью. Небо здесь чистое и такое высокое, что голова кружится.

Воздух настоен на горячем меде разнотравья и душистого сена, полынный ветер приносит дыхание седых веков. И кажется, что вот-вот в высокой траве проскачет монгол на низкорослой лохматой лошаденке — воин Чингисхана — или покажутся казаки-землепроходцы.

Встаем мы рано.

Просыпаясь, я чувствую, что ждет меня что-то счастливое, большое и красивое, как радуга-семицветка. Знаю, будем косить и будет приятная усталость, будет золотое солнце, будет звонкий лепет берез, будет с шорохом никнуть трава под литовкой, и за спиной останутся валы пахучей свежей кошанины.

А вечером, когда теплый багрянец заката обольет верхушки деревьев, я буду купаться в парной воде Ключарки. А потом будут полный таинства вечер у костра и рассказы деда, от которых замирает сердце.

Мы идем по росистой траве, и за нами остается дымчато-тающий след. Трава прямится, переливает самоцветами.

Зоркими светлыми глазами дед поглядывает на косогор, который будем косить вручную: сенокосилку тут не погонишь — круто.

Худой, по-журавлиному высокий, дед еще крепок и подвижен. На покосе он становится моложе, глаза ярче, походка легче.

— Почнем, что ль?

Дед крестится, плюет на черные, узластые руки и, крякнув, делает первый взмах. Ш-ш-жжик — начисто срезанная трава с шорохом ложится в высокий ряд. Сейчас, с утра, она мягкая, и косить ее легко. «Коси, коса, пока роса».

Я тоже плюю на руки, крякаю, подражая деду, и взмахиваю своей маленькой литовкой, специально для меня сделанной дедом. Р-раз! — и в густом разнотравье появляется неровный полукруг. Р-раз! — и еще такой же.

Вскоре я вхожу в азарт. Высокая, остропикая трава — это уже не трава, а полчища татар, и я не одиннадцатилетний мальчишка, а Илья Муромец в жестокой сечи за Русь. И шумят обгоревшие в битвах знамена, колышутся копья, летят каленые стрелы, а я булатным мечом прокладываю дорогу во вражеском стане.

Дед наметанно-зорко щурится на мой прокос.

— Носок-то литовки приподымай. Пятой больше налегай, пятой. А то головы только и посшибал.

Мой прокос по сравнению с дедовым выглядит позорно плохо. У деда — как выбрито, а мой — будто Федькина голова, подстриженная «под барана».

До обеда косим, не передыхая. «Коси, коса, пока роса».

Но вот роса обсохла, трава стала жестче, и косы зазвенели. Солнце обжигает. Пот заливает лицо, только вытирать некогда: надо догонять деда. Линялая рубаха его потемнела на лопатках, в морщинах коричневой шеи блестят капли, а он все так же легко и быстро, словно играючи, машет косой и все дальше и дальше уходит от меня.

Я уже не Илья Муромец, я думаю: «Скоро ли обед?» Руки стали чугунные — не поднять, и носок литовки все чаще и чаще зарывается в землю, будто гирьку к нему привязали. И кочки откуда-то появились! Еще немного, и я сдам. Но, упрямо сжав зубы, иду за дедом, кошу, кошу и кошу. Посмотрим, чья возьмет!

Вот дед заканчивает прокос и пучком травы вытирает литовку.

— Приморился я, внучок. Ты-то, поди, нет? Молодой.

Глаза его чуть-чуть насмешливо прищурены. Я дипломатично молчу и незаметно перевожу дух. Едва разжимаю занемевшие пальцы на держаке.

— Сбегай-ка за водицей, полдневать станем. Эвон солнышко-то где!

Я спускаюсь к ручью, что тихонько журчит в кустах. Невесть кем поставленный сруб до краев налит студеной хрустальной водой. В срубе по стенкам мотается мох, как борода лешего. Снизу бьет ключик, струйка его не доходит доверху, поднимает со дна песчинки, былинки, крутит их и устилает дно ровно и гладко.

Я наклоняюсь и пью сладкую стынь, пью, пока не захватывает дух и не начинает ломить зубы. Окунаю голову и встаю. Вода сбегает по спине, попадает в штаны. Сразу пробирает озноб. Бр-р-р! Черпаю воды в берестяной туесок и с удовольствием выбираюсь на солнышко.

Ого, сколько мы отмахали! Полкосогора!

Кошанина лежит ровными пышными рядами. Я иду по ней, слушаю, как сердито гудят мохнатые золотистые шмели и звенят кузнечики.

* * *

После обеда дед спит под телегой, а я ухожу на луг, в полуденную сонь.

Я хмелею от медвяного запаха трав, от простора, от синих далей... Бегу по лугу и падаю в высокую траву.

Лежу, закрыв глаза, потом раздвигаю траву, и прямо передо мной круговинка рдяных кисточек костяники. Кладу в рот прохладные, как леденцы, ягодки и смотрю на рощицу.

Каждое дерево имеет свое лицо. Вон те, маленькие, выбежали вперед — это девочки. Озорные, они убежали из-под надзора матери и смеются-вздрагивают зелеными листочками. Смеются, что березамать, крепкая и высокая, не может их догнать. Тянется к ним ветвями, хочет поймать, обнять и притворно-сердито встряхивает головой-верхушкой, журит дочек, а сама любуется ими и тоже рада этому солнечному дню.

А вон стоит темная согнутая береза с обломанной вершиной. Стоит задумчиво, тяжко вздыхая. Это вдова. Потемнели рабочие руки-ветви, опустились бессильно. Прошла молодость, прошла радость, одиноко осталась век доживать. И не радует ее ни яркий свет, ни тепло, ни медовые запахи.

А вон неизвестно откуда забрела сюда ель. Стоит с краю, как воин, прямо, строго. Стоит и смотрит все вдаль да вдаль, настороженно выставив острые пики ветвей. Какого ворога ждет?

Я переворачиваюсь на спину и гляжу в синюю безбрежность. Там высоко трепещет жаворонок, будто подвешенный на ниточке, и сыплет на землю чистый звон стеклянного колокольчика. В бездонной синеве, где скитаются ветры, проносятся легкие, как дым, облака. Я провожаю их долгим, неморгающим взглядом. Куда летят они? В какие страны?..

И не облака это вовсе, а паруса боевых кораблей, и голубизна неба — это лазурь Индийского океана. Корабли плывут к неведомым сказочным островам, и я — лихой марсовой — зорко гляжу в океан, чтобы, заметив туманную полоску берега, закричать: «Земля!» А кругом голубые волны, зной тропиков, коралловые рифы...

— Ленька! Ленька!

Надо мной стоит дед.

— Эх, заснул! Еле нашел. Солнышком-то стукнуть может.

Запустив руку в сивую бороду, он довольно жмурится на солнце и вздыхает всей грудью.

— Экие воздуха́-то тут, а! Благодать!

Подмигивает мне, молодо улыбается. На коричневом лбу его разглаживаются морщинки.

— Давай начинать, Леонид. Солнышко спадает — слышь, кузнечики застрекотали.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Через несколько дней к нам на покос приехали отец и Эйхе.

Еще издалека мы заметили легковушку, и дед заволновался.

— Никак Роберт Индрикович жалует? — вгляды-

вался дед из-под ладони в приближающуюся «эмку».

И точно, из машины вылезли дядя Роберт, дядя Вася и отец.

— Ну как, работнички? — спросил отец, оглядывая покос.— Вот Роберт Индрикович настоял завернуть к вам.

— Здравствуйте, Данила Петрович,— протянул руку Эйхе.

— Доброго здоровьица, Роберт Индрикович,— прокашлялся дед.

— Мушкетер здесь один, растерял своих боевых соратников,— подмигнул мне Эйхе.

Я ответил улыбкой до ушей. Да и нельзя было не улыбаться, когда видишь все понимающий, с лукавинкой взгляд Эйхе, его открытое и красивое лицо, слышишь его добрый, с едва уловимым нерусским выговором голос. Всегда, когда я видел Эйхе, меня подмывало сделать для него что-нибудь хорошее, как-то выразить ему свою любовь. Всем мальчишеским сердцем я чувствовал, что это негнущийся, сильный внутренней силой человек, честный и прямой. И если бы меня спросили, каким я хочу вырасти, я бы сказал: «Как Эйхе!»

А дядя Роберт тем временем говорил деду:

— Вот, Данила Петрович, поспорили с вашим сыном, кто лучше косит. Сейчас устроим соревнование, будьте судьей.—И, обращаясь к отцу, сказал:— Ну, секретарь, снимай гимнастерку!

Эйхе и отец скинули гимнастерки и какое-то время блаженно поводили незагорелыми плечами. Высокие, сильные, они походили друг на друга, только дядя Роберт был немножко поуже в плечах и потоньше в поясе. Да еще бородка с усами, а отцовское корявое лицо было гладко выбрито. И все же они чем-то очень походили друг на друга. Может, большевики все походят друг на друга?

Отец встал впереди.

— Ну, поспевайте, Роберт Индрикович! — задорно сказал он.— Не потеряйте меня из виду. В крайнем случае держитесь во-он на ту березку без вершинки.

— Ладно, ладно,— ответил Эйхе, пробуя, крепко ли прикреплен держак у литовки.

Широким взмахом отец выхватил огромный полукруг и с сухим шорохом бросил охапку кошанины в пышный ряд. И пошел и пошел! Сильно, красиво, стремительно продвигаясь вперед. Каждое движение отца было полно уверенности и умения.

А дядя Роберт все стоял и, прищурясь, прикидывал расстояние до отца. Я даже забеспокоился: «Чего он не начинает? Так никогда не догнать отца. Вон где уж отмахивает!»

Но вот отец, видимо, дошел до черты, которую мысленно отметил Эйхе, и дядя Роберт двинулся. Я даже не понял сразу, что произошло. Вроде он и не взмахивал литовкой, а перед ним оказался гладко выбритый полукруг, не такой широкий, как у отца, но удивительно ровно скошенный.

И вдруг дядя Роберт легко и свободно стал догонять отца. Казалось, он просто идет, а литовка в руках — это так, безделушка, и сами собой перед ним скашиваются круговины.

Отец оглянулся и нажал. Но Эйхе нагонял неумолимо. До конца прокоса, до той самой березки без вершинки осталось каких-нибудь шагов десять, когда дядя Роберт крикнул:

— Сторонись! Срежу!

И отец сошел с прокоса, уступив место.

Эйхе докосил до березы, спросил:

— Эта, что ль, береза, секретарь?

— Эта,— засмеялся отец, вытирая с лица пот.— Ну и ну! Не ожидал.

Дядя Роберт улыбнулся.

— Не ожидал, говоришь? Старая батрацкая закваска. С отцом батрачили, вволю покосили.

— Да и я батрачил,— сказал отец.— Тоже навык имею, а вот так...

— На силу надеешься, а в косьбе это не главное. Главное — ритм сохранить и дыхание, как у спортсмена. А ты рывками идешь, быстро выдыхаешься. А латыши на силу не берут, латыши ритм соблюдают. Уж в Латвии косить-то умеют. Латвия, Литва косцов поставляли матушке России. Название «литовка» тоже оттуда.

Потом они опять встали в ряд, только теперь Эйхе первым. Луговицу выпластали мигом.

— А что, Роберт Индрикович, не искупнуться ли нам? — предложил отец, когда кончили косить.

— Можно,— согласился Эйхе и подмигнул мне:— Держись, мушкетер, утоплю.

— Его уже топили,— сказал отец.

— Как так?

— Да так. Сусекова сын, старший.

— Вон как,— обнял меня за плечи дядя Роберт,— и стреляют в нас, и топят, и травят, а мы все стоим. Вот так мы!

После купания Эйхе и отец уехали. Мы с дедом опять одни.

Вечером разжигаем костер и долго сидим возле него. Дед мастерит туесок из бересты под ягоду и про ранешнее житье-бытье рассказывает:

— От зари до зари горб гнули, а хозяйства: одна кобыла — соломой глаз заткнут. Да и та сдохла. Вот тогда-то и подались мы с Пантелеем в батраки. Хлеб с лебедой замешивали. Мерекаешь?

— Мерекаю.

— То-то. А потом такие, как Эйхе, революцию сделали. Он в Сибири-то нашей давно побывал. Пантелей рассказывал, что в пятнадцатом году сослали Роберта Индриковича в Канский уезд на вечное поселение. За то, что против царя шел. А он оттуда убежал и в Иркутске в шестнадцатом году в подполье работал, опять против царя народ подымал. Ну, а потом в Ригу-город перебрался, в родные места. И опять там в подполье работал. Потом революция произошла, и он все там на партийной работе был. А когда германцы заняли Ригу, он опять в подполье ушел, пока его не арестовали. Но он и от немцев убежал, не больно они его видели. А потом где он только не работал! И в Сибири опять с двадцать четвертого года пребывает. Всяких спекулянтов и бандитов ловил, когда в ревкоме работал, а теперь вот секретарь самый главный в Сибири.

Дед выхватил из костра уголек и, держа его в пальцах, раскурил трубку. Затянулся, задумчиво поглядел на огонь.

— Железный человек Роберт-то Индрикович. Каких мытарств на его долю только не выпало. И не согнулся, все за народ шел. Он, Ленька, в большевики пятнадцати годов вступил, в девятьсот пятом году еще. А через два года его уже в тюрьму упрятали. А потом и началось: и тюрьмы, и ссылки, и за границей житье до революции самой. А он как был нацеленный на революцию, так и остался. Железный человек. Вот таким и тебе надо быть.

Я слушаю деда и думаю, что и я буду таким, как Эйхе, как отец, буду всю жизнь за Советскую власть стоять.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Как-то раз послал меня дед за лошадьми. Спутанные, они паслись в роще, в холодке, подальше от злых слепней.

Роща стояла тихо-тихо, объятая полдневной дремой. Я брел среди березок и прислушивался: не порскнет ли где лошадь, не звякнет ли балабан. Но, кроме болтливого чечекания сороки, что перелетала с дерева на дерево, ничего не было слышно.

«Запропастились куда-то»,— подумал я, как вдруг услышал какой-то непонятный звук. Прислушался: тихо.

Я сломил было дудку, чтобы напиться из ручья, как снова донесся тот же звук. Теперь я понял, что это был крик. Сначала подумал, что это дед меня кличет, но прислушался получше и разобрал, что крик доносится со стороны озера. Крик был протяжный и рвущийся.

Кто-то звал на помощь.

По спине у меня высыпали мурашки. На миг мне стало жутко, потом я бросился к озеру.

Озеро, заросшее в конский рост осокой и камышом, находилось по другую сторону рощи. Обдираясь о сучья и пни, я мчался напрямик. Когда выскочил из рощи, по сердцу резануло: «Тону-у!»

До озера было рукой подать, но добраться к воде было не так-то просто.

Я продрался сквозь щетинистую непролазь прибережных кустов и вывалился на мысок, поросший мелкой травкой. И тут же увидел, как среди спутанных взбаламученных кувшинок то показывается, то скрывается черная кочка. Не сразу понял, что это голова.

Я заметался по берегу, не зная, что же делать. Кидаться в кувшинки было опасно. Длинные, гибкие, как проволока, стебли цепко хватают под водой за ноги. В два счета можешь запутаться и потонуть.

— О-о-о-о! — доплеснулся хриплый, захлебывающийся крик и подтолкнул меня.

Теперь я разглядел, что тонул мальчишка. Смутно знакомое лицо на миг повернулось ко мне, и снова тяжелая зелень воды сомкнулась над ним и разошлась пологой волной. Не раздумывая больше, я бросился в воду.

На счастье, попалась полузатопленная березовая коряга. Подталкивая ее, я плыл вперед.

Вынырнув, мальчишка увидел меня и забарахтался еще сильней. Я выбивался из сил: коряга оказалась тяжелой. Наконец я подтолнул ее к мальчишке, но там, где только что торчала его голова, хлюпнув, схлынула вода, и круги разошлись по поверхности. «Потонул»,— ужаснулся я. Но вот медленно-медленно из глуби показалось трупно-белое лицо с вылезшими глазами, полными смертельного ужаса.

— Хватай! — крикнул я и сам захлебнулся.

Мальчишка схватился за корягу, рывком навалился на нее, а другой конец двинул меня по голове. Брызнули искры, и вода сомкнулась надо мной. Погружаясь, я чувствовал, как цепляются за меня водоросли. Коричневая вязкая глубина всасывала. Ледяной холод смял сердце. Отчаянно напрягая силы, я вынырнул и мертвой хваткой спаял пальцы на коряге. Судорожно хапнул воздух, а вместе с ним воды и зашелся в кашле.

Когда очухался, разглядел, что за другой конец коряги держится Пронька Сусеков. Налитые страхом глаза в упор вонзились в меня.

— Плывем! — выплюнул я вместе с водой.

Пронька отчаянно замотал головой. Он боялся даже сдвинуться с места.

— Поплыли! Толкай корягу! — крикнул я, испытывая лишь жгучее желание почувствовать под ногами землю.

С огромным трудом добрались мы до берега. Пошатываясь, вылезли на сушу и упали, задыхаясь от пережитого и усталости. Чугунное сердце колотилось где-то в горле, в ушах звенело.

Обессиленные, лежали рядом, торопливо захлебывая в себя воздух. Пустое безразличие овладело мною, хотелось только лежать и ни о чем не думать.

Проньку стало тошнить. Он корчился, выворачиваясь наружу. Мне тоже стало муторно.

Пошатываясь, я встал и глянул на озеро. На том месте, где мы чуть не распрощались с жизнью, плавали измятые сорванные кувшинки и лопушистые листья. Место уже затягивалось ряской.

Я шагнул и наступил на что-то круглое. Это была бутылка, вывалившаяся из кошелки, которую я опрокинул, когда метался по берегу. Бумажная затычка откупорилась, и из полупустой бутылки резко несло самогоном. Тут же рядом лежало что-то сальное, завернутое в газету, буханка хлеба и перья зеленого лука.

Сзади послышался шорох, я повернулся. Пронька стоял на ногах и настороженно следил за мной.

Мы долго и молча глядели друг на друга. Загнанным зверьком метался в его глазах испуг.

Трезвея от острой догадки, я понял, что Пронька кому-то нес еду. Он шел в лес! Кто же ждал его?

Мы смотрели друг другу в глаза и понимали, что мы враги. И не просто враги-мальчишки, которые через день-два помирятся, а враги по-взрослому, враги на всю жизнь, враги на смерть.

Всего несколько минут назад я кинулся его спасать, вместе выбирались из воды, а теперь мы снова враги.

Я пошел прочь. Шел и думал: «Если бы сразу знал, что тонет Пронька, если бы знал, что он несет еду в лес, стал бы я его спасать?» Думал и не мог себе ответить.

Лошадей я нашел, забившихся в самую чащу от немилосердных в полдень слепней.

— Чего ты так долго? — спросил дед.— И мокрый.

— Сорвался в воду.

О Проньке ничего не сказал. Решил разгадать все сам.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Я хожу по пояс голый и стал черный, как негр. Волосы выгорели до цвета соломы. Руки болят. Дед говорит: силой наливаются. И мне приятна эта боль.

В полдень я иду купаться, дед говорит:

— Дождик будет: паук пряжу свою собирает.

Я не верю дедову предсказанию: уж больно чисто небо — и ухожу на Ключарку.

Вода светлая-светлая, будто упал на землю осколок неба вместе с облаками, и я купаюсь среди этих облаков.

Потом валяюсь на песке, вдыхаю его горячий пресный запах и ни о чем не думаю.

Кругом застойная, дремотная тишина. Я смотрю, как по серебристо-сиреневому плесу пробегает лег-

кая рябь, как стайка пескарей лениво шевелит плавниками в золотых лучах, пронизывающих воду, и кажется мне все это сказкой, зачарованным царством. Может, здесь по ночам выходят русалки и плетут венки из белых лилий, как у Гоголя в «Майской ночи».

И я не удивился, когда наяву увидел русалку.

Откуда она появилась, не заметил. Из воды, знать. Тоненькая, юная, она возникла на песке и скинула красненькое платьице. У меня перехватило дух.

А русалка вся тянулась к солнцу и вдруг крикнула:

— Эге-ге-гей!

Крик сначала скользнул по воде и исчез где-то в вышине, потом откуда-то вернулось эхо, будто кто окликнул:

— Э-эй!

Окликнул грустно и призывно, как кричат журавли по осени.

У меня гулко заколотилось сердце. Странное, еще неведомое доселе чувство охватило меня: хотелось

смотреть на эту насквозь просвечивающуюся русалку, и в то же время было почему-то стыдно. А русалка, смеясь и крича что-то, бросилась в воду и подняла сверкающие, как драгоценные камушки, брызги.

Я схватил штаны и потихоньку выбрался из кустов. И только порядочно отмахав, сообразил вдруг, что это же не русалка, а Аленка-тихоня! Ну, конечно, она! Я встал, как на столб налетел. Сроду бы не поверил, что она такая... такая... Я никак не мог подобрать слова. И откуда она здесь? В голове все у меня перепуталось: и русалка, и Аленка, и легенда, и правда. Какой-то хмель ударил в голову, и я вдруг ни с того ни с сего тоже вскинул руки к солнцу и закричал:

— Эге-ге-гей!

И откуда-то с выси опять откликнулось эхо. А мне вдруг захотелось заплакать. Может, оттого, что увидел русалку, может, от синих далей, от счастья, может, от смутного предчувствия, что скоро кончатся счастливые дни моего детства.

И только теперь я заметил, что из-за горизонта выползает иссиня-черная туча с фиолетовыми подпалинами и доносится сдержанное погромыхивание.

Степь выжидающе замерла. Я с удивлением ясно услышал тишину, настороженную, безмолвную...

Дыхнуло ветром. По траве пробежала рябь, и вот уже волнами заходил кустарник. Порыв ветра раздробил стеклянный покров Ключарки, вздыбил волны.

Громче и громче рокотал гром. Я пустился бежать. Догоняя, двигалась за мной сверкающая на солнце стена водопада. Шум все нарастал и нарастал.

Первая капля крепко, как увесистая градина, стукнула в затылок. Потом другая, третья... и теплый июльский ливень тугим нахлестом косых струй обрушился на меня. Я пошел шагом. Все равно уж.

Молнии передергивали небо ослепительно синим огнем, гром встряхивал землю, а страшно не было: до того весела и озорна солнечная гроза! Дали размылись, краски полиняли, ничего не разобрать — кругом вода.

В шалаше, выжимая рубашку, спросил деда, откуда он знал, что будет дождь. Дед усмехнулся в усы.

— Птицы низко летали, и с утра пчел не видать было, и цветы пахли сильнее, и вьюнок совсем закрылся. Да мало ли их, примет-то! Волосы мои, к примеру, тоже помягчали. К дождю.

Желая показать, что тоже не лыком шит, я брякнул:

— И кошки моются к дождю.

— Бабкины сказки,— сердито отрезал дед.— Могет, еще в правом ухе свербит к теплу, а в левом — к ненастью? Моется, чтобы запаху от нее не было, чтобы мыши не чуяли ее.

— А черная корова тоже к дождю?

— Какая черная корова?

— Ну, если черная корова впереди стада идет, это к дождю?

— Придумают же! — удивленно крутит головой дед.

Спрашивается, чего мы тогда каждый раз, когда впереди стада шла черная корова, гнали ее назад? Это Федька все откуда-то взял. Вечно он что-нибудь выдумает.

Прошел ливень так же внезапно, как и начался. Только слышно, как удаляется шум, будто конница уходит в атаку. Туча свалилась за горизонт. Гром еще ворчит, рокочет, но это уже где-то там, далеко!

Пробрызнуло солнышко.

Над степью нависала огромная радуга. Выстиранное, удивительно чистое небо стало еще выше, еще голубее. Птицы, ошарашенные дождем, молчат. Лес набряк и полон шороха капель, будто кто возится там потихоньку.

Но вот чивикнула первая осмелевшая пташка, пискнула за ней вторая, подала голос третья, и вдруг огласилась роща торжествующим звонким щебетанием.

Я не выдерживаю, выскакиваю из шалаша и задеваю березку. Целый ушат воды обрушился на голову. У-у, вот это да! Я кричу что-то, сам не зная что, и несусь по мокрой траве, поднимая фонтаны зернистых, сверкающих на солнце брызг. Мне хочется совершить что-то необыкновенное, большое и радостное. Сейчас бы один скосил весь луг или залез бы на... радугу. Я пью взахлеб свежий, пахнущий дождем, сеном, солнцем воздух и кричу изо всех сил:

— Эге-ге-ге-ге-гей!!

Крик летит далеко-далеко, до самого горизонта, в безбрежную стеклянную даль.

Дед смеется:

— Очумел, Ленька?

Но и сам он довольно жмурится.

— Вот она, Сибирь-то! Сколь годов живу на свете, а красотой этой не нагляжусь.

Дымок от дедовой трубки зацепился за ветку березы и повис над нами тающей кисеей. Дед кивает на дерево:

— Вишь, как заневестилась.

Тоненькую белоногую березку у нашего шалаша забусило дождевыми каплями, словно фатой покрыло.

— Краше этой березки не видывал я. Пальмы там всякие, лианы видал на островах тропических, цветы диковинные за службу свою матросскую, а тянуло меня в Сибирь. Так тянуло, аж сердце останавливалось. За степь вот эту все б отдал!

Голос деда дрогнул, он нахмурился и стал ожесточенно тянуть трубку. А я притих, пораженный его словами, и внимательно посмотрел вокруг. Посмотрел на то, что видел много раз, посмотрел другими глазами.

И запомнил я навсегда лазоревую степь, светловолосую солнечную рощу, далекие загадочные дали земли русской.

Быть может, именно тогда я и понял, почему отдают жизнь за родную землю. И потом, в тяжкие годы юности моей военной, коченея в болотах Заполярья, на поле боя, видел я эту послегрозовую степь, осиянную солнцем, зеленую землю мою, и она давала мне силы, веру, мужество.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Луг мы выкосили.

Кошанина сохнет на глазах, и мы сгребаем ее в валки. Работа эта легкая и идет споро.

Я все думаю, как выследить, а кого выследить, сам не знаю. Но кого-то надо выследить. Поэтому, когда дед заглянул в мешок и сказал: «Хлебушка-то на раз осталось»,— я обрадовался и с жаром стал доказывать, что ехать за едой должен он, а не я. Дед согласился. К вечеру он уехал.

— За Савраской гляди! — крикнул дед напоследок.— Развидняет — приеду, копнить начнем!

— Ладно,— отмахиваюсь я и с нетерпением жду, когда дед скроется.

Напрямик направляюсь к озеру. На том месте, где мы тонули с Пронькой, уже ничто не напоминало о случившемся. Только на траве я нашел кусочек бумажки от затычки.

Я направился в осинник, что стоял отдельным островком у озера. Чем ближе подходил к нему, тем больше овладевала мною робость. А когда вступил в лесок с трепетно вздрагивающими листьями, то совсем растерял свою храбрость. За каждым деревцем мне чудился притаившийся человек. Над самой головой громко чокнул дрозд. Сердце оборвалось, и меня осыпало жаром.

Я не выдержал и повернул обратно. Только у своего шалаша вздохнул свободно.

Сводил лошадей на водопой. Они напились и долго глядели в степь. С черных бархатных губ, дробясь, со стеклянным звоном падали в воду капли. Савраска ударил ногой по багрянцу реки и тихонько заржал. У меня от какой-то непонятной грусти сжалось сердце. Может, от красоты степной в этот час.

Упала от рощи фиолетовая, еще теплая тень, верхушки облило расплавленной медью, и меня охватывает чувство одиночества. Как-никак, все же один в поле.

В траве яростно бьют перепела: «Спать пора! Спать пора!»

Я иду к шалашу.

Солнце село, и все вокруг стало сине. Над Ключаркой забелел туман, потянуло прохладой.

Затихло все. Изредка только встрепенется в дремоте пташка, чивикает себе в теплую запазушку, и опять тихо.

Взошла луна, яркая, будто только что умытая ключевой водой. На речку легла дрема лунного света.

Я развел костер и сел у входа в шалаш. Свет от костра лежал красным мигающим пятном, за ним — непроглядная тьма.

Ночная тишина оказалась полна каких-то приглушенных шорохов, неясных звуков, и чудится, что из тьмы кто-то в упор глядит на тебя. Мерещится крест, что стоит возле дороги на покосе. Говорят, на том месте убили лихие люди бийского купца. И сейчас есть такие люди. Кто-то скрывается в лесу. Кому нес еду Пронька?..

В кустах громко хрустнуло. Из темноты в свет костра выныривает безобразная рогатая морда со страшными большими глазами. Я обмер, у меня отнимается язык, я хочу закричать и не могу. Наконец соображаю, что это просто корова. Она добродушно хлопает глазами и потихоньку мычит, знакомясь. Я чувствую, что взмок и как промеж лопаток бежит холодный ручеек.

За коровой появляется мальчишка в длинной, выпущенной из-под штанов рубашке и с хворостинкой в руках.

— Косари?

— А-а-га,— заикаюсь я и чувствую облегчение и неожиданную радость.

Мальчишка садится рядом. Он рыжий, прямо огненный, с облупленным носом и с крупными веснушками, будто брызнули на него дегтем.

— Один?

— Дед за хлебом поехал,— охотно поясняю я. Я расцеловал бы сейчас его, до того хорошо с ним среди ночи, полной всяких страстей-мордастей.

— Тебя как зовут? — спрашивает он.

— Ленька. А тебя?

— Рыжий.— И тут же спохватывается: — Яшка, по-настоящему-то.

Корова шумно вздыхает, уставясь на огонь. Яшка смотрит на нее и тоже вздыхает.

— Каждый раз ищу ее, ведьму. Силов нет никаких. Не корова, а председатель колхоза. Задерет башку и шастает по всем пашням. Одни репьи в хвосте заместо молока.

Корова лениво жует жвачку и невозмутимо слушает про себя.

— У-у, брюхастая! — грозит Яшка, ковыряет хворостиной в костре и вдруг спрашивает:— Ты в Африке был?

— Нет,— озадаченно ответил я.— А что?

— Крокодилов тама много.

— Много. А что?

— Посмотреть. Разишь не интересно? Сказывали, в Катуни щуку поймали... Огрома-адную, как крокодил. На спине мох. Триста лет жила. Ребят малых с берега стаскивала. Крокодилы такие же.

Яшка задумчиво щурится на огонь. И вправду, интересно бы посмотреть на живого крокодила.

Яшка спохватился, встал.

— Ну, прощевай.— Хлестнул корову.— Шагай, шатала!

Исчезают во тьме, будто их и не было никогда, будто приснились. Но через минуту Яшка возвращается.

— Вы кому косите?

— Лошадям.

— Знамо, не себе. Лошади чьи?

— Райкомовские.

Яшка о чем-то думает, шевеля рыжими бровями.

— Много еще?

— Все скосили!

— Ну-у! — обрадовался Яшка и лихо шмыгнул носом.— Лошадей дадите покосить?

Напористо стал объяснять:

— Понимаешь, лошади у нас обезножели. Две. Косилки есть, а лошадей нету. А у вас все равно они не у дела. Мы, понимаешь, наперегонки с другой бригадой косим. Соревнование называется. А тут лошади... понимаешь? Я из колхозу «Красный партизан». Слыхал? Мы тут соседи, наши луга за Ключаркой. А? Как?

— Не знаю,— неуверенно тяну я.

— «Не знаю»,— передразнивает Яшка.— Личные частники вы, что ли? Сейчас все друг другу помогают. Колхозы, слышал?

Нет, я не «личный частник» и про колхозы знаю, помню еще, как мне попало за то, что Ритке не помог, и даю Яшке слово переговорить с дедом. Мало того, я обещаю, что лошади будут, хотя в душе шевелится червячок сомнения: хозяин лошадей — все же дед. Он райкомовский конюх, а не я.

— Ну вот, — довольно говорит Яшка и подтягивает сползающие штаны.— Давно бы так. Ну, прощевай!

Я снова один.

Подбрасываю в костер. Ветки сначала чернеют, шипят, брызгают пеной, потом накаляются и превращаются в диковинные заросли и цветы огненного цвета. Чего только не увидишь, глядя на костер! Потом ветки начинают сереть, покрываются хлопьями пепла и мягко рассыпаются от одного только взгляда.

Сырой ивовый прут лопнул, как бомба, брызнули искры. Я вздрогнул. Костер затихал. Я подбросил веток и снова задумался, уставясь на огонь.

Уснул незаметно. Во сне видел, как Аленка-тихоня вышла из воды, и вместо ног у нее был рыбий хвост, как у русалок. Подошла и говорит: «Если бы ты не дрался, я бы показала тебе, где Воронок и куда Пронька еду нес». «Плевать,— ответил я и полез в Ключарку.— Буду я еще с тобой разговаривать, ябеда!» Нырнул и вижу, русалки хоровод водят. Значит, правда все это, а не выдумки. Подплывает ко мне русалка и говорит: «Левко, найди среди нас Воронка». «Чего это она? — думаю я.— Ленькой меня зовут, и откуда здесь Воронок?» А тут вижу, не русалка это вовсе, а опять Аленка-тихоня. И говорит она мне: «Шагай, шатала! Все равно от тебя одни репьи заместо молока». Я еще больше удивился и пошел-поплыл под водой. А вода ледяная, дрожь берет.

Проснулся от холода. Костер погас. Был знобкий предрассветный час. Я закутался поплотней в дедов полушубок и уставился на небо.

Сколько сидел в устоявшейся тишине, не знаю. По земле пробирался туман, скрадывая звуки. Поэтому, должно быть, и не слышал я, как подъехал дед. Только удивился, когда из тумана выплыл Гнедко без ног, а за ним — половина деда. Он сидел на телеге, опустив ноги в зыбкий туман, как в воду. Все это было как во сне. Заливистое ржание окончательно стряхнуло с меня дрему.

— Жив? — натянул дед вожжи.— Тпру-у, стой!

— Жив,— как можно равнодушнее ответил я. Мол, плевое дело — провести ночь в поле одному.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Сено высохло, начинаем копнить. Дед серьезен и чем-то, видать, озабочен. Часто поглядывает на лесок за озером. А я поглядываю совсем в другую сторону, где работает бригада Яшки рыжего. Я не знаю, как подъехать к деду.

— Дедушка.

— А?

— Вот тоже косят.

— Вижу.

Из-под руки дед глядит в степь, где видны разноцветные пятна рубах и тихо стрекочут две сенокосилки. Две другие чернеют неподвижно, словно подбитые птицы.

— Лошадей у них не хватает: косилки стоят.

Дед смотрит на меня.

— Привыкай напрямик говорить.

— У нас лошади стоят,— напрямик говорю я,— а у них сенокосилки. Личные частники мы, что ли?

— Ишь ты, «личные частники»! Это кто же тебя надоумил?

— Яшка приходил.

— Вона! Знакомство свел.

Я боюсь, что дед не согласится, и начинаю доказывать, что люди должны помогать друг другу. Дед слушает, не перебивая. Когда я исчерпываю все доводы, он говорит:

— Все? Эк, разъершился! Аж покраснел. Помочь можно, чего ж не помочь. Вот закончим сегодня копнить и поможем твоему Яшке.

К полудню к нам подъехал верхом Мамочка.

— Эй, косари, бог на помощь! — крикнул он, соскакивая с запыленного низкорослого конька.— Напиться не дадите?

Я притащил туесок с водой. Мамочка долго не отрывался от посудины.

— Эх, хороша водица! — крякнул он, вытер губы и снова припал к туеску.

Вода ручейком сбегала по подбородку, по кадыку, сновавшему вверх-вниз, и убегала за ворот.

Наконец он напился и закурил с дедом.

— Ну как, Данила Петрович, не примечал?

— Неприметно покуда,— ответил дед.

— А ты, парень, не видал тут, случайно, посторонних людей?

— Видал. Яшка приходил.

— Какой Яшка? — насторожился Мамочка.

Я пояснил.

— Какой же это посторонний? — сказал Мамочка.— Надо различать людей. Так ты и меня в посторонние запишешь. Во-первых, я о взрослых говорю, а во-вторых, о тех, кому здесь делать нечего. Понял? Таких видал?

— Видал.— И я рассказал все о встрече с Пронькой и о своей разведке.

— Та-ак,— протянул Мамочка.— Значит, самогон нес, вызверок? Ясно. А ты, парень, уже большой, а того не мерекаешь, что в таком деле нельзя одному. И до се молчал. Плохую ты услугу сделал. Опять как с продавцом. Понимать надо, голова-два уха.

Мамочка посмотрел на лес долгим, изучающим взглядом, будто хотел проглядеть его насквозь.

— Так мы и предполагали. Тут они. Не спугнул ли ты их ненароком своей разведкой? Ить это же надо такую мечту поиметь: самому выследить! Эх, парень, парень!

Мамочка сел на конька и тронул поводья.

— Конец Воронку приходит, вчера под ним коня убили,— сказал дед, с силой всаживая вилы в копешку.— Сколь веревочка ни вейся, а конец будет.

* * *

Встретили нас сдержанно. Крестьяне бросили работу и глядели, как мы приближаемся. Я немного растерялся, запоглядывал на деда, но он невозмутимо правил лошадей на луг. Навстречу бежал рыжий Яшка, размахивал руками и горланил:

— Я говорил, что приедут, я говорил! Ур-ра! Смерть золотопогонникам!

Четким шагом подошел к нам худощавый парень в просолевшей под мышками красноармейской гимнастерке с засученными рукавами.

— Ну спасибо,— пожал он руку деду.— Спасибо, выручили, а то, как на грех, лошади обезножели. Я бригадир.

— Чего там,— неожиданно сконфузился дед.— Дело соседское, начальство не взыщет.

Дед косит на сенокосилке, а я с ребятами под предводительством Яшки сгребаю валки хрустящего сена. Неожиданно узнаю в одной из девчонок Аленку-тихоню. Чего она здесь? Оказалось, что Яшка — двоюродный брат ее, а бригадир — дядя. Вот она тут с ним и работает. Работа идет дружно, весело.

— Ого-го! — кричит Яшка и яростно орудует граблями.— Давай, давай!

«Давай, давай! — мысленно повторяю я, стараясь не отставать от ребят.— Давай, давай!» И поглядываю на Аленку. Она тоже стреляет в меня глазами. И от этого будто утроились силы, и все по плечу, и все мы, как братья, удалые, сильные и красивые. И правда, все были красивые и родные.

День пролетел незаметно. Опомнился я, когда дед окликнул ехать восвояси.

Я распрощался с новыми друзьями и взобрался на телегу. Только теперь почувствовал усталость. Руки, ноги, спина налились чугунной тяжестью и ныли, ныли сладкой болью труда.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Мы с дедом сидим у костра и собираемся ужинать. Смеркается.

В сиреневой рыхлой густоте от рощи вышел человек. Дед перестал нарезать хлеб.

— Господи, Воронок! — приглушенно выдохнул он.

У меня гулко сдвоило сердце и покатилось в холод. Воронок! Вот он какой! Я представлял его могучим, страшенным и почему-то чернобородым великаном. А он оказался низкорослым молодым парнем. С перехваченным дыханием следил я за ним из шалаша.

За Воронком вышли еще двое. В одном из них я признал продавца.

— Леня, внучек,— жарко зашептал дед, не поворачивая ко мне головы и заслоняя спиной вход в шалаш,— тебя они не видят. Выскользни из шалаша, обратай Серка да наметом к отцу! Спаси, владычица пресвятая мать!

По-волчьи, след в след, они шли к костру.

«Скорей!» — опалила меня мысль. Обдирая пальцы и не чувствуя боли, проделал я дыру в шалаше с противоположной стороны от входа и выскользнул из шалаша. На животе, как ящерица, заюлил в березник, к лошадям.

Второпях никак не мог снять с шеи Серка балабон, и он позвякивал, а я холодел от мысли, что звон услышат бандиты. Серко беспокойно стриг ушами, упрямился, по спине у него волною шла дрожь. Наконец я обратал Серка и, подведя к пеньку, влез на него. Логом выехал на проселочную нетронутую дорогу и пустил лошадь вскачь.

В каждом кусте мне мерещился притаившийся бандит, и у меня обмирало сердце. Но, сжав зубы, я повторял: «Скорей, скорей! Если я замешкаюсь, может стрястись беда. Что там сейчас с дедом?»

Опустилась ночь.

Я въехал в березовую рощицу. Теперь самое страшное — проскочить эту рощицу. И вдруг леденящий душу хохоток раздался сбочь дороги. «Бандиты!» — задохнулся я. Хохоток смолк, и послышался плач, потом кто-то ухнул, и я, полумертвый, наконец сообразил, что это филин. Заторопил Серка. Себе говорил: «Не трусь! Ты пионер. Не трусь! А как в разведке на войне? Сотня юных бойцов из буденновских войск!..»

Наконец я миновал рощицу и выехал в поле. В свете луны я отчетливо увидел отряд конников, движущихся мне навстречу. «Вот они! — Остановилось сердце.— Бандиты!»

Я метнулся в сторону, но меня заметили тоже. «Стой!» — раздался крик. Я отчаянно колотил пятками Серка и гнал его в сторону. «Стой!» — снова окликнули меня. Хлобыстнул выстрел и громом прокатился в ночной тиши. Тягуче-тонко просвистело возле уха, холодок коснулся щеки.

Припав головой к шее Серка, я гнал его наметом, сам не зная куда.

Раздался еще выстрел, и на полном скаку Серко упал. Я пробороздил животом по жесткой гриве и со всего маху ударился оземь. Последнее, что почувствовал,— это как обрывается от удара сердце, и в голову хлынула тяжкая, черная пустота...

Очнулся оттого, что меня трясли за плечи.

— Сомлел парнишка,— говорил кто-то глухо, как сквозь вату.

— А никак Берестов мальчонка,— сказал знакомый голос, и чье-то лицо наклонилось надо мной.

Я узнал Мамочку и, сам не зная почему, заплакал.

— Эх, паря, опять ты чего-то начудил,— сказал Мамочка.— Подстрелить могли бы. Куда скакал?

— Домой. Там Воронок.

— Где? Говори быстро.

Заикаясь, я рассказал.

— На коней! — крикнул начмил, и милиционеры повскакали на коней.

— Садись на своего! — приказал Мамочка.— Он просто запнулся. Мы-то думали, подстрелили. Вот было бы делов!

Меня подсадили на взопревшего Серка, и отряд рысью взял с места. Рядом с Мамочкой я разглядел и Васю Проскурина и еще знакомых мне комсомольцев.

На нашем покосе ярко горел костер. К великой моей радости, у костра стоял дед и глядел, как мы подъезжаем.

— Ускакали по дороге на Белокуриху,— сказал дед начмилу.— Коней забрали. Воронок был и с ним двое. Продавец тут.

Отряд ускакал в погоню. Мы с дедом остались одни.

Всю ночь прислушивались, но было тихо. Дед все о чем-то думал. Раз сказал:

— Чегой-то он меня не убил? Ай потяжельше казнь придумал?

Под утро, когда занималась заря, к нам подъехали Мамочка и Вася Проскурин. В поводу у них были наши лошади. У Мамочки была завязана белой тряпкой голова. На повязке рдела кровь.

— Ушел Воронок,— сказал он.— А тех двоих положили.

Вздрагивающими пальцами свернул цигарку и стал жадно напиваться махорочным дымом. А дед вдруг обессиленно сел на пень и закрыл лицо руками.

— Ты чего, Петрович? — спросил Мамочка.

Дед, глядя на небо, сказал глухо:

— Господи, будь милосерден! Отведи руку злодея от сына моего!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Кончился покос.

Вот и отзвенели в росистой траве колокольчики, отыграли вполнеба закаты, отцвели буйные травы, но луг не стал беднее. Он изумрудится молодой отавой, и сухо-зеленые стоят стога — наш труд.

Стога остаются одни.

Мне грустно покидать места, где я узнал каждый кустик, каждое гнездо, где всласть набегался по зеленой ласковой земле.

Воз сена плывет по степи. Я лежу на нем, кусаю горькую былинку и гляжу, как высоко в небе парит орел.

Лошади порскают, дед курит и тоже глядит в бескрайнюю, омытую грозами степь.

Верхом на Рыжке догнал отец.

— Уехали уже? А я вот припозднился. Приехал, смотрю — стога.

Он едет рядом с возом, в седле сидит, как влитой. Понаторел у Буденного.

Отец жадно тянет в себя пахучий степной воздух, ноздри его прямого носа трепещут. Поглядывает на меня, подмигивает веселым бесстрашным глазом. Я тоже подмигиваю ему. Красивый, хороший мой отец! Если бы я был девчонкой, я бы поцеловал твое корявое лицо. Меня что-то тревожит, мне почему-то хочется прижаться к широкому отцовскому плечу и вдохнуть запах мужского сильного те-

ла, табака и кожи толстого командирского ремня. Но, я знаю, отец скуп на ласку и не любит нежностей.

— Искупнемся,— предлагает отец.— Давно я не купался. Да этим летом, почитай, совсем не купался, только тогда, с Эйхе.

— Давай,— соглашаюсь я.

— Ты, папаш, поезжай,— говорит отец деду.— А мы напрямик придем.

Отец соскакивает с коня, привязывает его сзади воза, и мы идем к речке.

Накупались досыта. Отдышались после догоняшек в воде и пошли потихоньку в село. Горьковатый, полынный ветер пахучими валами омывает нам лица. Мы еще не обсохли, и нам особенно приятно ощущать предвечернее тепло степи.

— Красота-то какая, а! — дышит всей грудью отец.— И все это наше!

Отец идет без фуражки. Мокрые, цвета вороньего крыла волосы гладко зачесаны назад. Корявое, бровастое лицо его со знакомыми морщинками сейчас необыкновенно красиво и мужественно. Иссинябелая скобка зубов сверкает в улыбке. Вдруг он запевает:

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы счастия ключи...

Я вплетаю свой петушиный тенорок в сильный, чуть хрипловатый голос отца и стараюсь идти с ним шаг в шаг. Грудь мою наполняет ликование и чувство большой подмывающей силы и свободы.

Мы светлый путь куем народу,
Мы счастье Родине куем...

Четким военным шагом твердо ступаем по нашей земле. А впереди бескрайняя степь и березовые рощи, желтеющее ржаное поле, и белая колокольня нашего села спичкой торчит вдалеке.

— Жизнь, она, как степь вот эта, без края,— говорит отец.

Мы подходим к березовой роще. Над нами плавно и величаво кружит орел.

— Смотри, какой матерый. Эге-ге-гей! — кричит орлу отец и смеется.

Орел вольно и гордо продолжает нести на широких крыльях свое тугое, отливающее коричневым глянцем тело. Редко взмахивая метровыми крыльями, он забирается кругами все выше и выше в поднебесье.

— Глянуть бы оттуда на землю нашу,— мечтательно говорит отец.— Эх, и велика она, красавица!

На небе одно-единственное первозданной белизны облачко. И вдруг из этого облачка ударил гром.

— Молния! — кричу я в восторге.— Молния из белой тучи!

Не откликаясь, отец широко шагнул вперед, схватился за грудь и стал падать, неловко подгибая ноги. Я, недоумевая, глядел на отца и вдруг, внутренне холодея, увидел, как сквозь пальцы его просачивается кровь. И понял я, что не гром слышал секунду назад, а выстрел.

Страх сковал меня, отнял язык. Я неотрывно глядел на отца, а он, неловко запрокинув голову, мертвенно бледнел и старался что-то сказать, но вместо слов из горла тянулся хрип. На гимнастерке под судорожно сжимающимися пальцами рдяно мокрело расползающееся пятно.

Тяжело расставался с жизнью отец. Медленно, неохотно покидала она его большое и сильное тело. Белые от боли глаза в упор глядели на меня, в мучительной немоте о чем-то говорили, что-то требовали, а я стоял, мертвый от ужаса, и ничего не делал. Отец незнакомо-бледной рукой судорожно все ласкал и ласкал зеленую землю свою...

Я пытался шагнуть и не мог. В горле рос крик, и я задыхался от него. Потом стремительно начали жухнуть краски летнего вечера, и кто-то накрыл солнечный мир черной душной шалью.

Потом, помню, бежал, дряблые ноги мягко подвертывались, я падал, вставал, кричал и не слышал своего крика.

Потом помню деда. Он шел, хватая широко раскрытым ртом воздух, шел толчками, как против ветра, и не раз споткнулся на ровном месте.

Потом всхрапывал Гнедко и дико косил фиолетовым глазом назад, где в телеге лежал отец, по-чужому восковой и суровый.

Рядом с телегой шли какие-то люди, и кто-то крепко держал меня за плечо...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Память хранит отдельные, не связанные друг с другом детали: то красный гроб на охровой ноздреватой глине перед могилой, и начмил, сжав кулак, грозит кому-то невидимому в своей речи; то окаменелое, почерневшее лицо деда, когда он поднял руку перекреститься и, не перекрестившись, сказал: «Немилосерден ты, господь. Отрекаюсь»; то дед Черемуха, который вел свою коровенку и, сдернув картуз, сказал мне: «В колхоз я вступаю, Леонид Пантелеевич»; то красное сукно на столе райкома комсомола и портрет Ленина с запекшейся кровью Фили, и Вася Проскурин говорит: «Хотя ты и не комсомолец, но даем мы тебе путевку в Бийск, в трак-

торную школу. Парень ты здоровый не по годам, ничего, примут тебя»; то стою у зеркала и не узнаю себя в похудевшем и повзрослевшем подростке с большими запавшими глазами; то вижу Надежду Федоровну с измученным лицом, с глазами, полными невыплаканного горя, и она говорит: «Я приезжать к тебе буду. Ты не скучай там, учись».

Опомнился за околицей, с котомкой за плечами.

Дед смотрит на меня выцветшими за несколько дней глазами и не то спрашивает, не то укоряет:

— Уходишь, значица? — Задумчиво глядит вдаль, тяжело опираясь на костыль.— Слухай мой наказ, как отцов. Не кривляй по жизни, ходи прямиком. Не смейся, ежли не хочешь, и попусту не плачь. Ты теперь навроде партейного, так и держись за партию, как за материн подол. Она тебе дорогу укажет. И дай бог, хотя теперь я и не верю в его, дай бог тебе быть таким, как отец.

Дед гордо выпрямился.

— Как сын мой, Пантелей, значица.— Голос его сорвался, он долго не мог перевести дыхания, наконец звонко, на высокой ноте сказал: — Ну с богом! Шагай!

И я пошагал.

Сколько ни оглядывался, дед все стоял, прямой и гордый, и мне казалось, что я вижу его суровое, горькое лицо.

Неизвестно откуда по бокам появились Федька и Степка. Долго идем молча. Потом обнялись, и у меня перехватило дыхание. Федька, не стыдясь, плакал, а Степка угрюмо сопел, глядя в землю. Потом он сказал: «А молнию золотую мы все равно найдем. Вот вернешься ты, и найдем. И всех кулаков... за отца твоего...» Они махали мне с увала, пока не стали маленькими, как букашки, а потом и совсем не стало их видно.

До покоса, где совсем недавно, счастливый, косил я с дедом, было недалеко и по пути, и какая-то неведомая сила заставила меня свернуть туда.

В блеклой синеве неба пластались холодные, взбитые ветром облака, и такая глухая, мертвая тишина стояла в этот час в степи, что сердце беспомощно сжалось от каменной, горючей тоски, и я заплакал навзрыд.

Плакал долго, захлебываясь, как ревут маленькие. Облегченный, уснул, будто в яму провалился...

Проснулся оттого, что кто-то настойчиво спрашивал: «Чьи вы? Чьи вы?» По мыску Ключарки бегал длинноногий чибис и тревожно спрашивал: «Чьи вы? Чьи вы?»

— Берестовы! — громко сказал я.

Чибис испуганно пискнул и улетел. А я посмотрел в степь, охваченную золотым пожаром надвигающейся осени, и почувствовал, как великая и грозная сила вливается в мое сердце, оттого что я стою на земле, за которую отдал жизнь отец, оттого, что я тоже Берестов.

И здесь, в омытой грозами степи, я дал клятву, что пойду дорогой отца, дорогой большевиков.

Я смыл следы слез, попил из ладоней студеной воды и пошел в степь.

Кончилось мое детство. И не вернуться мне в него. Никто не возвращается в детство. Прощай, звонкое, дорогое, невозвратное!

ПИОНЕР ДРУЖИТ С ДЕТЬМИ ВСЕХ СТРАН МИРА

РЕБЯТА! За хорошую работу, за участие в заочном фестивале разноцветных галстуков на страницах журнала «Пионер» НАГРАЖДЕНЫ ГРАМОТАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

1. Клуб «Серебряный олень» школы № 310, г. Ленинград
2. Клуб интернациональной дружбы школы № 245, г. Ленинград
3. Клуб интернациональной дружбы Дворца пионеров, г. Воронеж
4. Звено интернациональной дружбы 6-го класса школы № 28, г. Воронеж
5. Клуб интернациональной дружбы имени Фиделя Кастро школы № 82, г. Донецк
6. Клуб почемучек восьмилетней школы № 5, г. Кисловодск
7. Клуб интернациональной дружбы школы № 14, г. Мурманск
8. Клуб интернациональной дружбы Минского Дворца пионеров
9. Клуб интернациональной дружбы 7-го класса Усть-Коминской поселковой школы Красноярского края
10. Клуб интернациональной дружбы Урсалинской восьмилетней школы Татарской АССР

ПИОНЕРСКИЙ ПРИВЕТ КЛУБАМ-ПОБЕДИТЕЛЯМ!

160 ПИСЕМ АЛЕШЕ ШКАРИНУ

Вот какую огромную почту получил Алеша Шкарин от ребят, прочитавших в 7-м номере «Пионера» за этот год его стихотворение «О Красном селе».

Здравствуй, Алеша! Пишут тебе мальчики и девочки из переулка Воровского. Однажды мы сидели на лавочке и разговаривали. Почтальон принес газеты и журналы. Среди них был и журнал «Пионер». Мы прочли в журнале твое стихотворение. Оно нам очень понравилось. Нас очень взволновало то, что ты болен. Но не унывай! Мы надеемся, что ты скоро выздоровеешь, будешь опять бегать, играть, плавать, кататься на велосипеде. Давай дружить, Алеша!

Бойчук Вова,
Курилина Таня,
Загинайко Жанна.
Модленко Коля,
Крыцина Алла,
Курилин Саша,
Безуглый Вова,
Безуглая Таня,
Вышемирская Люда,
Сметанин Леня,
Левченко Витя,
Артеменко Оля,
Лихолай Лена

г. Черкассы,
Украинская ССР.

Знаешь, Алеша, у меня тоже есть брат Алеша. Зимой он лежал в больнице, у него болели ноги, а сейчас он выздоровел, и недавно на городских соревнованиях по метанию копья занял первое место. А в школе он занял второе место по бегу среди девятых и десятых классов.

Нина Рузанова

г. Стерлитамак,
Башкирская АССР.

Я живу в интернате. Твое стихотворение, которое было напечатано в журнале «Пионер», я выучила наизусть и прочитала перед всей комнатой девочек. Им, как и мне, стихотворение очень понравилось... Мужайся, Алешка, держись, мы в тебя почему-то верим. Ты же читал книгу Полевого «Повесть о настоящем человеке»? Там написано про твоего тезку Алексея Маресьева. Какой он был стойкий!!!

Тамара Шелепова

Село Знаменка,
Семипалатинская область.

Здравствуй, дорогой Алеша! Я нахожусь точно в таком же положении, в каком находишься и ты. В раннем детстве я заболел полиомиелитом. Это жестокая и зверская болезнь. И в результате я прикован к постели, парализованы ноги. Меня лечили, но, к огромному сожалению, все безуспешно. Окончил заочно семь классов. Перешел в восьмой. Учусь хорошо, конечно, иногда бывает трудно, но я стараюсь все преодолевать. У меня много друзей и товарищей. Они во всем помогают мне. Я думаю, что иметь много добрых и верных друзей — это самое большое счастье. Я понял, что жизнь прекрасна, и за нее надо бороться, несмотря ни на что.

Александр Крючков

Станция Юматово,
Башкирская АССР.

...Летом мы весь день пропадаем в лесу и на речке. На опушке леса, в зарослях кустов, мы сделали шалаш и организовали «Осот» — Отряд Смелых и Отважных. Может быть, название отряда не совсем подходящее, но мы решили пока оставить его, потому что никто не может придумать нового. Конечно, можно было бы назвать отряд «Красные орлята», но нам хочется, чтоб название состояло из первых букв каких-нибудь слов. На своем тайном собрании мы решили принять тебя в члены нашего отряда... Правда, хороших дел у нас на счету пока не так много.

Так что хвалиться пока нечем.

Алеша, когда ты поправишься, приезжай на все лето к нам, на Урал. Тебе здесь понравится, у нас здесь так красиво!.. Мы понимаем, что, может быть, ты поправишься не скоро, но «...нет на свете ничего, что длилось бы всегда...», кончится и твоя болезнь.

С горячим пионерским приветом

Беспалова Аля

Село Кашино,
Свердловская область.

...Самое главное — ешь больше, скорей поправишься, честное слово! Ты любишь яблоки? Я — очень. Когда здесь будут хорошие яблоки, я тебе пришлю, попробуешь. В общем, поправляйся, мы тебя будем ждать. У нас есть одна лишняя деревянная ложка, она будет твоей. Уху ведь хлебать приятней деревянной ложкой, правда?

Твой друг

Рая Назарова
г. Череповец,
Вологодская область.

Я живу в Ташкенте. Я тоже пишу стихи. Занимаюсь в литературном кружке. Наш руководитель — детский поэт Куддус Мухаммади... Твое стихотворение мне очень понравилось. Я перевел его на узбекский язык...

Рауф Толипов
г. Ташкент.

Здравствуй, Алеша! Я прочитала о тебе в журнале, и мне очень захотелось написать тебе письмо. Лежу я в Москве, в больнице... Лечение поддается трудно, но я все-таки надеюсь вылечиться до конца... Знаешь, Леша, есть такая пословица: «Если сильно захотеть, то гору можно сдвинуть».

Я почему-то очень верю, что в тебе найдется столько мужества, силы, чтобы побороть эту злую болезнь. И ты опять будешь бегать, кататься на велосипеде и играть в мяч. А стихи пиши, они очень у тебя хорошие... Я хочу быть хирургом, чтобы лечить таких детей, как ты, я и многие, многие ребята, которые страдают от таких болезней. Только выше нос держи! Кто мы — орлы или пичужки? Так всегда говорит мне папа, а я тебе.

С пионерским приветом

Галя Вдовикова
г. Луховицы.
Московская область.

В Томске живет наш поэт Вадим Иванов. Он больной, пятнадцать лет прикован к постели. Однако окончил институт. У него много друзей, к нему ходят и пионеры. А какие он пишет стихи! Я постараюсь найти сборник его стихов и послать тебе.

Таня Петроченко
г. Томск.

Во-первых, напишу о себе. Мне 14 лет. Я председатель совета отряда № 11. Алеша, недавно я ходила в поход в Тянь-Шаньские горы, на Голубиный водопад.

Всего мы прошли пятнадцать километров. Ночевали в роще, в палатках. Тянь-Шань очень красив. Особенно восход солнца оживляет горы. Вода на Голубином водопаде бьет с тридцати метров. Если бы ты был в этом походе, то написал бы много стихотворений.

Лида Вишневская

Село Лебединовка,
Киргизская ССР.

Я тоже люблю стихи, только не могу их писать. Зато я очень люблю петь, и не один раз выступала на конкурсах художественной самодеятельности. Ты не унывай, если тебе станет скучно или будет очень больно. Ты всегда пой песни.

Ира Хартюнова
г. Ростов-на-Дону.

Здравствуй, Алеша! Как живешь? Я знаю, у тебя не действуют ноги. У меня то же самое. Но я не унываю и хочу подбодрить тебя, хотя ко мне вот уже целый месяц никто из друзей не заглядывает.

Расскажу о себе.

Я перешла в восьмой класс, мне тринадцать лет. Собираю бабочек, жуков, коллекционирую марки. Люблю велосипедный спорт, посредством которого и сломала свои ходули. Прочитав о тебе в журнале «Пионер», я позавидовала тебе. Все-таки к тебе, наверное, ходит много ребят. Мне сейчас самой стыдно писать тебе, до какого состояния я дошла. Сижу в своем саду все дни и, увидев своих друзей, прячусь за деревья, чтобы меня не расспрашивали. Я лучше переношу одиночество, чем присутствие людей.

Я тебя прошу только об одном: пиши мне почаще письма. Извини, что безобразно написано, пишу лежа. До свидания.

Аблезгова Алла
Село Тунгоген,
Читинская область.

Дорогой Алешенька! Пишет тебе работник Клуба Юных Техников. Мои ребята написали тебе письмо и сообщили мне об этом. Мне самой очень захотелось написать тебе... Ребята дали мне слово, что как только получат от тебя ответ, то пошлют снимки о нашем клубе и свои фотографии. С тобой они хотят крепко дружить. Возможно, мы еще раз поедем в Ленинград и обязательно зайдем к тебе. Будем надеяться, что ты к этому времени поправишься и будешь встречать нас на вокзале и наша заочная дружба перерастет в дружбу очную. Если будешь проезжать через Москву, обязательно напиши об этом нам, и мы будем все на вокзале...

Обнимаю и целую тебя. Твой старший друг

Екатерина Гавриловна Ракович
Москва.

Алеша Шкарин отвечает всем ребятам:

«Каждое письмо мне помогло»

Дорогие друзья!

Я получил много хороших и искренних писем. Большое спасибо за внимание. Я никогда не думал, что у меня может оказаться столько хороших друзей.

Мне недавно исполнилось четырнадцать лет. Я учусь в седьмом классе. От школы я не отстаю. К нам в Педиатрический институт приходят учителя и нам ставят отметки, которые потом идут в табель.

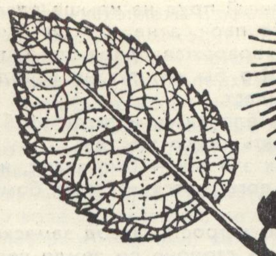
Ко мне часто приходят школьные товарищи. Особенно часто у меня бывают Сережа Алехин, Таня Феклина, Юра Пылаев, Ира Воробьева. Часто навещают учителя, у которых я учился в школе.

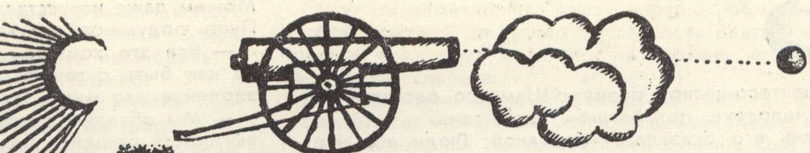
Скучать мне некогда. У меня совсем нет свободного времени. В палате я один из самых старших. Читаю малышам книжки, рисую картинки. Иногда помогаю младшеклассникам делать уроки. Много времени отнимают лечение и свои уроки. Почитать тоже хочется. Недавно я прочел «Трех мушкетеров» и «Цусиму», сейчас читаю «Всадника без головы».

Стихи я писать продолжаю, но в больнице трудновато.

Я бы очень хотел ответить на каждое письмо в отдельности, но это мне просто не по силам. Но каждое письмо мне помогло. Как-то радостно становилось на душе, когда я читал письма. Они поддержали меня в трудную минуту.

Алеша Шкарин

100 вариаций на тему старой сказки

Владимир ОРЛОВ

Рисунки О. Зотова.

Есть одна народная сказка, пересказываемая на разный лад.

Идут сестры: добрая и злая. Идут и видят: попала в беду ничтожная мелюзга: в одной сказке — мышь, в другой — рыбешка, в третьей — жучок. Злые сестры чванно проходят мимо, и лишь добрая сестра выручает несчастную мелюзгу. Отсюда и начинается сказка. Мелюзга оказывается волшебницей и в награду делает счастливой добрую сестру. Злые сестры губы кусают от зависти.

Эта сказка недаром живет в народе. Иногда мы ведем себя так, как злые сестры. Мы иной раз, не глядя, проходим мимо явлений ничтожных, мимолетных, неуловимых. А они оказываются огромной силой.

Веками неотступно думали люди и над тенью, и над дымом, и над пузырями и над искрами, и над солнечными зайчиками, и над пылью, и над эхом, и открыли в них лютых врагов, и нашли в них верных друзей.

О них написана эта книжка. Сто вариаций на тему старой сказки.

О ТЕНЯХ

О, тени, тени черные,
Кого вы не нагоните, кого не перегоните.
Одних вас, тени черные,
Нельзя поймать, обнять.

Н. А. НЕКРАСОВ.

1

Один человек мечтал стать архитектором, чтобы выстроить город, где жилось бы легко и радостно, без печалей, болезней и житейских неурядиц. Человек даже нарисовал этот город и принес рисунки знакомому зодчему. Зодчий взглянул на перспективы и планы и сказал:

— Вы затеяли строить Город Радости, а изобразили Город Грусти. Вы обо всем подумали, все предусмотрели — статуи, арки, колонны, фонтаны на площадях,— не подумали только об одном — о тени. Вы заботились о том, как встанут арки и колонны, но не позаботились о том, как ляжет тень. Это жестокая ошибка. Тени протянутся как попало, город закроет сплошной теневой покров. Будет сер и сумрачен город без солнца. У людей будут бледные лица и печальные глаза. И болезни не выведутся в городе. Вы решили, что тени — это пустяк, и махнули на них рукой, а они словно обиделись на вас и испортили всю вашу работу...

Так говорил старый зодчий, а мы добавим, что немало найдется работ, где приходится думать о тенях.

2

В фантастической повести Шамиссо рассказывается о человеке, потерявшем свою тень.

Жизнь его оказалась несладкой. Люди его чурались, невеста бросила. Трудно приходилось человеку без тени.

Есть, однако, люди, проклинающие свою тень. Это хирурги.

Во время ответственных операций при свете ярких электрических ламп тень от рук хирурга путается тут же, словно пара чужих черных рук.

Можно, казалось бы, светить косыми лучами. Поставить лампу сбоку и увести тем самым эти посторонние, мешающие глядеть «руки». Но тогда от ничтожных выпуклостей тела, от хирургических инструментов протянутся длинные тени, как от холмов и деревьев в лучах заходящего солнца. А в глубоких надрезах будет темно, как в оврагах.

Нет, так делу не поможешь.

Лучше поставить с боков две лампы, чтобы они светили друг другу навстречу. Тогда нож хирурга даст две бледные тени, расходящиеся в разные стороны. Но и эти тени будут мешать.

Придется взять несколько ламп и подвесить их над операционным столом по широкому кольцу. Эти лампы отбросят от ножа целый венчик легчайших, призрачных теней, перекрывающих друг друга, словно лепестки ромашки. И если взять много ламп, то так много появится этих лепестков и такие они будут легкие и призрачные, что глаз их перестанет замечать. Нож хирурга утратит свою тень.

Так исчезают тени в вестибюлях метро, где множество люстр светит со всех сторон.

Бестеневое освещение есть во всех хороших операционных.

Правда, много ламп над операционным столом не зажигают: огненное кольцо жгло бы тело больного, разогревало бы операционный стол. Зажигают всего одну лампу. Но вокруг нее в широком абажуре подвешивают пояс из плоских зеркал. Лампа отражается в зеркалах, отражения глядят из всех зеркал, словно множество ламп подвешено по кольцу.

Так устроены бестеневые светильники. В их лучах хирург теряет свою тень, как герой повести Шамиссо.

3

Про друга, преданного и неразлучного, в старых книгах писали: «Он следовал за ним, как тень».

Но тень верным другом назвать нельзя. На войне тень — враг и предатель. Особенно при атаке с воздуха.

Вражий глаз с бомбардировщика прежде всего замечает тень. Это понятно. Мудрено заметить сверху телеграфный столб, если видна лишь его макушка — кружок величиной с блюдце. Зато тень столба во всю длину распласталась по земле и отлично видна с воздуха.

Летчики, не колеблясь, пикируют на тень и без ошибки поражают объект.

Когда-то во время войны решали такую задачу: защитить с воздуха военный завод.

Инженеры говорят:

— Мы раскрасим завод в разные цвета. Нарисуем на крыше пестрые клумбы и желтые дорожки. Можем даже искусственный пруд на крыше сделать. Пусть подумают, что это парк, а не завод.

— Все это хорошо,— возражает директор,— только как быть с тенью? Что бы мы тут ни городили, злодейка нас мигом выдаст.

— Мы обсадим завод елочками, и тогда он будет выглядеть рощей и давать такую же тень.

— Опять неладно. Как это так — был завод, и нет завода. Летчики сразу догадаются и будут бомбить рощу.

И тут придумали такую хитрость. Завод замаскировали елочками, а где-то в стороне по земле черной краской нарисовали его тень. Завод разлучили с его тенью. Так они и зажили врозь.

Прилетали самолеты и бомбили тень. А завод работал в рощице как ни в чем не бывало, выполняя свою боевую программу.

4

Многие открытия и изобретения строятся на гениальном «чуть-чуть». Человек чуть-чуть меняет форму вещи, и предмет приобретает небывалые свойства. В этом — высший пилотаж фантазии, настоящее изобретательское счастье.

Вот прозрачное стеклышко. Оно не дает тени. Но попробуем чуть-чуть изменить его форму — придадим ничтожную выпуклость его плоскостям,— и оно начнет отбрасывать тень.

Убедитесь сами. Поднесите очки для дальнозорких к освещенной стене. От прозрачных, но выпуклых стекол лягут на стену черные тени, как от пляжных очков. Только в центре черных теней сохранятся и словно зажгутся ярче круглые пятнышки — зрачки.

Правда, можно спорить, тени ли это. Настоящая тень появляется там, где предметы загораживают свет. А прозрачные выпуклые стекла ничего не загораживают. Они только изменяют распределение света, собирают его в узкие светлые пятнышки, оставляя по соседству неосвещенную площадь.

Бывает, лежишь ночью и глядишь, как одинокий фонарь отбрасывает на стену тень окна, и видишь, что светлые пятна заштрихованы, что на них как бы тень решетки. А оконные стекла совершенно прозрачны, и, конечно, никаких решеток на них нет.

Тогда догадываешься, что плоское с виду стекло имеет на самом деле сложную форму и поверхность его покрыта еле ощутимыми выпуклостями — волнами. Вот они-то и перераспределяют свет, собирая его в яркие полосы с теневыми промежутками.

— Так оно и есть! — подтвердят стекольщики.— На любом оконном стекле среднего качества остается волна от валиков стеклоделательных машин...

Зыбкое кружево теней на песчаном дне водяного потока — это тоже след его легкого волнения...

Человек чуть-чуть меняет форму вещи, и предмет приобретает почти волшебную силу.

Если чуть-чуть прогнуть плоскость воздушного змея, то она приобретает могучую подъемную силу, превращается в крыло, несущее самолет. Эта сила рождается игрою воздушных потоков, обтекающих крыло.

Авиаконструкторы, штурмуя скорости и высоты, страстно ищут этот гениальный прогиб — профиль крыла. Поиск ведется в аэродинамических трубах.

Современные трубы похожи на духовое ружье со стволом величиною с тоннель метро. В тоннель помещают испытуемое крыло или его маленькую модельку. Лязгают затворы газгольдеров — стальных

легких, где накоплены громадные объемы сжатого воздуха. Выстрел походит на затянувшийся выдох. Ураганный воздушный поток налетает на модель, а весы замеряют силы, подхватившие крыло.

Так в упорных испытаниях совершенствуется профиль крыла. Незначительные изменения формы повышают подъемную силу, уменьшают сопротивление движению.

Авиаконструкторы стремятся проникнуть взглядом в игру воздушных струй, но они прозрачны для света и поэтому незримы, как уэллсовский Невидимка.

Тут кому-то вспомнились и волны на прозрачных оконных стеклах, дающих полосатые тени, и живое теневое кружево, рожденное волнением речного потока. Появилась надежда увидеть невидимку.

На одном боку аэродинамической трубы установили экран, на другом — яркую лампу. И когда началась продувка модели, на экране, как на дне ручья, появилось теневое кружево. Это была тень невидимки, тень воздушных струй, обтекавших крыло.

Лучи света пронизывали «пестрый» воздух, где текли, и свивались, и вихрились струи различной плотности. Они действовали, как линзы, перераспределявшие свет, и поэтому создавали нечто подобное тени.

Теперь стало легче сообразить, куда двигаться конструкторской мысли, как менять форму крыла.

Так игра теней помогает в поисках того «чуть-чуть», от которого рождается могущество формы.

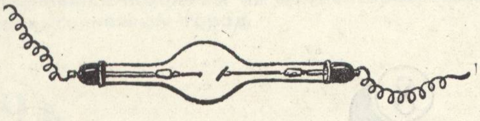
5

Считают, что тени вещей беднее, чем сами вещи, и не всегда возможно по теням составить себе представление о вещах.

Но бывают такие богатые тени, что в них удается открыть и то, чего обычным глазом в вещах не разглядишь.

Физик Рентген возился с пустой стеклянной трубкой, пропуская сквозь нее электрический ток.

Трубка была закутана черной бумагой. Рентген работал в полной темноте.

Вдруг он заметил, что кусок картона, обмазанный особой краской, внезапно засветился. Рентген протянул к нему руку и увидел на картоне костлявую тень руки скелета.

Это была тень его собственных костей.

Оказалось, что трубка испускала невидимые лучи. Их потом назвали рентгеновскими лучами. Они проникали сквозь самые плотные преграды. Мышцы и мускулы были для них все равно что папиросная бумага, и только кости служили отчасти препятствием, а поэтому отбрасывали тень.

Получились очень содержательные тени. В них отчетливо были заметны и пули, засевшие в теле, и тайные переломы костей — все, чего нельзя было увидеть глазом и прощупать рукой.

Тридцать пять лет назад немецкий врач Форсман загорелся идеей: сделать тонкую, гибкую трубку — катетер и ввести ее через вену руки прямо в собственное сердце. Он хотел прощупать, что творится в предсердиях и желудочках внутри живого человеческого сердца.

Друзья отговаривали Форсмана, но исследователь стоял на своем. Он надрезал себе вену на руке у локтевого сгиба, осторожно просунул туда длинный и гибкий катетер и стал медленно проталкивать его по направлению к сердцу, по течению крови в вене. Исследователь продвинул катетер на глубину в тридцать пять сантиметров, но опыт пришлось оборвать, потому что в панике убежал его ассистент. Он представил, как дрогнет, затрепещет, а вдруг и остановится сердце, когда гибкая резиновая трубка прикоснется к его стенке изнутри.

Через неделю Форсман повторил опыт уже один, без участия слабонервного коллеги. Он проделал над собою операцию в темном рентгеновском кабинете, глядя в зеркальце на экран, как движется от локтя к плечу и тихо вползает в сердце тень резиновой змейки.

А сколько исследователей в мире, на пороге открытия, переживают такое стеснение в груди, словно тихая змейка вползает в их нетерпеливое сердце!

6

Помните, какую залихватскую штуку отколол, расхваставшись, старик Хоттабыч — всемогущий герой волшебной сказки? Он взял в плен духовой оркестр, скатал его в шарик и запрятал в ухо.

Но, пожалуй, еще более дерзкие чародейства, и не в сказке, а наяву, совершает атомная техника.

Вот, глядите, шарик. С горошину. Влезет в ухо. А способен заменить нечто более сложное, чем оркестр,— современную мощную рентгеновскую установку. Да, огромную установку, занимающую целый зал, со сложнейшими трубками и генераторами молний.

Шарик сделан из нового вещества, получаемого в атомных реакторах,— радиоактивного изотопа кобальта-60. Денно и нощно, в жар и в холод оно испускает невидимое гамма-излучение, даже более пронзительное, чем рентгеновские лучи. И просвечивает насквозь непрозрачные предметы, оставляя на светящемся экране или фотографической пленке разнообразные тени.

Вихрь идей зарождается в изобретательской голове! Уже видится в воображении рентгеновский аппарат, не нуждающийся в электрическом токе, такой маленький, что может поместиться в кармане...

Не выйдет! Шарик мал, но его не запрячешь в ухо: излучения его смертельны.

Он совсем безобидно выглядит, этот маленький холодный кусочек металла. Но обманчива внешность! Если тронуть шарик или на миг очутиться близ него, случится нечто непоправимое. Через несколько минут вас охватит смертельная слабость, сонливость, головная боль и тошнота — первые признаки грозной лучевой болезни...

Радиоактивное излучение нельзя погасить, как свет лампочки,— от него можно только заслониться.

Шарик мал, но его приходится запрятывать в кожух, защищающий человека от опасных излучений. Чтобы затенить столь пронзительные лучи, нужен кожух — что-то вроде увесистой груши из чугуна и свинца, где бы шарик утонул, как маленькая косточка. Груша будет в тысячи раз тяжелее шарика.

Не поместится аппарат в жилетном кармане! На кронштейнах аппарата для гамма-просвечивания висит огорчительно массивная груша. Шарик связан с гибким тросом и, когда потянешь за трос, прячется в канал, просверленный в теле груши, как червячок в свою норку. Перед тем как просвечивать металлическую деталь, под нее подкладывают фотографическую кассету, а потом выпускают из норки шарик. На фотографической пленке проявляются темные кляксы и разводы — это тени тайных изъянов металла — раковин, трещин — грозных призраков будущих аварий.

И хотя аппараты не получились карманными, они все же произвели настоящую революцию в своем деле. Они очень пронырливы и свободно могут забраться туда, куда рентгеновская установка со своим громоздким хозяйством не пролезет: в закоулки стального судового корпуса, в котел, газопровод, цистерну... Раньше детали носили на просвечивание, а теперь просвечивание пришло к деталям. Гора шагнула к Магомету.

И это выручает! В век высоких скоростей, температур и давлений машины выполняют особенно трудную, ответственную работу. Мы должны быть уверены, что они из здорового, прочного металла. Тени помогают увериться в этом. Перед тем как выдать путевку в жизнь кораблю и мосту, котлу и турбине, инженеры советуются с многознающей тенью.

7

С урожаем иногда случается неожиданное несчастье: полегают на поле хлеба. Стоит в поле прекрасный урожай, тянутся ввысь и гордо шумят колосья, и вдруг все это никнет к земле, словно у стеблей подкосились ноги. И тогда к хлебам не подступиться ни комбайном, ни жаткой. Урожай приходится убирать прадедовским способом, вручную. А где взять людские резервы, если все рассчитано на комбайн?!

Чтобы избежать беды, селекционеры, переделывающие растения, терпеливо, хотя и не с очень большим успехом, стараются вывести стойкие, неполегающие сорта пшеницы и ржи.

Один старый агроном говорит:

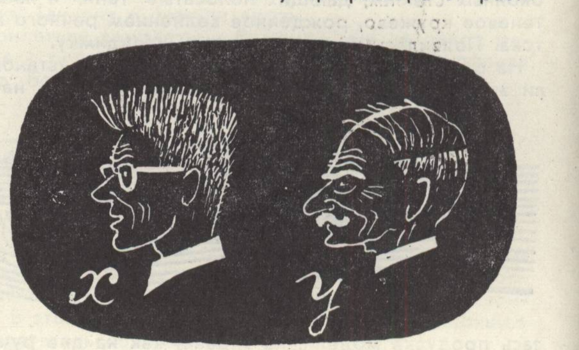
— Выведение неполегающих сортов пшеницы, конечно, благородное дело, и поэтому желаю вам всяческих успехов. Что касается меня, то я сразу же, хоть на будущий год, берусь любой существующий сорт сделать неполегающим!

— Каким же образом?

— Надо сеять пшеницу реже, чем вы сеяли, чтобы шире стояли стебли, и тогда они не будут ложиться. Получится гарантированный урожай.

Предложение агронома, как всякая необычная мысль, породило вопросы и споры.

Стали спрашивать, что подсказало ему эту странную идею, и прозрачно намекать, что она противоречит здравому смыслу. Не надо идти на поле, а достаточно поглядеть на взъерошенные головы спорщиков. И тогда, мол, все прояснится. Вот, к примеру, у доцента X. густые волосы, и поэтому они стоят торчком, так что самый яростный гребешок уложить их не в силах. А у профессора У растительность редкая, и волосики полегли на лысину. Значит, гуще надо сеять, а не реже? А?

Агроном отвечает:

— Я работаю в поле, а не в парикмахерской и обязан мыслить как полевод, не как цирюльник. А идея мне подсказана тенью.

— Что же вам напророчила ваша вещая тень?

— Замечали ли вы когда-нибудь, как бледны людские лица в городе небоскребов? Они бледны потому, что солнце не заглядывает в каменные ущелья и лежит в них круглодневная тень. Царство тени напоминают мне и густые посевы пшеницы. Солнце никогда не ласкает основания стеблей, и они развиваются в вечной тени, бледными и мягкими, словно белые ростки картошки, проросшей в подвале. А раз основания стеблей мягкие, то они не могут поддержать высокие колосья, и они полегают. Тени валят зерновые, словно смерть косой.

Специалисты изучали основания стеблей полегшей пшеницы и пришли к заключению, что агроном прав. Виноваты тени!

С той поры избегают сеять зерновые излишне густо, чтоб не создавать зловещего царства теней.

8

Лист растения — это цех зеленой фабрики. В нем идут удивительные технологические процессы. Здесь из мертвых минеральных солей под влиянием солнечной энергии производятся живые органические вещества — топливо и пища. Вся эта головоломная технология называется фотосинтезом. Химики-технологи с завистью поглядывают на зеленый лист: ведь разгадка тайны фотосинтеза только начинается. Эх, уметь бы владеть фотосин-

тезом! Вот когда бы открылся человечеству новый энергетический век, побогаче, чем век атомной энергии!

В головах уже рисуются заводы «растительного горючего», действующие так же, как громадный искусственный лист, поставляющие топливо вместо лесов, оскудевших под пилой дровосека.

Вот когда бы открылась пора изобилия продуктов питания, золотая пора!

В головах уже рисуются заводы «растительной пищи», где аппаратура химической технологии заменила сельскохозяйственные культуры, зеленеющие на бескрайних полях, поливаемых потом земледельца.

Но увы! Еще не разгадана технология цехов зеленой фабрики.

В разных листьях, как и в разных цехах, производство идет по-разному. Есть на стебле большие, сочные листья, «выполняющие и перевыполняющие программу», есть и хилые листочки, прозябающие «в прорыве». И если бы сидел в каждом листе, как в цеху, начальник, то, возможно, завязался бы такой разговор:

— Почему вы отстаете, почему плететесь в хвосте? — спрашивает своего соседа начальник одного из листьев.— Видно, плохо занимаетесь организацией производства!

— У нас есть на то объективные причины,— отвечает начальник хилого листа.— Мы испытываем трудности в снабжении энергией. Ваш прославленный сочный лист дает столь широкую тень, что для нашего листика не хватает солнца.

Да, не так-то уж рационально, как кажется, распланировала цеха своих зеленых фабрик природа. То и дело один лист затеняет другой. И ученые-селекционеры, переделывающие растения, поправляют природу.

— Мы пока еще не можем искусственно вести фотосинтез,— рассуждают они,— но попробуем помочь естественному процессу!

Они вертят в пальцах зеленый росток, напряженно размышляя:

— А нельзя ли так повести селекцию, чтоб улучшить планировку листьев?

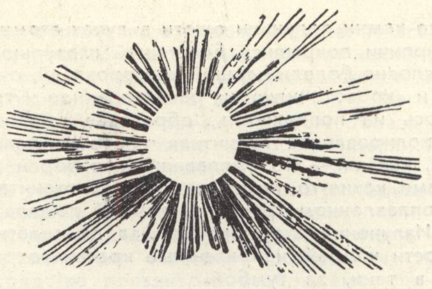
И становятся похожими на архитекторов, проектирующих солнечный город.

9

В XVIII веке во Франции придворная знать до того много тратила на роскошь и увеселения, что финансы страны стали трещать и министру финансов Этьену де Силуэт пришлось урезонивать богачей грозными речами.

Министр призывал экономить на всем, даже на портретах.

Надо сказать, что портреты в те времена стоили страшно дорого. Фотографии тогда не было, и портреты заказывали искусным живописцам.

И вот один французский художник вспомнил древнюю выдумку.

Люди давно заметили, что тень человека на стене удивительно схожа с оригиналом, особенно когда человек стоит в профиль, и, если эту тень поймать и вставить в рамку, получится прекрасный портрет. Художник стал ловить людские тени, делать из них портреты и на этом деле приобрел много заказчиков.

Заказчик смирно сидел перед белым листом бумаги, а художник прилежно обводил карандашом его тень.

Карандашный обвод внутри заливался тушью.

Угольно-черная тень навсегда запечатлевалась на бумажном листе. Бумагу вставляли в рамку и вешали на стену.

Это были такие дешевые портреты, что салонные остряки окрестили их по имени бережливого министра портретами а ля Силуэт.

Министр умер, про министра забыли, а черные профили продолжали красоваться на стенах, и название «силуэт» осталось.

Силуэты были в большой моде, их уменьшали до карманных размеров и носили с собой.

И когда Вертер хотел взглянуть на портрет Лотты, то глядел на маленькую тень, которую хранил у себя на груди.

10

Существует печальная коллекция силуэтов, над которой будет вечно скорбеть человечество.

Когда американцы бросили бомбу на Хиросиму, японцы даже не догадывались, какая злая сила уничтожила их красивый город. Они сделали сообщение, что Хиросима разрушена в «результате катастрофы».

Город с прекрасными зданиями, где в течение столетий, как известь в сталагмитах, отлагались по каплям талант и труд поколений, в один миг превратился в первобытную каменную пустыню.

Только кое-где сохранились в ней предметы, опаленные, как крылья Икара: словно бы увядшая, сплющенная жаром бутылка, газовая плита с потеками чугунных сосулек, словно бы подтаявший автомобильный мотор с костлявой рукой скелета, приварившейся к металлу.

Даже камни получили ожоги в лучах атомной топки: кирпичи покрылись блестящей глазурью, минералы словно болели паршой или проказой, они «плакали» и «кровоточили», их расплавленное нутро просочилось на поверхность, образовав странные лишаи; полированная гранитная тумба оказалась колючей, как еж,— это выплавились из пор и застыли иголками какие-то тугоплавкие части гранита.

На оплавленном грунте за тумбой лежала вечная тень. Излучения атомного взрыва обесцветили поверхности камней, и природные краски сохранились лишь в тени, за тумбой.

Чем внимательнее велись поиски, тем все больше печальных и странных теней находили на камнях: тени трав и цветов, тени детских рук и женских профилей, драматические тени мужских фигур, охваченных потрясением. Ни людей, ни трав не было — они сгинули, испарились, распались на атомы в ядерном взрыве, но тени их остались. Что-то вроде этого остается в брошенных комнатах, на выцветших обоях, на местах, где висели картины и портреты.

Тени... Тени...

Японский геолог Нагаока первым стал собирать опаленные камни вблизи атомного взрыва и отмечать их положение на карте и кончил тем, что составил коллекцию теней. Он собрал 6 542 странных обломка.

Тени Хиросимы чуть не убили его. Образцы камней оказались радиоактивными, и он заболел лучевой болезнью.

Ему больше повезло, чем десяткам тысяч японцев. Он выжил. А свои наблюдения описал в сочинении, испещренном сотнями цифр.

Оказалось, что тени Хиросимы не слишком длинны и лежат хороводами, кольцо в кольцо. Значит, нечто, что сожгло Хиросиму, находилось над центром хороводов теней, в высоте, над землею.

Вспомнив формулы солнечных часов, Нагаока по длине и углам теней подсчитал эту высоту. То была тщательно скрывавшаяся противником высота, на которой взорвалась бомба. Именно здесь, на этой высоте, и повисла на парашюте кошмарная люстра, ярче тысяч солнц.

Люди унесли с собой в могилу подробности катастрофы, но их навеки запечатлели тени и будут вечно показывать в суровом молчании на средоточие зла, на вершину растаявшей башни атомного взрыва.

Пепел и тени Хиросимы живут в сердце каждого. Люди не допустят, чтобы мир превратился в загробное царство, чтобы царство теней — эта траурная фантазия древних — утвердилось на земле.

11

Древняя легенда рассказывает, что театр теней родился из дерзкого розыгрыша. К одному императору явился странник и назвался волшебником. Он поклялся, что может вызывать на экране тени разных людей и предсказывать их судьбу.

Человеку разрешили показать свое искусство. В темноте засветился бумажный экран, и на нем разыгралась жуткая сцена: появилась теневая фигурка самого императора в полном парадном облачении, а навстречу полз дракон. Зрители-придворные оледенели от ужаса.

Конечно, император разобрался, сообразил, что его разыграли. Он понял, что волшебник вырезал из бумаги силуэты заранее и отбрасывал свечою их тени на промасленный экран.

Изобретателю, как водится, отрубили голову, но искусство его осталось жить, превратилось в театр теней. Тени исполняют роли сказочных героев и разыгрывают спектакли на современные темы.

Я не вижу ничего особенного в испуге суеверных людей, вспоминая об удивительном театре теней, поразившем москвичей в двадцатые годы.

В Большом зале Консерватории, где в те годы давали киносеансы, объявили таинственный аттракцион — «Чудеса теней». Зрителей радовали приятным сюрпризом — в приложение к билету выдавали забавные очки, похожие на светофор: правый глаз — зеленый, левый — красный. Через них надлежало смотреть происходящее на экране.

На экране, сверкавшем перламутровыми красками, кривлялась тень трубочиста с лестницей.

Вдруг внезапно теневая лестница стала падать в зал: вот-вот хватит по темени перекладиной. Люди охнули и втянули головы в плечи.

Дальше — крепче!

Из-за рамы экрана выполз страшный паук, закачался на паутине с нарастающим размахом. Все грознее и все шире размах, все глубже в зал залетает отвратительный маятник, вот-вот смажет вас по лицу!

Шум, визг, паника!

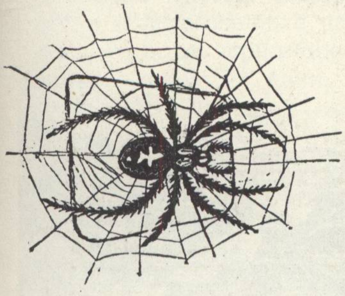
Не древние суеверные люди, а почти что современники наши, просвещенные москвичи оледенели от ужаса.

Лишь когда пришли в себя, разобрались в секрете. Но им достался орешек покрепче, чем тому императору.

Человек потому умеет определять расстояния, что глядит на мир двумя глазами. Они выглядывают исподлобья, как объективы дальномера из орудийной башни.

Два глаза — это большое преимущество. Вы можете спокойно сыграть в пинг-понг с циклопом, он в два счета продует партию: будет мазать по мячу.

Одноглазый герой сказки потому так неловок, что лишен природного дальномера, образуемого двумя глазами, и поэтому не может как следует ощущать расстояния. Мы же потому так верно оцениваем расстояние, что более близкие предметы оба глаза начинают воспринимать по-разному. Мозг мгновенно улавливает маленькую разницу и поспешно делает заключение, что предмет близок.

Эту торопливую поспешность в выводах и использовали для всеобщего розыгрыша изобретатели представления «Чудеса теней».

Изобретатели стали думать, как бы это втереть очки зрителям, чтобы оба глаза на одном и том же месте видели разное — каждый глаз свою, только для него предназначенную тень. Выяснилось, что очковтирательством надо заниматься в самом буквальном смысле. Надо раздать зрителям те самые красно-зеленые очки, о которых говорилось вначале.

На экран отбрасывают не одну, а сразу две тени. Одну красным фонарем, а другую — зеленым. Глаз, глядящий через красное очко, видит только «красную тень», но не видит зеленую, а другой глаз сквозь зеленое очко видит зеленую, но не видит красную. Обе тени отбрасывают двумя кинопроекторами, а цепочки кадров на кинолентах, создающих движение теней, неодинаковы. В них постепенно возникает и углубляется та самая разница, которая улавливается мозгом, когда предмет приближается к носу. Мозг, конечно, поддается на обман и делает выводы, будто тень паука на паутинке качнулась за пределы экрана и вот-вот коснется мохнатой лапой лица. Так сильна эта иллюзия, что нельзя от нее отрешиться, даже если знаешь, в чем дело!

Тень впервые «оторвалась» от экрана.

Разумеется, история аттракциона завершилась счастливее, чем история рождения теневого театра. Никому не отрубили голову. Наоборот, принцип был подхвачен многими из тех, кто носит голову на плечах. Из него потом родилось стереокино.

12

В «VII Книге Государств» древнегреческого философа Платона есть такая аллегория человеческого существования. Люди подобны связанным узникам в пещере, обращенным лицом к стене. И все, что они видят, — это только тени на стене от каких-то неведомых высших предметов, проносящихся за их спиною, перед входом в пещеру.

Историк философии заметит в этом образе ложный, беспросветный взгляд философа-идеалиста на человеческое существование.

Историк техники с интересом усмотрит здесь первое упоминание о световой проекции.

Историк искусств отметит с горечью, что в этом первом упоминании световая проекция выступает не как средство правдивого отображения действительности, а как средство ее искажения.

Да, еще много имеется людей в буржуазных странах, которые хотели бы превратить установки световой проекции, миллионы темных залов кинотеатров в подобие «платоновых пещер», превратить миллиарды кинозрителей в связанных узников, обращенных глазами к экранам, где кривляются лживые тени жизни.

С каждым годом растут и множатся киностудии — фабрики теней.

Я был в центре американской кинопромышленности, в Голливуде. Это целый город, готовый по взмаху режиссерской руки изменить свое лицо, стать Нью-Йорком или Вавилоном, Афинами или Парижем... Съемки кинобоевика стоят миллионы долларов, в них участвуют десятки тысяч статистов. И тогда режиссер становится похожим на полководца, руководящего сражением. В результате на экранах появятся тени. Сражения теней.

Бой идет за душу человека. Недаром Голливуд называют «фабрикой грез». Сколько фильмов выпускается здесь с одною целью — убаюкать человечество грезой о том, что все люди равны и нет в мире угнетателей и угнетенных и нет в мире лучше общества, чем капитализм, где каждый может найти свое счастье!

Недаром Голливуд называют «фабрикой ужасов». Сколько фильмов выпускается здесь с одной целью — отравить молодые души жестокостью и насилием, сделать их глухими к светлым идеалам человечества!

Но как бы ни старались буржуазные идеологи переманить на свою сторону хороводы серых теней, настоящее большое кино не стало средством искажения жизни. Оно сделалось самым могучим средством правдивого отображения действительности.

В первом ряду прогрессивных кинематографистов мира находятся мастера советского кино. Они считают кинематограф самым важным и самым массовым из искусств. На советских экранах родились могучие тени — красный флаг «Броненосца Потемкина», треугольный парус чапаевской бурки.

Кинотени — волшебные тени. На их крыльях человек облетает земной шар, совершает путешествия в прошлое и будущее. За какой-нибудь час они могут вложить в человеческую душу целую великую книгу. И ее язык понимает каждый.

Раньше тени были немыми, а теперь они научились говорить.

Они стали цветными и сверкают всеми красками жизни.

На экранах мира идет борьба теней, борьба идеологий. Наши кинотени стоят за правду. Они борются за Мир, Труд, Свободу, Братство, Счастье человечества.

ПЯТЬСОТ ДОЛЛАРОВ

Малайя, Сингапур.

В. ЗАХАРЧЕНКО. Фото автора.

После двадцати дней непрерывного морского пути, когда перед глазами днем и ночью вставал лишь округлый горизонт, дважды в день украшавшийся яркими восходами и закатами, мы попали наконец в гавань.

И какая картина открылась нашим глазам! У горизонта поднимались голубоватые холмы, поросшие сочной тропической растительностью. Деревья росли в несколько этажей. Более крепкие пробились сквозь зеленую массу и могуче возвышались, раскинув редкие ветви.

Портовые сооружения как бы повторяли природу. К холмам жались дома. Их было много. И были они совсем разные, напоминая многоярусный тропический лес.

Несколько небоскребов с призматическими гранями, словно растолкав соседние здания, стояли посреди панорамы. А у воды, там, где виднелись служебные постройки, открывался еще один город — город на плаву. Тысячи джонок и сампанов с нарисованными на них огромными немигающими глазами тесно, борт о борт, заполнили всю лагуну порта.

Мы с интересом рассматриваем эту удивительную и непонятную жизнь, отмеченную самой неприкрытой нищетой.

Тощая коза грациозно перешагивает с лодки на лодку. Плачет голый ребенок над самой водой. Перекликаются, выглядывая из-за драных циновок, полуобнаженные старики. Тут же, на деревянной палубе, занимается своим незамысловатым хозяйством женщина: у костра, разложенного на ржавом куске железа, она готовит какое-то блюдо из осьминога.

Сочетание ослепительных современных небоскребов с этой трагической жизнью на плаву, не менявшейся, быть может, сотни лет, потрясает воображение. Так жили многие поколения малайцев...

* * *

Несколько часов спустя мы уже шагали по улицам Львиного города — так в древности называли Сингапур.

Сновали автомашины, раскрашенные в три, даже в четыре цвета. Таких оттенков я никогда еще не видел: изумруд с апельсином, голубизна моря с розоватостью зари, черные крылья, золотистый верх, красные боковины!..

А рядом, словно тень прошлого, неслышно сновали рикши. Современный рикша, с эмалированным номером на руке, уже не бежит впереди маленькой тележки. Нет, он крутит велосипедные педали. Но в украшенной драконами и замысловатой росписью кабине попрежнему сидит человек.

Все быстрее крутит педали рикша. Ведь ему приходится соревноваться с автомобилями, с двадцатым веком!

Самое шикарное здание Сингапура — «Рафлз-Отель». Так назвали гостиницу в честь английского полковника Рафлза — «благодетеля» острова. Некогда он купил эту

гавань за несколько ящиков опиума у сингапурского султана, и не только землю, но и всех желтых и черных людей, которые рождаются и умирают на воде.

Султан, получив пожизненную пенсию, поселился в построенном для него дворце на одном из маленьких островов. А в Сингапуре восторжествовал английский капитал, английское владычество.

Словно зеленые веера, поднимаются вокруг отеля подстриженные пальмы. Здесь вершат дела господа, прилетающие со всех концов земного шара: из Азии, Австралии, Океании, Филиппин, Японии. Отсюда летят в Париж и Лондон, плывут в Сидней и на Новую Зеландию. Это парадный вход английского колониализма. Он разукрашен, этот вход, но и здесь видны противоречия, их не скроешь.

...Возле отеля, на циновке, сплетенной из тростника, сидит индус в чалме. Несколько круглых корзин стоит у его ног. Индус уныло играет на тонкой свирели. И вот из корзины, чуть покачиваясь, завороженная, поднимается очковая змея. Она выбрасывает черный раздвоенный язычок, поглядывает по сторонам. Шарахаются окружившие укротителя туристы.

Укротитель, не отрываясь от свирели, свободной рукой открывает вторую корзину. Оттуда выскакивает маленький остроносый пушистый зверек. Это мангуст — непримиримый враг змей. Сейчас произойдет битва между очковой змеей и ее пожирателем. Господа заранее оплатили зрелище. А оно стоит довольно дорого: ведь кто-то, змея или мангуст, должен погибнуть.

Затаив дыхание, мы смотрим на ковер.

Змея уже на ковре. Она заметила противника. Мангуст хитрит. Он то замирает, то мечется вокруг змеи.

Прыжок. С шипением вытягивается раздутая шея змеи. Мангуст отскакивает. Еще прыжок. Теперь наступает змея. Покачиваясь, она исполняет какой-то странный танец вокруг притихшего зверька. Так боксеры прощупывают друг друга перед решающей схваткой. И вот развязка: бросок, шипение — и мы не успеваем прийти в себя, как маленький черный зверек перегрызает горло своему страшному противнику.

Мелкие монеты летят в корзину укротителя. Дамы и господа медленно расходятся.

Мы выходим на площадь.

В центре ее, на большом щите, — крупные фотографии совсем еще молодых людей. Под каждым фото — подпись и цифры с нулями. Я читаю надписи.

— Глядите-ка, — берет меня за руку боцман. — Что это они, вроде как доску почета повесили?..

— Доска почета? Полноте... Это руководители повстанческой армии Малайи, они борются против колонизаторов. И колонизаторы оценили головы этих борцов в долларах.

Притихшие, мы долго стоим перед портретами и читаем: 10 000 долларов — за голову этого человека... 8 000 долларов — за юношу, с презрительной улыбкой смотрящего с фотографии, 1 000 долларов — за этого широкоскулого парня...

Две фотографии перечеркнуты красным карандашом. Неужели парней поймали или

Скользят по заливу джонки с нарисованным глазом на борту.

предали? А может быть, отказались от их поимки? Неизвестно...

Площадь примыкает к английскому клубу, стоящему на самом берегу залива. Веранды клуба упираются в песчаный пляж, огороженный металлическими сетками. Это от акул, которых так много в заливе!

Другое дело — пляж для цветных и черных. Он далеко от аристократического, и его ничем не огораживают.

— Существует поверье, будто акулы не нападают на цветных, — объясняет мне боцман. — Но однажды я сам видел, как акула разорвала беднягу малайца.

На веранде клуба мы видим господ офицеров в легких спортивных костюмах цвета хаки. Они сидят за столиками, что-то пьют.

Гигантские небоскребы принадлежат заокеанским торговым компаниям, которых привлекают сюда богатства Малайи. Здесь самые богатые оловянные рудники на земном шаре. Треть олова, добываемого во всем мире, поступает отсюда.

Малайя — первый поставщик природного каучука. Раньше каучуковые деревья — гевейя — росли только в лесах Бразилии, по берегам реки Амазонки. Под страхом смертной казни было запрещено вывозить из Бразилии семена гевейи.

Но какой-то англичанин все-таки вывез тайно тысячу семян, спрятав их у себя на груди. Привез их в Лондон. Посадили. Выросло лишь несколько жалких кустиков. Кустики отправили в Сингапур, и сегодня здесь самые большие на земном шаре плантации каучуковых деревьев.

На базарах Сингапура, неистово шумящих, ослепляющих яркими красками, торгуют всем, что может представить себе самое смелое воображение.

Вот продают живого пятиметрового удава, пойманного где-то в джунглях. Удав лениво лежит на прилавке, привязанный за голову и за хвост. Женщины рассматривают удава, а хозяин лавки химическим карандашом отмечает куски, которые хотят купить разборчивые покупательницы.

— Они придут за своими покупками позже, когда весь удав будет поделен, — объясняют нам.

Рядом продаются богатейшие дары Индийского океана. Лиловые и зеленоватые медузы, похожие на глыбы застывшего льда. Рыбы необычайной формы и расцветок: круглые, как луны, и острые, как веретена. Раковины с перламутровыми створками. Морские ежи, черные и колючие, крабы с багровыми панцирями и тяжелыми клешнями, мелкие морские насекомые и черви — все это идет здесь в пищу.

Попугаи — красные, голубые, с зелеными хвостами. Снежно-белые какаду с желтыми клювами и множество стрекочущих крохотных попугайчиков. Клетки с застенчивыми обезьянами, уставшими от жары и любопытствующих взглядов. Все это продается и покупается.

В стороне от клокочущего потока я вижу женщину. Она стоит молча. Смуглая кожа обтягивает острые скулы. На ней такой же, как и на большинстве сингапурских женщин, наряд: цветные шаровары, доходящие до середины икр, и яркое кимоно. За спиной у нее ребенок. Его поддерживает полотенце, концы которого завязаны на груди у женщины. Ребенок не плачет, не беспокоит мать. Он молча глядит на меня маленькими, черными, как угольки, глазами.

Несколько женщин англосаксонского склада, одинаково, словно гимназистки, одетых в наглухо застегнутые костюмчики, проходят мимо матери с ребенком. У них на груди квадратные металлические кружки с прорезью. Это дамы-патронессы, собирающие деньги для благотворительных целей. Каждому, кто опускает в кружку монетку, дамы вручают маленький голубой цветок.

Они подходят и к нам, жеманно улыбаясь, и протягивают нам кружки.

— Пожертвуйте детям бедняков!

Мы бросаем монеты в кружку. Голубые цветочки переселяются к нам на грудь. Дамы уходят. Мы стоим и смотрим на усталую женщину с обтянутыми скулами и на ребенка с черными, как два уголька, глазами.

— Этот ребенок продается, — тихо говорит темнолицый сингапурец, сопровождающий нас. — Продажа детей запрещена, но все знают, что можно купить ребенка за пятьсот долларов.

— Пятьсот долларов? — переспрашиваю я.

— О, не думайте, что это дорого. Ведь это сингапурские доллары: они в три раза дешевле американских!

Рука моя тихо поднимается к голубому цветку, который только что приколола дама-патронесса. Я комкаю этот символ человеческого лицемерия и бросаю его к ногам молчаливой женщины, которая вынуждена продавать своего ребенка.

Будь проклят колониализм! Будь проклят!..

НАНА и НАДЯ

Слыхали ли вы, ребята, о соревновании, в котором одновременно участвовали бы шесть чемпионов мира? Нет? Что же, это не удивительно. Ведь, пожалуй, во всей истории шахмат был только один такой поединок.

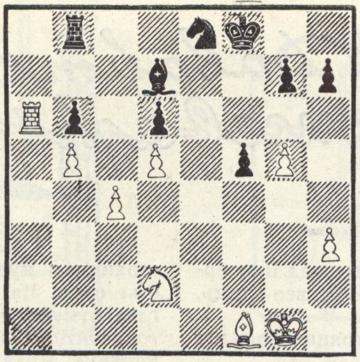
В дни Спартакиады народов СССР боролись за победу сборные команды пятнадцати союзных республик, Москвы и Ленинграда. Среди лучших шахматистов страны, отстаивавших спортивную честь своих коллективов, были чемпионы мира Тигран Петросян (Москва), Нона Гаприндашвили (Грузия), экс-чемпионы Михаил Ботвинник (Москва), Василий Смыслов (Москва), Михаил Таль (Латвия), Людмила Руденко (Ленинград).

А рядом с прославленными гроссмейстерами и мастерами вели упорную борьбу молодые шахматисты и шахматистки, растущая смена чемпионов.

Самой юной участницей Спартакиады была перворазрядница, пионерка Нана Александрия, ученица 61-й тбилисской школы. Нане тринадцать лет, но она уже не раз участвовала в соревнованиях и недавно стала чемпионкой Тбилиси. И еще одна школьница выступала в Спартакиаде. Это Надя Артамонова, ученица 20-й школы Ташкента. Надя — разносторонняя спортсменка. У нее первый разряд по шахматам, она увлекается плаванием, играет в настольный теннис.

Обе девочки добились хороших результатов на Спартакиаде, дали немало важных очков командам Грузии и Узбекистана.

Эта позиция возникла в партии между **Надей Артамоновой** и чемпионкой Ленинграда среди девушек **Любой Кристол.** Фигуры черных стеснены, пешки b6 и d6 ос-

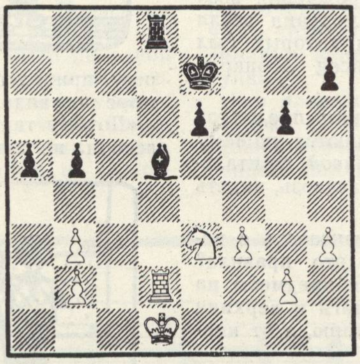

лаблены. Надя хорошо использовала свое преимущество. Игра продолжалась так:

37. Ла6—а7 Крf8—е7 38. Кd2—f3 (Белый конь направляется через d4 на с6. Черные должны немедленно принять меры, парирующие это вторжение. 38... Кре7—d8 39. Кf3—d4 Ке8—с7 40. Сf1—d3! (Вызывая создание новых слабостей в лагере черных). 40... g7—g6 41. h3—h4 Крd8—с8 42. h4—h5! (Еще больше расшатывая позицию черных). 42... Лb8—а8 43. Ла7 : а8+Кс7 : а8 44. Кd4 : f5! (Превосходно. Если 44... gf, то 45. g6, и белая пешка прорывается в ферзи). 44... Сd7 : f5 45. Сd3 : f5+ Крс8—d8 (Черные надеются организовать оборону после 46. hg ng 47. С : g6 Кре7). 46. Сf5 : g6!

Неприятный сюрприз. Взятие слоном значительно сильнее, чем взятие пешкой. Если теперь 46... hg, то 47. h6, и пешка белых неудержима. Вот почему Люба Кристол признала себя побежденной.

А к этому положению пришла партия **Наны Александрия** с шахматисткой из Киргизии **Мариной Ольшанской.** Приводим оконча-

ние партии и советуем вам, друзья, разобрать это окончание на занятиях вашей школьной секции. Шлите нам ваши анализы.

Вот как развивались события в партии.

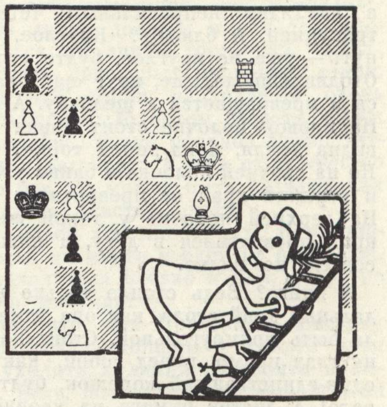
41. Ке3:d5+ Лd8:d5 42. Лd2:d5 е6:d5 43. f3—f4 Кре7—е6 44. Крd1—е2 d5—d4 45. b3—b4 а5 : b4 46. b2—b3 h7—h6 47. g2—g3 h6—h5 48. g3—g4 h5:g4 49. h3:g4 Кре6—d6 50. Кре2—d3 Крd6—d5 51. g4—g5.

Здесь Марина Ольшанская поздравила Нану Александрия с заслуженной победой.

В ваших примечаниях укажите, почему черные потерпели поражение, дайте советы, как им надо было играть.

ИНТЕРЕСНАЯ ПОЗИЦИЯ

Что ты делаешь, Пешкин? Ну, куда это годится, зачем ты лезешь на диаграмму?

Хочешь получше рассмотреть эту интересную позицию? Не узнаешь? Да ведь это задача, которую прислал **Юра Третьяк** из Днепропетровска. Юра переделал свою задачу после того, как получил твое письмо. Теперь ее уже решают не шах и не взятие фигуры...

Что, не рассказывать о решении... Будь по-твоему. Ребята и сами найдут, как белые, начиная игру, дают мат в три хода черному королю, и пришлют нам свои решения.

ПРОВЕРЬТЕ РЕШЕНИЯ

Многие ребята прислали нам решения загадок из журнала № 8. Давайте сейчас проверим, правильны ли ваши решения.

Этюд Вити Орлова: 1. Фf1—d3+ Крd4—е5 (1... Крс5 2... Фа3+) 2. f3—f4+Кре5:f4 (2...Крf6 3. g5+и. 4. f6+) 3. Фd3—g3+ Крf4—g5 (3... Кре4 4. Фе1+). 4. Фg3—h4+ и т. д.

Загадка № 1. На g8 стоял черный конь. Матует 1. Кh6—f7.

Загадка № 2. Черный король стоит на h1. 1. Сd1—f3+ Крh1—g1 2. 0—0—0 мат.

Художественная студия „Пионера"

Давайте рисовать

Занятие ведет Нина Федоровна Кирпичева.

Сегодня на занятия нашей студии пришел Проверкин. Знаете вы его, ребята? Он любит все знать, все проверять.

«Хоть и верю, но проверю»,— постоянно твердит он.

Сегодня он решил нарисовать то, что видит, с натуры. Он уселся за стол, поглядел вокруг и подумал:

«Как же это получается? Стол у нас квадратный, а выглядит неправильным четырехугольником — трапецией. А блюдце? Круглое, но стоит отодвинуть — уже не круглое, будто его кто-то сплющил. Отодвинешь дальше, круг еще больше сплющивается и превращается в щелочку. А цветочные банки? На первой полочке стоит банка как банка: в ней видна земля, и из земли торчат стебельки цветка. Но на средней полочке в банке уже земли не видно, и верхний край ее превратился в прямую линию. На верхней полочке у такой же банки верхний край превратился в дугу, а нижнего за полочкой совсем не видно.

А книга? Ведь стоило только переложить ее на дальний край стола, как она изменилась и перестала быть прямоугольной. Стоит поднять ее до уровня глаз прямо перед собой, как от нее остается один-единственный корешок, будто книги и не бывало! А листок бумаги на уровне глаз и того хуже — превратился в линию. Почему это?»

Таким явлениям люди начали удивляться очень давно. Древнегреческий философ Эвклид, живший за 400 лет до нашей эры, упоминает о них в одном из своих трудов. Уже тогда он сделал вывод, что такое кажущееся изменение предметов происходит не случайно, а закономерно. И зависит от устройства нашего глаза. Эти законы изучали художники, математики, архитекторы.

В XV веке в Италии, в эпоху возрождения всех наук и искусств, разрозненные наблюдения стали обобщаться усилиями многих, среди которых был и выдающийся итальянский живописец Леонардо да Винчи.

Так родилась наука об изображении предметов в том виде, в каком они представляются нашему глазу. Эта наука называется *перспективой,* от итальянского глагола perspicere — видеть насквозь, видеть вдаль.

Зная правила перспективы, легче рисовать с натуры и по воображению. Какие же это правила?

Ты заметил, как странно вели себя предметы на уровне глаз Проверкина? Лист бумаги и верхняя часть банки вдруг превратились в линию, а от книги остался один корешок!

Оказывается, во всем тут виноват уровень наших глаз. Эта как бы невидимая линия сопутствует тебе всюду. Куда бы ты ни пришел, на что бы ни поглядел, всегда предметы, расположенные выше этой линии, ты видишь снизу, а все предметы, расположенные ниже ее, видишь сверху. Но когда ты рисуешь, то изображаешь все как бы в застывшем состоянии и нужно, чтобы на рисунке уровень глаз был один. На картинах и рисунках этот уровень глаз отмечают прямой линией и называют *линией горизонта.* Она и является *повелительницей в любой картине!* Правда, когда картина кончена, то мы эту линию уже не видим.

Хорошо, скажешь ты, но ведь линия горизонта — это кажущаяся граница неба и земной поверхности?

На самом деле между линией горизонта наших глаз и географической линией горизонта нет практически никакой разницы. На открытом месте или на море, где хорошо видна географическая линия горизонта, она всегда проходит на уровне наших глаз.

Не веришь? Проверь!

Недаром Проверкин так старается. Посмотри, вот он вышел на открытое место, откуда хорошо видна степь. Он поднимает карандаш на уровень глаз, как обычно делают художники. И действительно, карандаш совпадает с линией горизонта.

«Нет,— думает Проверкин,— я пойду и посмотрю на степь из окна дома, с высоты второго этажа. Тогда наверняка горизонт останется ниже».

И вот он у окна; карандаш на уровне его глаз, и... горизонт тоже на уровне его глаз.

«Ах так,— думает Проверкин,— я влезу на стул, стану выше, и тогда...»

Но карандаш Проверкина опять совпал с линией горизонта. Он побывал и у моря, растянулся там на берегу, припал головой к теплой гальке, поглядел на море и увидел узкую полоску воды.

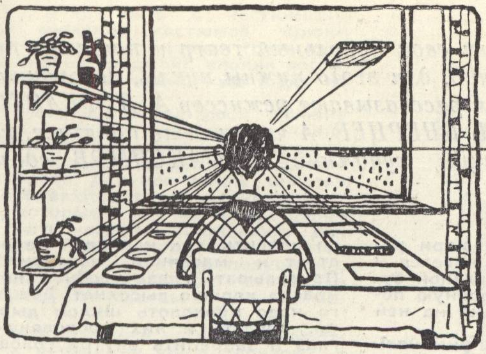
«Почему такое маленькое море?» — проворчал он, вскочил на ноги — и... море сразу выросло до уровня его глаз.

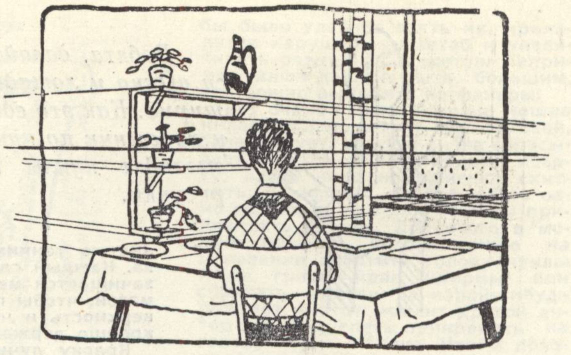
«Это уже лучше»,— решил Проверкин и полез на высокую гору.

«Ура!» — закричал он, увидев, что море открылось ему в полном своем великолепии и кончалось на уровне его глаз.

В городе, где много построек, горизонт, естественно, загорожен ими. Но если бы ты был волшебником и мог раздвинуть эти дома, освободив пустое пространство до горизонта, то он оказался бы на уровне твоих глаз.

Примерно на середине листа Проверкин провел линию горизонта и отметил главную точку схода.

«А как получится рисунок, если я сяду к столу сбоку, немного с угла?» — подумал Проверкин.

Но ты и вправду волшебник, когда, взяв на рисунке высокую линию горизонта, заставляешь своего зрителя как бы залезать на гору, откуда он видит панораму местности. Или, показав на рисунке только одно небо с самолетом и висящими в воздухе парашютистами, ты как бы заставляешь зрителя высоко закинуть голову. Ты можешь, проведя *среднюю* линию горизонта, заставить своего зрителя почувствовать себя сидящим в той комнате, какую ты изобразил. Вот и наш Проверкин начал рисовать комнату. Примерно на середине листа он провел линию горизонта. На ней он отметил *главную точку схода.* Главная она потому, что на линии горизонта она находится прямо против наших глаз и при неподвижном положении головы может быть только одна. В этой точке на рисунке *будут сходиться* при своем продолжении *все линии, расположенные перпендикулярно к плоскости картины, поставленной вертикально.*

Это будут боковые линии стола, направленные прямо на Проверкина, боковые линии подоконника, книги, полочек для цветов.

Линии, расположенные горизонтально к Проверкину, должны остаться горизонтальными и на рисунке.

«А как получится рисунок, если я сяду к столу сбоку, немного с угла?» — подумал Проверкин.

На другом листе бумаги он нарисовал такую же линию горизонта — ведь высота ее не изменилась, раз он остался сидеть на том же стуле. Проверкин отметил главную точку схода, но на этот раз она ему была совсем не нужна, ведь не было ни одной линии, которая была бы направлена прямо на него. Теперь все линии шли под разными углами к нему. У таких линий появляются уже другие точки схода, которые называются *случайными точками схода.* Они тоже находятся на линии горизонта, но за пределами листа бумаги. Поэтому Проверкину нужно было представить себе мысленно, как *параллельные между собою линии* должны при *своем продолжении пересечься* на линии горизонта. Здесь, конечно, не избежать некоторых черновых линий. Только проводите эти линии карандашом очень легко, чтобы их можно было потом стереть, и, уж конечно, не по линейке, иначе рисунок превратится в чертеж. Нужно развивать в себе само *чувство перспективы.* Оно так же может быть развито, как чувство пропорций и чувство цвета.

А как рисовать людей в композициях? Как узнавать их высоту, если их много и одни из них должны по замыслу находиться близко к нам, а другие далеко, в глубине рисунка?

Представьте себе, что наш Проверкин, фигурку которого мы нарисовали стоящим у самого края рисунка, начнет уходить к линии горизонта в любом направлении. Ведь, постепенно уменьшаясь, он на линии горизонта превратится для нас с вами в точку?

Значит, если верхнюю точку высоты Проверкина и нижнюю точку, где он стоит на земле, мы соединим двумя прямыми линиями с любой точкой на горизонте, то между этими линиями и будет меняться высота удаляющегося Проверкина. А если он вздумает расхаживать по горизонтальной линии вдоль рисунка, то его высота не будет меняться. Итак, высоту первого человека в рисунке мы должны выбрать сами. А определив, как меняется высота этого человека, вы можете двумя горизонтальными линиями переносить ее в любое место своего рисунка.

Это правило применимо к любой другой высоте, которая изменяется в перспективе, будь то высота здания, телеграфного столба, дерева, забора, внутреннего помещения или чего-либо другого.

Вот как будет выглядеть Проверкин, если он станет удаляться от нас к горизонту и если вздумает расхаживать по горизонтальной линии перед нашими глазами.

Ребята, давайте устроим свой кукольный театр и поставим пьесу «Окно и лошадь». Конечно, для этого нужны куклы, декорации и ширма. Как это сделать, вам рассказывают режиссер А. Я. ФЕДОТОВ и художник по куклам А. Н. КНЕРЦЕР. А чтобы было понятнее, как выглядят куклы и декорации, художник А. МАКСИМОВ сделал рисунки.

КАК ДЕЛАЮТСЯ КУКЛЫ

Больше всего подходят к этому спектаклю куклы-петрушки с головками из папье-маше и мягкими туловищами, которые надевают на руку актера.

Как легче и быстрее сделать таких кукол? Для головок взрослых персонажей возьмите за основу форму яйца. Головки могут получиться разные, в зависимости оттого, как вы прикрепите яйцо к шее: острым концом вверх или тупым, или положите яйцо боком. Сравните на рисунках к пьесе головы кукол — мамы, папы и бабушки. Для головок кукол-детей можно взять форму шарика диаметром 7 см.

Из пластилина или глины лепится яйцо-модель высотой 9 см, а шириной 7 см. Затем поверхность модели покрывают вазелином и обклеивают газетной бумагой, промазанной мучным клейстером. На модель нужно положить 5—6 слоев такой бумаги и просушить. Потом разрезать слой бумаги вдоль формы на две равные части. Высохшая проклеенная бумага, то есть папье-маше, легко снимается с пластилиновой формы. Полученные половинки аккуратно пригоняются друг к другу и заклеиваются мелкими кусочками бумаги в несколько слоев. Так заготавливаются болванки для кукольных головок.

После этого по эскизам художника следует вырезать из дерева или пенопласта носы; из замши, фетра или картона — уши; для глаз берутся мелкие пуговки, бусинки, а лучше всего стеклянные глаза для чучел. В головке делаются прорези, чтобы вставить нос и уши. Все это прикрепляется столярным клеем.

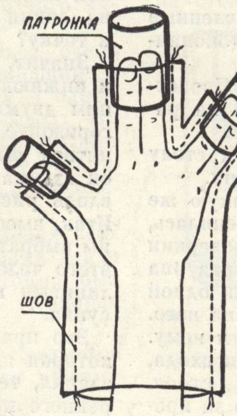
Чтобы голова куклы хорошо держалась на пальцах, надо склеить из картона трубочку-патронку по размеру указательного и среднего пальцев, сложенных вместе. Патронка и служит шеей для куклы. Пальцы, вращающиеся в ней, дают нужные повороты голове. Патронку вклеивают в отверстие болванки столярным клеем при помощи ткани, как показано на рисунке.

Теперь болванку покрывают грунтом, приготовленным из талька (или молотого и просеянного мела) и теплого раствора жидкого столярного клея (одна весовая часть клея на 6—8 весовых частей воды) с добавлением нескольких капель масляного лака или олифы. Грунт наносится кистью тонким слоем два-три раза. Каждый слой просушивается и зачищается мелкой наждачной бумагой, чтобы получить ровную поверхность и чтобы краска на ней хорошо держалась.

Краску лучше всего применять жидко разведенную на разбавителе. Краска тоже наносится тонким слоем два-три раза очень мягкой кистью.

В местах, где прикрепляют парик, губы, брови и глаза, не надо красить, так как клей не пристает к масляной поверхности. Приделывать глаза удобнее, когда краска хорошо высохнет. Для этого надо проколоть шилом дырочки, продеть в них проволоку от глаз и закрепить внутри головки. Губы и брови можно нарисовать краской или наклеить из шелка, бархата, картона или кожи соответствующего цвета.

Самое интересное — это подбирать фактуру для париков. Материал должен подчеркивать образ персонажа. Например, парик бабушки лучше всего сделать из ниток мулине, тонкого шнура или из мочалки. Для прически мамы лучше всего использовать сукно или тонкий фетр, вырезанный строго по форме (в местах, требующих утолщения прически, надо наклеить несколько слоев). Прически учителя и папы также можно выкроить из сукна или тонкого фетра и наклеить на болванку. Прически мальчиков могут быть сделаны из сукна или фетра, нарезанных узкими полосками, или из шнура и шпагата, слегка проклеенных жидким столярным клеем. Удачные парики можно подобрать из кусочков меха.

Рука актера управляет движением куклы. Поэтому надо сшить особую перчатку, плотно облегающую руку, но не стесняющую движения пальцев. Каждому актеру шьется своя перчатка, так как у всех размеры рук разные. Расположите на листе бумаги руку актера так, чтобы большой палец и плотно сжатые вместе мизинец и безымянный были как можно дальше отодвинуты от плотно сжатых указательного и среднего пальцев, точно обрисуйте контур руки карандашом и вырежьте. Полученную выкройку надо наложить на сложенную вдвое ткань и с возможно бо́льшим припуском на швы выкроить и сметать. Верхушки пальцев перчатки срезают.

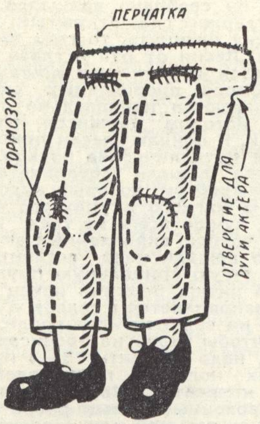
К патронкам, одеваемым на большой палец и безымянный с мизинцем, прикрепляются кисти рук кукол. Шить их нужно с особым вниманием и точностью. Сначала надо из бумаги сделать выкройку варежки, подходящую по размеру к кукле. Эту выкройку положить на сложенную вдвое ткань, очертить контур, сметать по нему и прострочить на машинке. Срезать лишний материал вокруг строчки следует с большой осторожностью, чтобы швы не расползались. После этого вывернутую на лицо варежку равномерно набивают ватой. Если простегать или прострочить на ней линии, которые разделяют пальцы, то и получится кисть руки. Затем надо прочно закрепить ее на патронке. Патронки должны надеваться до середины второй фаланги пальцев актера: только при таком положении можно двигать шеей куклы и сгибать ее руки.

Ну, а как быть с костюмами? Для мужских костюмов брюки шить нет смысла (почти треть куклы скрыта ширмой), вполне достаточно сшить неширокую юбку из темной ткани.

Только вот кукла Дюси должна быть с ногами: эта кукла в конце спектакля выпрыгивает из-за ширмы и попадает в руки к дядюшке Чиличала. Для ног куклы шьются и набиваются ватой длинные чулки, которые в том месте, где должно быть колено, прошиваются для сгиба. Над сгибом пришивается тормоз в виде ватной подушечки, чтобы нога куклы не сгибалась вперед. (Это все вы видите на рисунке.)

Заготовленные ноги пришиваются к переднему краю перчатки, а затем на них надевают брюки и приклеивают ботинки, вырезанные из дерева или пенопласта.

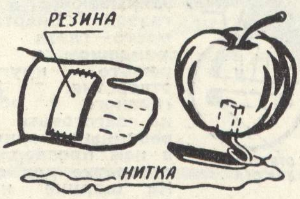
Кукла Дюси перебрасывается через ширму актеру, играющему дядюшку Чиличала. Это надо сделать очень быстро, и актер на какой-то момент должен стать спиной к зрителю, чтобы успеть надеть куклу на свою руку. Повернувшись к зрителям с куклой на одной руке и усадив ее на другую руку, актер ведет диалог и соответственно тексту управляет движениями куклы. Если руки у актера, ведущего куклу Дюси, и у актера, играющего дядюшку Чиличалу, разные, то придется сделать новую куклу Дюси, внешне совершенно похожую, только внутренняя перчатка и патронки должны быть по руке актера, играющего роль дядюшки Чиличала. Выбросить из-за ширмы надо второго Дюси, а первого быстро спрятать. Это надо сделать очень ловко и чисто, чего можно

добиться путем нескольких репетиций.

Кукла не может держать своими пальцами предметы, поэтому должны быть сделаны приспособления либо на руке куклы, либо на самом предмете. Дюси играет на губной гармошке: нужно пришить поперек его ладошки резинку, за которую можно гармошку просовывать. У Дюси рогатка. Нижний конец ее уходит за пределы грядки так, чтобы актер снизу поддерживал и помогал вести рогатку. У бабушки продуктовая сумка. Она просто надевается на ручку куклы. Ключ бабушка может доставать из сумки, поставив ее при этом на край грядки. Кукла-петрушка берет предметы двумя руками; чтобы было удобнее взять их, приходится нарушать масштаб и увеличивать размеры предметов. Например, ключ должен быть большим, его можно выпилить из фанеры.

Вот очень сложный трюк: Йошка кидает яблоко, ловит его головой, балансирует, а затем снова сбрасывает и подкидывает яблоко кверху. Здесь надо немножечко схитрить. Во-первых, подбрасывать одно яблоко, а на голову куклы прикреплять другое. Для этого в момент падения яблока можно на мгновение опустить голову куклы ниже грядки края (ширмы) или спрятать голову за какой-нибудь предмет, в этот момент другой актер должен успеть прикрепить на голову куклы яблоко. Чтобы яблоко держалось, на голове надо приделать резинку в цвет волос куклы и под резинку просунуть крючок, на котором укреплено яблоко.

К яблоку должна быть привязана крепкая черная нитка, за которую можно сдернуть его вниз.

Такие яблоки лучше всего выстричь из поролоновой губки и раскрасить масляной краской. К поролону легко можно приделать крючок и нитку.

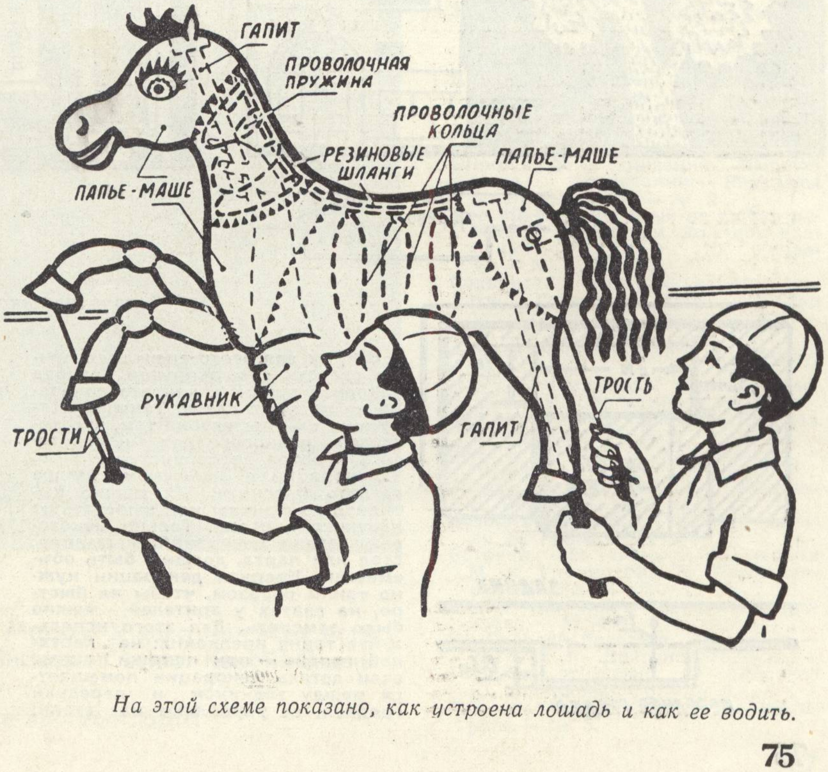
КАК СДЕЛАТЬ КУКЛУ ЛОШАДИ

Теперь из кукол нам остается сделать только лошадь Раро. По размеру она должна быть больше кукол. Поэтому один актер не сможет вести ее, здесь нужен помощник. Первый актер держит правой рукой голову лошади при помощи палки, укрепленной внутри головы. Такая внутренная палка, при помощи которой поддерживается кукла, называется гапитом. На этом гапите устроено управление рта и глаз. Свободной левой рукой актер может управлять движением ног лошади при помощи проволочных тростей, прикрепленных к копытам. Второму актеру надо поддерживать заднюю часть лошади за палку одной рукой и управлять движением хвоста и задних ног другой рукой.

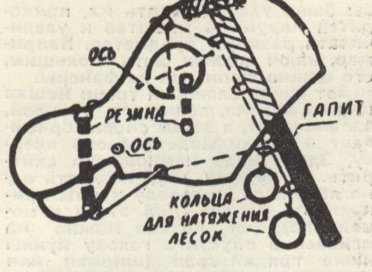
Как же сделать такую лошадь? Прежде всего надо подобрать двух мальчиков (желательно одного роста), которые будут вести куклу лошади. Поставим их одного за другим с таким расчетом, чтобы они не мешали друг другу. Актерам надо очень хорошо согласовывать все свои движения.

Примерная длина корпуса лошади — 70—80 см.

По эскизу надо вылепить (лучше из глины) голову, грудь и круп лошади. Все это оклеить папье-маше (слоев 8—10, чередуя бумагу с тканью). Затем тщательно просушить и отделить от глины. После этого надо очертить карандашом линию разреза верхней и нижней губы. Вырезанная отдельно нижняя челюсть лошади крепится на оси. В закрытом состоянии челюсть

На этой схеме показано, как устроена лошадь и как ее водить.

подтягивается резинкой, протянутой к середине лба внутри головы лошади. А открывается рот при помощи лески, укрепленной с наружной стороны челюсти.

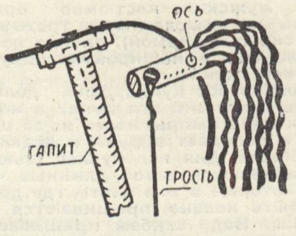

А теперь перейдем к устройству открывающегося и закрывающегося глаза. Очертите место глаза карандашом и вырежьте круглое отверстие. Для глазного яблока заготовьте деревянный шарик и в нем просверлите отверстие для оси. На шарике надо сделать пропил, в который вставляются ресницы, вырезанные из тонкой кожи или фетра. Шарик укрепляется на оси так, чтобы он свободно вращался. Резинка держит глаз открытым, а если леску натянуть, то глаз закрывается. Лески от рта и глаза пропускаются внутри шеи лошади и при помощи проволочных скобок располагаются параллельно гапиту, на котором держится голова лошади. К концам лесок привязываются металлические кольца.

Голова лошади соединяется с крупом-хребтом, который надо сделать из мягкого и упругого материала, лучше всего из трех резиновых трубок, скрепленных вместе. В шею лошади надо вставить не очень тугую спиральную пружину в 3—4 витка. Верхний конец спирали закрепляется в голове, а нижний — на верхнем крае груди. Для того, чтобы ткань не провисала на боках, надо вставить 3—4 проволочных кольца, прикрепленных снизу к хребту. Шейную спираль и проволочные кольца-ребра надо скрепить тесьмой или полоской из ткани шириной 2—3 см, чтобы кольца не очень расходились.

В крупе лошади внутри вставляется палка, за которую второй актер поддерживает заднюю часть лошади. На месте хвоста прорезывается отверстие, в которое вставляется стержень на оси. К наружному концу стержня крепится хвост из веревок или мочалы. На внутреннем конце крепится проволочная трость на неплотно завинченном шуруре для управления хвостом.

Когда каркас туловища и шеи

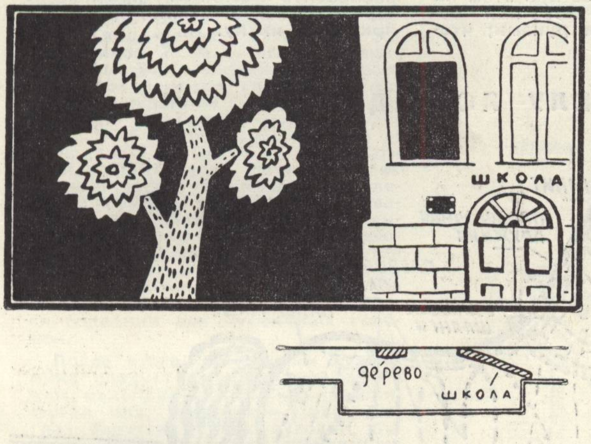

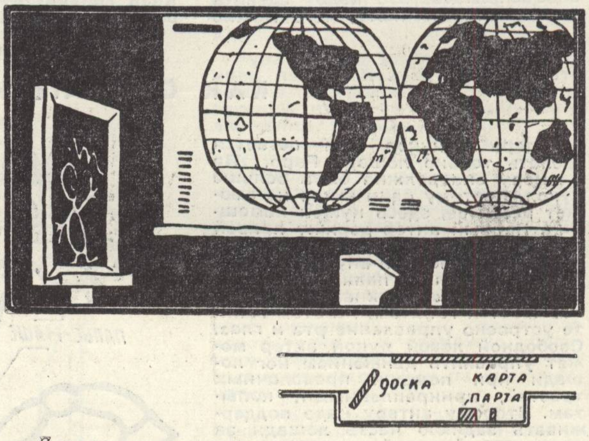
готов, его обшивают бязью и в нужных местах подкладывают вату, чтобы смягчить некоторые выступы или заполнить образовавшиеся впадины. Это надо делать с осторожностью: большое количество ваты уменьшает подвижность куклы и прибавляет ее вес.

Для ног лошади шьются из бязи мешочки и набиваются ватой по форме ноги. В коленных суставах ноги прошиваются два-три раза. К концам ног приклеиваются копыта, вырезанные из дерева или пенопласта. К копытам прикрепляются проволочные трости для управления ногами. Поверх готовой обтяжки лошадь надо обшить байкой. К отверстиям для рук актеров из этого же материала пришиваются рукавники, а на голову актеров шьются шапочки.

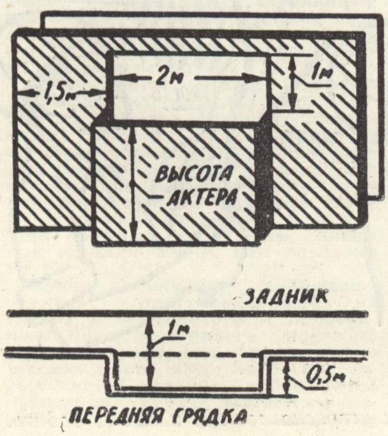
Уши лошади делаются из мягкого материла, например, из сукна или фетра. Грива и хвост делаются из веревки.

А ВОТ И ДЕКОРАЦИИ

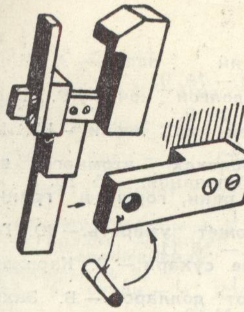
Декорации школы и класса.

Ширму для этого спектакля лучше сделать с выдвинутой вперед передней грядкой, как это показано на рисунке слева. Такая конструкция ширмы удобна тем, что позволит разнообразнее использовать игровое пространство.

Декорации в основном лучше сделать плоскими. Их можно выпилить из фанеры или вырезать из плотного картона. Только некоторые детали декораций, например, стол или парта, должны быть объемными. Крепить декорации нужно таким образом, чтобы их быстро, на глазах у зрителей, можно было заменять. Для этого используйте такие крепления: на передней грядке — при помощи гнезд; если деталь декорации помещается между задником и передней грядкой, ее укрепляют на стояк; декорации, размещающиеся у задника, просто вешают на крючках. Когда нужно показать движение по улице, декорации, как транспаранты, проносят на руках.

Сложнее обстоит дело с устройством дома, в котором живет Дюси, и интерьером комнаты. Эти декорации нужно «механизировать». Например, стена дома с лестницей должна опускаться, а стена в квартире Дюси раздвигается на глазах у зрителей. Для того, чтобы решить первую задачу, нужно воспользоваться двумя вращающимися валиками, укрепленными на стояках. Длина валиков должна позволять спрятать стояки от зрителей за порталами. На верхний валик наматывается декорация стены с лестницей, сделанная аппликационно из ткани. По ходу

Так нужно крепить макет парты к передней грядке.

действия лестница перематывается на нижний валик. Пока она перематывается, на задник вешается декорация комнаты Дюси. Декорация стены прикреплена к верхнему валику на тесьме, длина которой позволяет совсем смотать стену на нижний валик, чтобы она не срывалась с верхнего валика на глазах у зрителей.

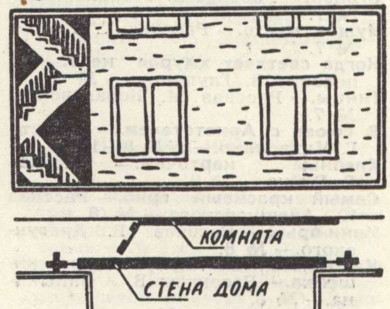
Когда вся стена смотана на нижний валик, ее тут же уносят, чтобы не преграждать игровое пространство, а на первый план (переднюю грядку) укрепляют стол с настольной лампой. Под этот стол будет прятаться лошадь. Лампа укрепляется с таким расчетом, чтобы ее можно было сдернуть за ниточку. Стол должен двигаться вверх-вниз. Это позволяет сделать гнездо для крепления декораций на передней грядке. Стену интерьера комнаты необходимо делать из двух частей, заходящих друг за друга, чтобы по ходу действия легко раздвигать комнату в ширину. Окно в комнате не прорезано, а нарисовано, занавеска подвижная. Шкаф крепится к стене на болтике так, чтобы он мог качаться и валиться набок.

Раскрашивать декорации нужно в светлые, яркие тона, чтобы они хорошо были видны на темном фоне задника.

Костюмы кукол тоже должны быть пестрыми.

Яркость красок сделает этот спектакль еще более веселым.

Мороженое? Бесплатно?

Ну, конечно! Это же Дед Мороз! У него для всех есть подарки. И для читателей «Пионера» тоже. Какой? Очень интересный.

Ждите 1-й номер журнала за 1964 год!!!

СОДЕРЖАНИЕ

журнала «ПИОНЕР» за 1963 год

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

СКАЗКИ

СТИХИ

ОЧЕРКИ И СТАТЬИ О ЖИЗНИ У НАС И ЗА РУБЕЖОМ

РЕБЯТА СПРАШИВАЮТ О КОММУНИЗМЕ

ШКОЛЬНАЯ И ПИОНЕРСКАЯ ЖИЗНЬ

СПОРТ

Учись падать.— В. Преображенский.— № 1.
Умею ли я ходить? — А. Светов.— № 2.
Волшебный орех.— А. Светов.— № 3.
А как, ребята, насчет туризма? — № 6.
Вам отвечают тренеры.— А. Ваньков, В. Волков, А. Зинин.— № 7.
Рязань, Первомайская, 24.— А. Светов.— № 8.
24 часа в сутки.— А. Светов.— № 11.

НАУКА И ТЕХНИКА

Языки-родственники.— Л. Даука.— № 1.
Об оловянном крестике и проросшем зерне.— А. Дорохов.— № 4.
На реке Канхе.— Д. Аттенборо. Перевела с английского Е. Штих.— № 4.
Можно ли в это верить? — А. Дорохов.— № 5.
Электронный машинист ведет поезд.— И. Силин.— № 7.
Велосипед и его семейство.— А. Некрасов.— № 8.
3 дня в Карликании — Сказка, да не сказка.— В. Левшин.— №№ 9—11.
Рождение молнии.— № 9.
Когда пришел корабль...— А. Некрасов.— № 11.
Сто вариаций на тему старой сказки.— Владимир Орлов.— № 12.

ОРУЖИЕ УЧЕНЫХ

Радиоглаз.— № 1.
Рука, ощупывающая дно океана.— Н. Зенкевич.— № 2.
Подводный глаз.— Н. Зенкевич.— № 5.
Фабрика ветров.— № 6.
Следы невидимок.— Е. Рубцова.— № 8.

ТАЙНЫ РАСКРЫТЫЕ И НЕРАСКРЫТЫЕ

Рубиновый луч.— Ю. Калинин.— № 2.
В недрах глаза.— В. Боровягин; **Подводные клады.**— Н. Зенкевич.— № 3.
Разбегающиеся миры.— Ю. Калинин; **Человек оказался старше.**— № 4.

ОТОВСЮДУ И ОБО ВСЕМ

Горящий лед.—Б. Розен; **Селедки-чемпионы. Трикотажные артерии. Кошачья электростанция. Робинзон по доброй воле. Чемодан с сюрпризом. Обеззвученная музыка. Заводы на водопое. Голуби под арестом.**— С. Фролов; **Необычный груз.**— № 1.
«Нет надобности». Радиоволки. Родина небывалых кораблей. Когда свистнет рак. Четвероногий контролер.— № 3.
В подарок почтальонам. Звери и техника. Веселый поезд.— № 5.
«Казанские шары». Улов в кинотеатре.— С. Фролов; **На безрыбье. Одна ласточка не делает весны. Три тысячи лет назад.**— Р. Рубинштейн.— № 8.

ПОЧЕМУ И ОТЧЕГО

Космос и время.— Ю. Клинков; **Тайна морской раковины.**— Е. Владимирова; **Следы на звериных шкурах.**— И. Энгельгардт.— № 2.
Секрет огненного язычка.— Ю. Клинков; **Живой свет.**— П. Горохов; **Почему летит ракета?** — Ю. Клементьев.— № 3.
Хитрое оружие.— М. Данилевич; **Отвечают древние рисунки.**— Е. Рубцова; **Как она называется.**— Е. Владимирова.— № 7.

ПОСТОЯННАЯ ПИОНЕРСКАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА

Зал радио.— В. Резников.— № 1.
Зал технических игрушек.— С. Задорожная.— № 2.
Зал кибернетики.— Ю. Сотник.— № 3.
Ракета-чемпион.— Г. Сорокина.— № 5.
Зал транспортных моделей.— Е. Рябчиков.— № 7.
Изобретатели за партой.— В. Богатков, Д. Иванников, А. Стахурский.— № 9.
«Мысль-1».— № 10.

МАСТЕРСКАЯ «ЗОЛОТЫЕ РУКИ»

Самодельные автоматы.— В. Резников.— № 1.
Ракета октябрятам.— С. Задорожная.— № 2.
Микроавтомобиль.— А. Абрамов.— № 4.
На старте — плавающие модели.— В. Еманин; **Подвесной моторчик.**— Е. Рябчиков.— № 5.
Трехколесный автомобиль.—А. Абрамов.— № 7.
Наш класс.—В. Страшнов.—№ 10.
Штаб дружины.— В. Страшнов.— № 11.

ХРАБРЫЕ ПОРТНЯЖКИ

Рабочая одежда.— Е. Воробьева, И. Самышкина.— № 3.
Форма одежды — парадная.— Е. Воробьева, И. Самышкина.— № 4.

ИСКУССТВО

Волшебный камень.— А. Комиссаров.— № 1.
Познакомьтесь заново со старыми знакомыми.— Ю. Новикова.— № 3.
Художник защищает мир.— № 4.
Как они попугаев рисовали.— А. Жукова.— № 4.
Во славу Человека.— Ю. Новикова.— № 7.
Колдовство художника.— Н. Надеждина.— № 8.
Ожившая старина.— Е. Мурина.— № 9.
Кинорассказ о великом подвиге.— О. Тихомиров.— № 11.
Устраиваем кукольный театр.— А. Федотов и А. Кнерцер.—№ 12.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СТУДИЯ «ПИОНЕРА»

Давайте рисовать. Занятия ведет Н. Кирпичева.— №№ 9, 10.

РАССКАЗЫ О ПИСАТЕЛЯХ

Путь сказки (О Е. Л. Шварце).— Ю. Новикова.— № 1.
Ваш добрый друг (К 60-летию со дня рождения Н. П. Кончаловской.— № 2.
Птичье общество (К 60-летию со дня рождения Ю. Фучика).— Г. Фучикова.— № 2.
От станции «Детство» до города «Взрослость» (К 50-летию со дня рождения С. В. Михалкова).— Ю. Яковлев.— № 3.
Революцией мобилизованный и призванный (К 70-летию со дня рождения В. Маяковского).— Л. Кассиль.— № 7.

ЧТО НАМ ЧИТАТЬ?

Как я познакомился с целакантом (о книге Дж. Л. Б. Смита «Старина четвероног»).— И. Рахтанов.— № 1.
Счастливого пути, Алешка! (о книге А. Кирносова «Человек отправляется в путь»).— Ю. Новикова; **Есть народец малый — гномы** (о книге М. Конопницкой «О гномах и сиротке Марысе»).— Вл. Глоцер.— № 2.
Человек не бывает один (о книге М. Коршунова «Когда замерзли дожди»).— Р. Канделаки; **Как дым выходит из трубы** (о книге «Волшебный мелок»).— Ю. Новикова.— № 3.
Памятник Пиноккио.— Б. Ржевский.— № 3.
С вами говорит Алексей Максимович (о книге «Горький — детям»);
Пятая судьба (о книге И. Гуро «Ты уже взрослый»).— С. Соловейчик;
Живая вода (о книге Е. Тараховского «Стихи и сказки»).— Ю. Новикова;
Тем, кто собирает марки.— № 4.
Вчера или сегодня (о книге Н. Богданова «Чудесники»).— С. Соловейчик.— № 5.
Славный путь (о книге З. Воскресенской «Сквозь ледяную мглу»).— Б. Володин; **Внимание, девочки!** (о книге С. Могилевской «Девочки, книга для вас!»).— А. Дорохов; **Нуждается ли Архилох в оправдании?** (о книге С. Лурье «Неугомонный»).— Т. Литвинова.— № 7.
Тамо Рус и его жизнь (о книге Л. Тыняновой «Друг издалека»).— И. Рахтанов.— № 9.
Книги про тебя (о книгах, премированных на конкурсе).— В. Смирнова; **Шаги в необычное** (о книге С. Гансовского «Шаги в неизвестное»).— Е. Рубцова; **Тревоги и радости маленького Тельняшки** (о книге М. Ефетова «Тельняшка — моряцкая рубашка».— А. Дорохов; **Марки рассказывают о книгах.**— Ч. Тарчинский.— № 10.
Мы хотим радости и мира (о сборнике «Пусть всегда будет солнце»).— Ю. Новикова; **Вступающему в комсомольскую жизнь** (о библиотечке «Вступающему в комсомол»).— Вожатый Сима Соловьев.— № 11.

СОВЕТУЮ ПРОЧИТАТЬ.— №№ 2, 5.

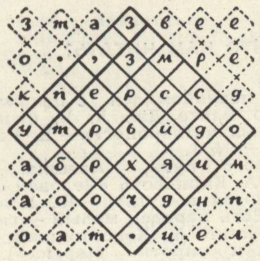
В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ.— №№ 1, 2, 3, 5, 6, 8, 9, 10.

ВЕСЕЛЫЙ БАРАБАНЩИК.— №№ 1, 2, 3, 4, 5, 7.

ОТВЕТЫ *на задачи,*

ПОМЕЩЕННЫЕ В № 10 и № 12

ВАЖНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Не случайно на донесении разведчиков изображен компас со стрелкой, отклоненной на 45 градусов. Если смотреть на клеточную фигуру в направлении, указанном стрелкой, то мы увидим развернутую форму волшебного квадрата с «надстройками» (левый рисунок). Буквы, попавшие в пунктирную надстройку, надо перенести внутрь квадрата на незанятые клетки. Делается это так: каждая верхняя буква переносится вдоль своей вертикали на седьмую клетку вниз; каждая нижняя буква тоже вдоль своей вертикали переносится на седьмую клетку вверх; каждая буква слева переносится вдоль своей горизонтали на седьмую клетку вправо; каждая буква справа переносится вдоль своей горизонтали на седьмую клетку влево. После такой перестановки все буквы окажутся на своих местах внутри квадрата. В решенном виде головоломка показана на правом рисунке. По горизонтали рядом читаем донесение разведчиков: «За мостом засада, пройти нельзя. Переходите речку вброд».

з	а	м	о	с	т	о
м	з	а	с	а	д	а
,	п	р	о	й	т	и
н	е	л	ь	з	я	.
п	е	р	е	х	о	д
и	т	е	р	е	ч	к
у	в	б	р	о	д	.

В ЛОДОЧНОМ ПОХОДЕ

Начальный пункт путешествия — город Уфа, родина писателя С. Т. Аксакова. Маршрут проходил по рекам: Белая, Кама, Волга, Ока. Конечный пункт путешествия — город Калуга, где жил и работал великий русский ученый К. Э. Циолковский.

ВСЕЗНАЙКИНЫ «ТРОФЕИ»

Утконос (3), эму (7), кенгуру (8) и черный лебедь (9) не водятся в Африке, а только в Австралии и на прилегающих к ней островах.

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**
Художественный редактор **П. Кузьмичев.**

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный пр., 14. Телефон Д 3-30-73.

Технический редактор **В. Пархоменко.**
Рукописи не возвращаются.

А 00209. Подписано к печати 19/XI 1963 г. Тираж 573 700 экз. Изд. № 2051. Заказ № 2667.

Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ВСЕЗНАЙКИНЫ «ТРОФЕИ»

На днях Всезнайка вернулся из большого путешествия по Африке, где он охотился на диких животных.

— Эти рисунки сделаны мною с натуры,— сказал он.— Мои охотничьи трофеи: звери, птицы и пресмыкающиеся, которых мне удалось поймать живьем. Скоро вы их увидите в зоопарке.

Все охотники любят прихвастнуть, и Всезнайка, понятно, не исключение. Из тринадцати нарисованных им животных четыре никак не могли стать его трофеями, так как они не водятся в Африке.

Не назовешь ли ты Всезнайке этих животных!

Рисунок В. Константинова.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Страна небольшая, но разнообразная: на горах снег, а внизу, на берегу Адриатики, цветут апельсины. Повсюду строятся новые дома, школы, заводы. Приезжайте в гости к нам, в Югославию.